

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 11 (233)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

**Центр гуманитарных
научно-информационных исследований**

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 11 (233). – 164 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В. Скворцов.</i> Реанимация расизма: Истоки и вариации	4
<i>Гузель Макарова.</i> Динамика российской, региональной и этнической идентичностей в Татарстане	37
<i>Е. Горюшина.</i> Влияние Ближнего Востока на кавказский экстремизм	44
<i>Станислав Чернявский.</i> Россия и Азербайджан в постсоветский период	47
<i>Д. Вильковски.</i> Арабо-мусульманские организации в Казахстане: Внешнее воздействие на исламское обновление	57
<i>Аркадий Дубнов.</i> Киргизия: Хворост для «Гюльпана-3»	73
<i>Марат Лаумулин.</i> США укрепляют свои позиции в Туркменистане и Таджикистане	76
<i>Алишер Файзуллаев.</i> Национальные традиции в современном Узбекистане	83
<i>Дина Малышева.</i> Международно-политические связи центральноазиатских государств и исламский фактор	94
<i>Виктор Коргун.</i> Современный Афганистан: Возвращение исламских клерикалов	105
<i>Александр Лукоянов.</i> Баланс двух культурных традиций определяет будущее Ирана	115
<i>К. Вертяев.</i> Политический ислам и формирование оппозиции в современной Турции	125
<i>М. Головизин.</i> Бруней: Маленькая страна с большими амбициями	131
<i>Ольга Бибикина.</i> Арабы в Европе: Иммиграционная политика Франции	136
<i>В. Петрищев.</i> Терроризм смертников	151

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Л.В. Скворцов,

доктор философских наук,
заместитель директора ИНИОН РАН

РЕАНИМАЦИЯ РАСИЗМА: ИСТОКИ И ВАРИАЦИИ

**Мегаобман: Феномен биополитического
расизма**

Возникновение шокирующих общественное мнение явлений, таких как массовое убийство Андерсом Брейвиком норвежских сограждан только за то, что они разделяют позиции мультикультурализма, или бунты и грабежи в Лондоне и других городах Англии в качестве акта мести за гибель находившегося под подозрением полиции «небелого» молодого человека, многие другие факты, требуют не просто эмоциональной и полицейской реакции, но и своего теоретического объяснения.

Здесь возможна готовая реакция, опирающаяся на суждения по аналогии с тем, что уже было. XX век – не столь отдаленное историческое прошлое, естественно, подталкивает к постановке вопроса: возможна ли в XXI в. реанимация расизма в массовых формах как социального явления и как государственной политики? Или современный расизм имеет свои особенности?

Расизм как государственная политика в XX в. стал реальностью. Штамп «истинности» ей придавали «научные изыскания». Речь шла о выявлении биологических и генетических доказательств «неполноценности» тех или иных рас по отношению к «высшей» арийской расе. Здесь расистский политический постулат определял направленность исследований и их конечные выводы. Доказательства выводов, основанные на измерениях размеров и изучении формы черепа и других особенностей представителей различных расовых, этнических групп, были, естественно, получены. Так формировались псевдонаучные предпосылки для беспре-

цедентных практических решений расистской политики. Ее практика также имела свои особенности. Она была тотальной. Это значит, что все представители «неполноценной» расы признавались «неполноценными», невзирая на их личные качества – физические, индивидуальные, и нефизические – культурные, интеллектуальные, нравственные.

Реализация расистской политики опиралась на созданный государством аппарат и на ее техническое обеспечение. Это определялось масштабом целей политики как уничтожения народов, таких как цыгане и евреи, так и превращения других народов в слуг и рабов расовых господ.

Расизм использовал выводы расовых исследований, но его сущность была совсем иной. Расизм искал обоснование человеческого жертвоприношения во имя решения проблемы жизненного пространства для арийской расы, поставленной на вершину человеческой иерархии.

Расистская политика осуществлялась и демонстративно и скрытно. Когда все ее основные тайные черты стали достоянием общественности, мир содрогнулся: до каких крайностей, до какого беспредела может довести эгоцентрическая алчность и этнический нарциссизм даже образованного человека.

В чем заключалась психологическая опора расистской политики? Она опиралась на субъективное представление индивида о своем «превосходстве» над всеми другими и безусловном отвержении любыми средствами превосходства других в конкурентном поле рыночной экономики.

Эта психология нейтрализовалась средствами высокой культуры. Вот почему нацизм нанес сокрушительные удары именно по высокой культуре. Расистская политика расчищала путь к глобальному кастовому порядку, рассчитанному на 1000 лет, а фактически на все времена. «Высшая раса» присваивала себе функции единственной касты, выполняющей роль субъекта глобального управления. Биологический фактор сливался с политическим. Сущность расизма XX в. – это не расовая теория как таковая. Первоначально теория рас отталкивалась от различий внешних признаков. Расовые качества народов мира связывались с цветом кожи. Соответственно выделялись белая, черная и желтая расы. Затем в контексте дарвиновской теории эволюции расы стали рассматриваться как продукт биологической и исторической эволюции.

Эта эволюция закономерно сделала расы и этносы разными, но эти различия не создавали оснований для расистской иерархии.

Между тем расистская доктрина превращала расовые различия и различное их восприятие в основание псевдонаучных аргументов в пользу реальности иерархии народов мира. Сущность расизма XX в. была не научной, а биополитической: биологический фактор использовался в геополитических целях.

С точки зрения науки физиологические и интеллектуальные различия внутри одной расы оказывались более разительными нежели межрасовые различия.

С этим парадоксом расистская доктрина справиться не могла. На него можно было лишь закрыть глаза.

Сегодня можно определенно утверждать, что расизм XX в. – это явление мегаобмана, основанного на псевдонаучных спекуляциях. Это – использование авторитета науки для осуществления античеловеческой политики и установления в мире расовых привилегий.

Если расизм основан на науке, то ему не может быть противопоставлена иная эффективная политика. Между тем, как известно, расистской биополитике противостояла политика «дружбы народов», которая была провозглашена в Советском Союзе. Заметим, что это была не только красивая фраза, но и антипод расизма, практическая реальность которого проявилась в полной мере в годы Великой Отечественной войны. Именно победа советского народа над нацизмом – это и победа над расизмом, над расистской биополитикой.

Но была ли это окончательная победа над расизмом, победа полная, не допускающая рецидивов?

Вот в чем вопрос. Факты последних лет не позволяют определенно утверждать, что расизм побежден окончательно и его возрождение невозможно.

Но где он? Где мы его видим? После ликвидации апартеида в ЮАР и преодоления расистских порядков на юге США мы не видим легитимизированных форм биополитического расизма. Но разве мы не слышим расистских заявлений и не наблюдаем расистских проявлений в различных странах? Что это за феномен, если он не тождественен биополитическому расизму?

Для того чтобы определить сущность современного расизма, необходимо прояснить возможность возникновения нетрадиционных форм расизма, их способность «отделяться» от своих биологических корней. Если это невозможно, то тогда расистские про-

явления в современных условиях следует относить лишь к формам девиантного, экстремистского поведения, считая их носителей людьми психически не совсем или совсем ненормальными. Не значит ли это, что мы закрываем глаза на реальные опасности и действительные угрозы расизма, существующие в современном обществе? Чтобы определить сущность современного расизма, необходимо прежде всего определить, что объединяет его с расизмом XX в.

При этом следует исходить из отчетливого понимания различия расовой теории и расистской доктрины. Если расовая теория исследует реальные расовые различия, то расистская доктрина основывается на построении барьеров между расами и их иерархии.

Иерархическая система может базироваться как на физиологических, так и на культурных различиях. Хотя современный расизм не акцентирует внимание на эмпирических биологических различиях рас и на генетических основаниях расовых различий, но он отчетливо проявляется как на бытовом уровне, так и в современных духовных противостояниях.

И сама опасная тенденция заключается в формировании расистской практически ориентированной «конструкции», нацеленной на поиск оснований грандиозного человеческого жертвоприношения, связанного с достижением доступа к мировым ресурсам, которые, как представляется, не могут выдержать требований экономического и социального прогресса для всех. Корневой признак расизма – это построение доктрины, оправдывающей высшее положение определенного народа, определенной нации в системе международных отношений, дающее ей право господства над другими народами, а в конечном итоге право управления миром. Современный расизм находится в процессе доктринального самоконструирования, решая ключевой имплицитный вопрос: кто может быть взят «в долю» и кто должен быть принесен «в жертву»?

В наши дни активно обсуждается вопрос о «мировом правительстве». Но что это такое – «мировое правительство» и кого оно представляет? Ведь не самого же себя.

Логически мировое правительство может опираться на ту часть человечества, которое признает его особые прерогативы подавления всех тех «изгоев», которые не принимают «необходимого» глобального порядка. Что это за порядок, как его понимать? Пока мы не имеем этого озвученного нового глобального порядка, хотя тенденции его конструирования уже существуют. Это – порядок мировой властвующей элиты, которая добивается молчаливого

согласия «посвященных». Пока этот порядок озвучивать просто неудобно, но считается, что это – «новая волна» исторического будущего для человечества, ограниченного новыми расовыми барьерами.

На поверхности современной общественной жизни реальность «новой волны» проявляет себя в формах «биодуховного» и «фенотипического» расизма. В этих формах расизм проявляет свою действительную сущность. Расизм – это не расовая теория, а *обожение* социальной группой в ее различных формах самой себя, наделение себя исключительным правом судить всех иных людей, общественных групп и народов. Расизм – это проявление духа субъекта, приписывание своей воле качеств воли Бога. Такому субъекту *все* подсудны, но он не подсуден никому.

Биодуховный расизм

В современном обществе расистские разделительные признаки начинают отождествляться с культурным своеобразием и стилем жизни, которые превращаются в основания общностей коммуникации и барьеры, отделяющие посвященных «лучших», образующих «соль земли», от «остальных», лишенных тех качеств, которые «естественно» присущи «лучшим».

Процессы глобализации ведут к смешению в современном расизме биологических признаков расы. Это – общая тенденция в его эволюции. Сохраняющееся в сознании расовое превосходство переносится на ряд небιологических признаков. Это – происхождение цивилизационного статуса, своеобразие образа жизни, стиль поведения, языковая культура, способность к самовыделению и самоидентификации с другими. Эти признаки могут относиться к различным в биологическом смысле этническим общностям, обладающим достаточным уровнем материального богатства. Так возникает биодуховная «расовая» общность, как потенциальное основание формирования нового типа расистской идеологии, обретающей свои корни в определенных формах социальной психологии. Расистская доктрина начинает формироваться, когда совокупность разделяющих культурных и социальных качеств начинает интерпретироваться и восприниматься как «данность» по определению недоступная другим расовым группам. Для такого разделения не существует научных оснований. Существуют субъективно выделенные признаки, которым произвольно придается субстанциональный смысл.

Это можно было бы расценивать как распространенное на бытовом уровне противопоставление людей друг другу, где каждый определяет себя в качестве критерия и в качестве лучшего.

Однако в современной глобальной ситуации такое разделение приобретает совсем другой смысл.

Посмотрим с этой точки зрения на особенности глобальной ситуации.

Население Земли составляет около семи млрд. человек. На этой почве возникли известные рассуждения о так называемом «золотом миллиарде». Это – своего рода виртуальный «Ноев ковчег». Он как бы «повис» в воздухе. Кто же эти избранные и по каким критериям должен осуществляться их отбор? Кто может утверждать, что в современном сознании не происходит «расовая игра»: кто, кому и по каким критериям будет выдавать счастливый входной билет в «Ноев ковчег»? Тот, кто обладает реально превосходящей военной силой и реальной превосходящей экономической властью. Он может приписать себе такие качества – естественные или сверхъестественные, которые предопределяют право на цивилизационный выбор – сохранить себя и свой «круг» ради «высших» цивилизационных интересов и принести в жертву остальных. Логистично? Конечно, логистично значит «логистика» таких размышлений возможна? Да, возможна. Но в чьих головах? Вот в чем вопрос.

На мельницу этой «логистики» работает и наметившийся достаточно определенно кризис прогресса в сложившемся его понимании, а вместе с тем и кризис цивилизационного мышления, связывающего неограниченность прогресса с неограниченным потреблением природных ресурсов. Прогресс может остановиться, если природные ресурсы вдруг обнаружат свою ограниченность и возможность исчерпания.

Поскольку принципы цивилизационного мышления, сложившиеся в эпоху модерна, продолжают действовать с нарастающей силой, то возникает тенденция деструкции той среды, в которой родилось человечество и без которой оно существовать не может. Вместе с тем проявляется фундаментальная проблема цивилизационного мышления.

Это уже не абстрактное мышление и не абстрактная самооценка народом самого себя, а определение своей судьбы, права на свое продолжение, на самосохранение рода. Возникает и реальный аспект современного глобального духовного дискурса. Это аспект

перехода к новому типу цивилизационного мышления и образа жизни.

Этот переход можно сравнить с превращением гусеницы в бабочку, т.е. в иную морфологическую реальность. Расистский подход как раз и является антиподом такого превращения, движение по инерции порождает рецидивы расизма в его новых формах, обретающих глобальные черты.

Речь идет о культурологическом построении определенного образа современного расового мира, как достаточного основания унитарной системы глобальных отношений, которыми могло бы управлять мировое правительство.

Оно «возлагает» на самого себя право селекции народов и неизбежно встанет на путь практической реализации расовой биополитики. Это его эзотерическая функция.

Потенциальная «элиминация» «неполноценных» может определяться не только биологическими критериями. Некая неопределенность критериев сохраняет возможность свободы принятия решений и действий. Главное состоит в понимании того ключевого обстоятельства, что определение достаточного массива «изгоев» позволит продолжить движение по традиционному пути экспансии рынка и демократии для избранных.

Но как возможна практическая реализация этой цели, если против нее восстает историческая память народов, дух созданных после Второй мировой войны международных организаций и сущность принятых документов, регулирующих международные отношения? Это возможно, если создать такую ситуацию, когда компрадорская элита различных стран будет брать на себя «работу» по занесению своих народов в разряд «неполноценных» в надежде получить за это ярлык «достойного» высшей расы.

Это может казаться невероятным, но самое невероятное подчас и осуществляется в истории.

Эту возможность, как представляется, открывает информационная глобализация.

Народы через современные средства информации «смотрят» друг на друга. Они живут в системе «информационных зеркал». В этой системе они оценивают подлинность и справедливость смысла своего бытия. Происходит духовный раскол населения, часть которого начинает верить в истину иных, теперь уже не местных смыслов.

Локоцентризм и топофилия «перемешиваются» странным образом, формируя духовный потенциал глобальной гражданской

войны. Традиционные ориентации размываются и традиционные общества начинают приходить в хаотичные состояния. В этой ситуации новую жизнь и новый смысл получает идея столкновения цивилизаций. Страны, охваченные гражданскими войнами, начинают сами решать фундаментальную глобальную проблему. Вот почему, как правило, лишь одна из сторон получает поддержку сил, претендующих на лидирующую роль в современном мире. Эта ситуация была предвосхищена концепцией столкновения цивилизаций, сформулированной в 1993 г. Самуэлем Хантингтоном. Хантингтон исходил из внутренней несовместимости исходных оснований цивилизаций – западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, славянско-ортодоксальной, Латиноамериканской и африканской. Синкретизм принципов критерия выделения цивилизаций – географического, культурного и религиозного не может смущать теоретика, если он за истину принимает исходный постулат несовместимости. Но это – априорный постулат. Опыт истории культуры XX столетия наглядно доказал реальность процессов культурного взаимовлияния и взаимодействия цивилизационных блоков Запада, Востока, Севера и Юга. Такие теоретики как Макс Шелер уже в начале XX в. анализировали процессы органических коммуникаций людей, принадлежащих к различным этносам, религиям и культурам¹. Хантингтон же утверждает, что великие разделения среди человечества и доминирующие истоки конфликта будут иметь культурный характер². Вокруг идей Хантингтона и была развернута небывалая пропагандистская кампания. В итоге идея «культурной несовместимости» стала обретать характер массового предрассудка.

Этот массовый предрассудок стал получать свое наиболее рельефное фактическое осуществление применительно к выделенному отношению между западной и исламской цивилизациями.

Ключевым эмпирическим фактором такого выделения стала известная дата – 11 сентября 2001 г.

Террористический акт, осуществленный путем авиационной атаки на торговые центры в Нью-Йорке и на Пентагон, получил такую интерпретацию и такое официальное публичное освещение, что был воспринят как начало войны между западной и исламской

---

¹ См.: Макс Шелер. Проблемы социологии знания. – М., 2011. – С. 41, 148–174.

² См.: Huntington. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. – Vol. 72, p. 22–25.

цивилизациями. Вторжение в Ирак и Афганистан окончательно закрепило это представление.

Возникшая социально-психологическая ситуация имела ключевые следствия. Оказалось, что формирование в оккупированных Западом странах послушной администрации стало толчком для внутренней гражданской войны, которая обрела глобальный характер. Свидетельством этого стали события в Тунисе, Египте, Ливии и других странах Севера Африки и Ближнего Востока. Выявилась и другая особенность ситуации: движущей силой революционных сдвигов стал плюральный субъект. Его поведение определялось дирижерской функцией лидера. Именно поэтому замена неудобных лидеров стала рассматриваться как коренное условие успеха реализации новой глобальной политики. Происходящие события стали затрагивать массовые настроения в западноевропейских странах. В странах Западной коалиции под постоянным подозрением оказались как исламские, так и другие представители национальных меньшинств.

Это послужило одной из причин отката от политики мультикультурализма, которая была благопринято встречена в ЮНЕСКО и имела под собой разработанные теоретические рекомендации применительно к сферам управления, образования и быта, открывающие возможности налаживания сотрудничества и кооперации поколений иммигрантов с коренным населением стран Запада. Возникающее духовное противостояние и информационная глобализация сделали чрезвычайно актуальным вопрос о том, какая цивилизация является действительным носителем универсальных ценностей, а значит, определяет будущее человечества.

Если идеологи Запада делают основной акцент на свободе как траектории, прочерчивающей путь в будущее, то исламские теоретики придают ключевое значение роли женщины как матери и дочери как сакрального базиса продолжения рода, в отличие от роли женщины как бездуховного объекта сексуального наслаждения.

Соответственно формируется типичный образ представителя той или иной цивилизации.

Так, считается, что для мусульманина вообще характерно свойство слишком быстрого размножения. Также полагается, что мусульманин имеет скрытую цель создания глобального мира, в котором он будет занимать господствующую позицию. При этом он руководствуется двойной моралью. По отношению к членам мусульманской общины он должен руководствоваться моральными нормами. В отношении представителей иных религиозных и

культурных общностей ему разрешается нарушать моральные нормы, если это позволяет добиваться нужных результатов в глобальной политике. Виртуальные образы формируются и в отношении национальных меньшинств. К их специфическим этническим свойствам относят склонность к созданию банд, применение насилия, распространение наркотиков, воровство.

В мусульманской среде и в среде этнических меньшинств формируются свои виртуальные образы представителей западной цивилизации – мужчин как потенциальных импотентов в сексуальном отношении, а женщин как склонных к промискуитету. «Вестернизация» отождествляется с определенным способом бытия женщины в публичном пространстве. Считается, что здесь происходит эрозия абсолютных ценностей, порождающая разрушение разделительной черты между ответственной и легкомысленной женщинами, между матерью и проституткой. Поскольку через механизмы рынка устанавливаются компромиссные решения, устраивающие обе стороны, особенно касающиеся ключевого вопроса – цен на нефть, – то несовместимость цивилизаций связывается с виртуальной спецификой культур.

Советник президента Клинтона Магнус Рансторн делает вывод, что участие мусульман в конфликте с западной цивилизацией будет определяться не столько их материальными интересами, сколько «яростным отвержением западной культуры», возникающим в силу регрессивного желания раздеть до нага «секулярную, научную, рациональную и коммерческую цивилизацию, созданную Просвещением»¹.

Естественно, такому толкованию исламизма противостоит его духовный противовес. Так, например, Сюзан Бак-Морсе, позиционирующая себя как «критического теоретика», считает необходимым донести до сознания западной аудитории, что исламизм как политический дискурс выходит далеко за пределы догматического фундаментализма и террористического насилия. Он является мощным источником критических дебатов в борьбе против недемократического утверждения нового мирового порядка Соединенными Штатами и против экономического и экологического насилия неолиберализма, фундаменталистская ортодоксия которого является топливом для нарастающего разделения между богатыми и бедными. Это говорит о том, что секуляризация не является га-

---

¹ См.: Journal of International Affairs. 1996, Vol. 50, p. 49.

рантией от догматизма веры и что даже фундаменталистские религиозные тексты открыты для различной интерпретации¹.

На самом деле ислам, как известно, активно использует такой источник как Священное Писание, в силу чего диалог христианской и исламской культур представляется не только возможным, но и естественным. Для того чтобы «обойти» это логичное заключение, необходимо допустить, что современная западная культура в своей сущности не является христианской, а скорее антихристианской. На этом акцентируют внимание теоретики исламизма, такие как Сайд Кутэб. Они считают, что «аккумуляция богатства на одной стороне и его отсутствие на другой – это великая сила для коррупции... Она подобна крайней витальной энергии в теле и должна найти выход... Проституция, пьянство, азартные игры, рабство, низость, потеря достоинства и чести – все это идет вместе и ничто иное, как симптомы крайнего богатства, с одной стороны и его отсутствия – с другой»².

Гей-парады, аборт, эпидемия ВИЧ-инфекции, сексуальные путешествия, педофилия, деградация тендерных функций женщины – все это может расцениваться как симптом крушения христианской культуры, культуры белой расы и как опасность для мусульманской цивилизации. И этим мотивируются ограничения свободы перемещения мусульманских женщин на улицах, семейных общений, сопротивление их устройству на работу стюардессами, журналистами, в международном сервисе. Очевидно, что такие ограничения также несут на себе своеобразную расовую печать.

Нефтяное богатство арабских стран включает их активы в мировые финансовые рынки. Мелинда Купер, лектор кафедры социологии Сиднейского университета (Австралия) отмечает особенности неопредматериализованного ислама. Это – дитя детерриториального капитала, особенно тесно связанного с Саудовской Аравией, настроенной на мировые финансовые рынки. Когда Саудовская Аравия стала культивировать свой особый бренд воинствующего ваххабитского ислама, это была с самого начала попытка создания транснациональной общины такой веры, которая выходит за пределы территориальных границ, апеллирует к быстро рас-

---

¹ См.: Buck-Morss, Susan. *Thinking Past Terror: Islamism and Critical Theory on the Left*. London, p. 50.

² См.: *Theory, Culture and Society*, Los Angeles; London, 2008, Vol. 25, N 6, November, p. 32.

тушей и живущей в Европе массе работающих иммигрантов. Растущее влияние ваххабитского ислама в мире может быть понято в связи с нефтяным богатством Саудовской Аравии и его увеличением путем рециклирования через мировые финансовые рынки¹. При этом банки умело находят обходные пути вокруг исламского запрета на получение ростовщического процента. Так что аккумуляция богатства на одной стороне и его отсутствие на другой – это свойство капитала и арабских стран. Сочетание исламского фундаментализма с неолиберальными формами экономической активности порождает сложные социальные процессы в арабских странах. Характерны в этом отношении противоречивые процессы постколониального развития Алжира от войны за независимость до гражданской войны.

В личностном плане следствием этих процессов становятся странные смещения в духовной сфере. Мелинда Купер приводит замечательный пример литературного творчества Джеббар, которая предала чистоту как французского языка, так и классического арабского². Характеры ее историй находятся «на пороге». Так, мать француженка, дети которой алжирцы, предает французских оккупантов. Она попадает во французский госпиталь, лежит в коме и умирает, но не может быть похоронена рядом с мужем-алжирцем до тех пор, пока не примет Ислам.

Реальная ситуация порождает крушение надежд, противоречивые настроения от желания вернуться на землю отцов до отступления и желания покинуть эту землю, бросить все и купить обратный билет.

Реальные процессы сложных взаимовлияний и взаимодействий не укладываются в упрощенный взгляд представителей цивилизаций друг на друга. Между тем упрощенный взгляд и с той и с другой стороны получает широкое распространение и воспринимается как соответствующий фактическому положению. Отталкиваясь от эмпирически фиксируемых отдельных черт и особенностей, он утверждает в массовом сознании образы, которые можно определить вслед за Максом Вебером как расовые «идеальные типы». Эти «идеальные типы» превращаются в априорные установки, которые налагаются на различные аспекты межрасовых и межэтнических коммуникаций.

---

¹ Melinda Cooper. Orientalism in the Mirror: The sexual politics of Anti-Westernism // Theory. Culture and Society. 2008, Vol. 25, No 6, November, p. 33.

² См.: Djebar, Assia. Algerian white, N/ Y., 2003.

Раса как носитель истины пути

С носителями противоположных «идеальных типов» в массовом сознании отождествляются расовые субъекты, единолично владеющие знанием и способные практически реализовать истину пути для человечества.

Их несовместимость и взаимное отторжение отражает скрытые за рыночным обменом и финансовым взаимодействием глубинные намерения безусловного овладения стратегическими ресурсами, определяющими функционирование современной технической и социальной базы глобальной цивилизации. Властвующая элита, знающая истину пути, это вместе с тем и символ расового превосходства над всеми, живущими «по лжи».

Она является олицетворением духовной высоты.

Можно говорить о трех основных критериях уровня духовности властвующей элиты.

Во-первых, это заявленная способность адекватного понимания ситуации своей страны и своего народа. Во-вторых, это видимый высокий уровень морали и культуры, подкрепляющий формами поведения и поступками особенно в критических ситуациях. В-третьих, это претензия на знание истины пути в глобальном мире. Действительное знание истины пути в отличие от расистской догмы должно вывести политическую практику из капкана узких альтернатив: государственный секуляризм или религиозный абсолютизм; неолиберализм с его социальным и духовным нигилизмом или революционная диктатура социальной справедливости. Между тем проблема властвующей элиты – это сокрытие действительных намерений. На Западе возможна точка зрения, что эволюция цивилизации достигла своей конечной цели – это свободный рынок и демократия. Доктрина неолиберализма с этой точки зрения и есть высшая цивилизационная истина. В отличие от концепции неолиберализма, утверждающей сакральность функции свободного рынка, исламская социальная справедливость рассматривает собственность и богатство как своего рода служение от имени Бога. Экономический обмен с этой точки зрения легитимен постольку, поскольку он признает границы, устанавливаемые божественным принципом пропорциональности, который является эквивалентом справедливости.

Провозглашаемая цель западной цивилизации – это реализация утопии, несовместимой с современным цивилизационным плюрализмом, представленным «империями зла» и многочислен-

ными «изгоями». В качестве контрапункта этой позиции формируется исламский неофундаментализм, который представляет джихад как новый тип антиимпериалистических глобальных отношений, более полный и адекватный нежели другие формы, такие как движения антиглобализма и сохранения окружающей среды. С этой точки зрения «Аль-Каида» превращается в практическую реализацию джихада как метафизической борьбы ислама с другими религиозными течениями, такими как христианство и иудаизм, независимой от социальных и биологических различий¹. Таким образом, искусственно конструируется цивилизационное противостояние, формирующее альтернативную духовную атмосферу, которая легитимизирует применение силы. Цивилизационная позиция Запада – это не просто «точка зрения» наряду со многими другими в плюральном мире. За ней стоит превосходящая военная мощь, готовая обрушиться на всех попадающих в разряд «изгоев». Когда ставится вопрос, как и почему возникает расовая ненависть в современных условиях, то необходимо отдавать себе отчет в том, что речь идет не только о различиях стилей поведения, языковых и культурных различиях, но и о различиях возможностей и конечных результатов проявления потенциала свободы, заложенного в исторически сложившихся цивилизационных образованиях. В ситуации скрытой апокалиптической угрозы наблюдается массовый сдвиг от секулярных форм цивилизационного самосознания к сакральным его формам. Сакральные формы создают предпосылки принятия самопожертвования как формы эффективного вооруженного сопротивления в противостоянии технической мощи сверхдержавы. Таким образом формируется видимость единственно возможной легитимности противоположных, исключаящих друг друга «высоких» духовных миссий неоллиберализма и исламского неофундаментализма. Иная альтернатива, как известно, была нивелирована с разрушением Советского Союза в результате политики перестройки и реформ 1990-х годов.

Для торжества в глобальном масштабе неоллиберализма или исламского неофундаментализма необходимо «молчаливое согласие» их открытых или скрытых сторонников, понявших и принявших в качестве своей предлагаемую сверхзадачу. Так возникает биодуховная расовая противоположность. Личностный аспект в этом виртуальном расизме играет ключевую роль.

---

¹ См.: Theory, Culture and Society. – Los Angeles; London. 2008, Vol. 25, No 6, November, p. 26.

Можно ли при этом избегать прямых обвинений в расизме? Можно, если осуждать тех, кто открыто и громогласно называет себя расистом, тем самым позиционируя себя как «антирасиста». Мы не измеряем размер и форму черепа, не акцентируем внимание на цвете кожи, на иных физических и физиологических особенностях как основании расового превосходства. Мы лишь выявляем основания цивилизационного превосходства как очевидные истины, а значит, обретаем право распространения своей культуры на весь мир. Очевидно, что в утверждении культурной глобальной миссии присутствует недоказанное априорное утверждение частного обладания цивилизационной истиной.

В результате абсолютизации тотальности истины своего символического мира возникает иллюзия соучастия в утверждении и оправдании расовой, сексуальной и антропологической иерархии.

Но такое оправдание может присвоить себе любая исторически сложившаяся и существующая столетия цивилизация и любой ее правоверный представитель. Это – дело веры, а не фундаментального научного знания.

Здесь исчезает гегелевская диалектика, предполагающая «снятие» крайних противоположностей и рождение «третьего», обеспечивающего дальнейшее восхождение исторического процесса. Оказывается возможным лишь постоянное возвращение к себе, к своим символическим формам. Новое возникает лишь как тотальная деструкция своей противоположности. Вот почему био-духовный расизм неолиберализма с его априорной претензией на неограниченное управление миром может обретать зеркальное отражение со своими прямо противоположными претензиями. Известно, например, что в Соединенных Штатах существует исламская группа, ставящая в качестве конечной цели восстановление доминирующей роли исламской империи в современном мире. Это – группа салафитов, исповедующих враждебное отношение к немусульманам. Такое враждебное отношение распространяется и на тех мусульман, которые занимают умеренные позиции¹.

Салафиты объединены представлением, согласно которому они веруют в истину пути, и ее глобальную победу. В своем учении они находят ответ на мировые проблемы, своего рода карту,

---

¹ См.: Shadee Elmasry. The Salafis in America: The Rise, Decline and Prospects for a Sunni Muslim Movement among African-Americans // Journal of Muslim Minority Affairs, 2010, Vol. 30, № 2, June, p. 218.

на которой нарисована дорога к утопии, двигаясь по которой они испытывают братские чувства. Они уверены, что доктрина неолиберализма не только не рождает таких чувств, но и является отклонением от истины и поэтому недостойна серьезного внимания. Духовные лидеры салафитов готовились в университетах Саудовской Аравии; их обучение и проживание полностью оплачивалось. Сроки обучения подчас достигали семи лет¹.

Восприятие доктрины как безусловной истины и взаимопомощь формируют чувство, свободное от мелкой зависти и корысти. Общины в таких штатах как Нью-Джерси и Вирджиния превратились в «Мекку и Медину» салафизма в Америке. Но самое интересное состоит в том, что большинство сторонников салафизма составляли афро-американцы. Расовый аспект здесь имеет религиозную доминанту, сохраняя при этом и биологическую составляющую. Эта «смесь» начинает питать потенциальное расовое противостояние в современном мире. Философы исламского братства, такие как Сайд Кутэб, считают, что ислам дает равенство всем мусульманам из всех частей мира и отвергает расовые, национальные и региональные ограниченности². Но как поступать с теми, кто не отрекается от своей расовой, национальной или региональной исключительности? Логически последовательный ответ на этот вопрос дают талибы: не соответствующее истине не имеет право на существование.

Вместе с тем современные формы противостояния содержат в себе очевидные на поверхности лежащие особенности. Исчезновение информационной замкнутости мусульманских сект позволяет видеть абсолютную истину как своего, так и иного пути. Теперь стало недостаточно называть себя мусульманином, чтобы стать «братом» или «сестрой» всякого другого мусульманина. Виртуальное будущее начинает разрушать мусульманское единство. Столкновение исключаящих друг друга «абсолютных истин» пути – это и есть виртуальная гражданская война. Это духовное столкновение порождает подозрительность и озлобление, которые при определенных условиях перерастают в политические, а затем и вооруженные столкновения.

---

¹ См.: Shadee Elmasry. The Salafism in America: The Rise, Decline and Prospects for a Sunni Muslim Movement among African-Americanus // Journal of Muslim Minority Affairs, 2010, Vol. 30, № 2, June, p. 225.

² См.: Theory. Culture and Society, 2008, Vol. 25. Number 6. November. London; Los Angeles, p. 30.

Таким образом, проблема современного духовного расизма это прежде всего проблема понимания скрытых механизмов глобальной политики. Вместе с тем это не только проблема традиционных разделительных линий между цивилизациями, но и проблема их этнических, национальных, территориальных и культурных разновидностей. Более того, это – проблема способности человека посмотреть вглубь самого себя, определить скрытые мотивы своих взглядов и своего поведения, способность посмотреть на самого себя с позиций представителя другой расы.

Это и философский вопрос, затрагивающий судьбу человечества: что будет с человечеством, если в человеке исчезнут ориентации на универсальные нормы морали и права?

В широком смысле слова – это проблема адекватности образа самого себя как человека, т.е. когнитологическая проблема, проблема цельного знания.

В современном расизме можно наблюдать оксюморонное сочетание биологических и небιологических элементов.

С одной стороны, под объяснение противостояния подводятся концепции «этического непомитизма», в соответствии с которыми определяются тенденции действовать благоприятно в отношении других организмов в той мере, в какой они биологически относятся к главному субъекту действия. С другой стороны, широко известно и то, что концепции, объясняющие расовые противоречия исходя из свойств кожи, формы черепа, качества волос, биогеографии были раскрыты наукой как ложные. Все это превращает биодуховный расовый фактор в аспект политических игр. Представители расовых меньшинств могут использоваться как доказательство отсутствия политики расизма.

Вместе с тем наиболее экстремистски настроенные националистические демагоги пытаются выдать свои этнические группы за расовые «виды», находящиеся под угрозой уничтожения со стороны других расовых видов. Специфический интерес к расовой проблеме имеется и у индивидов, образующих структуру государственного аппарата. Аппаратчики относят себя к элите общества и используют свое положение, чтобы законодательно закрепить за собой привилегированное положение в качестве «спасителей» своей расы. Такое «спасение» видится реальным в контексте окружающих этносов и рас как представляющих вечную потенциальную угрозу. Избавление от этой вечной угрозы – это создание своего и только своего государства, в котором своя и только своя

элита может исполнять функцию спасения. Так сохраняется свое положение в своем государстве.

Этот специфический интерес особенно остро проявляется у нуворишей властвующей элиты, испытывающих страх из-за возможности утраты только что завоеванного положения. Этот страх выливается в концепции «несовместимости» даже близких культур. Это – специфическая игра на этнических и националистических чувствах, которые якобы в себе несут знание «истины пути», которая однако ведет к постоянному и деструктивному противостоянию со всем миром.

Возможна и иная игра – игра на космополитических иллюзиях. В этом отношении особый интерес представляет феномен «гламурного расизма», наделения группами лиц самих себя специфическими качествами носителей счастья элитарной жизни, данных им как бы «свыше» и «от рождения». Разделительная черта, отделяющая носителей «гламурного счастья» от «серой массы», определяется не только локально, но и глобально. Так определяется виртуальная возможность самосохранения посредством формирования космополитической солидарности всех, относящих себя к «гламурной расе».

С одной стороны, принадлежность к «гламурному расизму» определяется вхождением в группы более узкие нежели локальные и этнические. А с другой стороны, она определяется способностью выхода за национальные государственные границы, стремлением утвердить новые параметры расовой солидарности.

В новых параметрах международных солидарностей усматривается решающая роль легитимации статуса «гламурной элиты» как космополитической расы. «Гламурная элита» становится «такой же» как все в мире, все как особая элитная «раса».

Глобализация открывает для представителей этой «расы» уникальную возможность чувствовать себя комфортно всюду вне своих национальных и этнических корней. Но эта иллюзия рассыпается, когда национальные банки блокируют счета представителей «гламурной расы». Индивиды, «чудесным» образом овладевшие огромными богатствами, пытаются формировать свое константное «культурное лицо», которое «естественным» образом ставит их «выше» действующих моральных и правовых норм и независимо от национальной почвы.

В этом им содействуют духовные лидеры, падающие на колени перед зеленой бумажкой и виртуозно реализующие желание ее хозяина. В условиях глобализации расистское поветрие затраги-

вает не только гламурные слои общества, но и «простых» людей, которых гламурная «элита» определяет как «быдло». Именно в противопоставлении себя основной массе народа проявляется сущность «быдла» как обратной стороны гламурной «элиты». И «быдло» и «гламурная элита» утрачивают позитивные экономические, социальные и культурные функции и играют роль паразитических образований на теле народа. В специфическом расизме они находят оправдание своего паразитического бытия с двух противоположных сторон: гламурная раса со стороны богатства; быдло со стороны бедности. И это – характерные проявления фенотипического расизма.

Фенотипический расизм

Явления фенотипического расизма возникают на уровне повседневных, бытовых отношений. Это – не сконструированные расовые образы, а реальные чувства и реальные формы самообособляющегося расистского поведения. Существующие традиционно в безобидных столкновениях между соседями, представителями различных национальностей, они обретают острую агрессивную форму вместе с расширяющимися миграционными процессами, с обострением региональных этнических и специфических межрасовых противоречий.

Нельзя не видеть, что в них возникают новые формы биополитического расизма, которые наделяют конкретные этнические группы такими псевдорасовыми качествами как излишний вес, отклонения в социальном поведении или склонность к совершению преступлений против человечности. Тема расы и расизма еще далеко не исследована. В современной ситуации стал актуальным вопрос: применимы ли в условиях глобализации исторически сформировавшиеся механизмы решения проблем фенотипического расизма? Исторически определенными механизмами решения таких расовых проблем известны: это апартеид, т.е. разделение рас; ассимиляция, т.е. слияние расового меньшинства с большинством, восприятие его языка и культуры; мультикультурализм – как нахождение форм сосуществования и позитивного взаимодействия этнических групп в границах единого государства.

Эти исторически определенными подходы к решению расовых проблем, как считается, относятся к прошлому. Жизнь, однако, показывает, что это не так. Например, возможен своеобразный добровольный апартеид. Так, хасиды в Соединенных Штатах Аме-

рики, под влиянием установок главного раввина, создают всеми уважаемый хасидский порядок, строгий дресс-код, строгий правовой закон. В сельских районах, где возможно приобретение больших размеров аграрной собственности, создаются условия, при которых дети воспитываются в «чистой» среде хасидов, не имея возможности коммуникации с нехасидами.

Существуют и нерелигиозные общины такого рода – члены секты сайентологов, байкеры, внутригородские банды.

В современной ситуации раса позиционирует себя прежде всего социально и культурно, тогда как натуралистические признаки воспринимаются как символы и намеки, позволяющие оценивать окружающую реальность как территорию врага или друга.

Демаркационные линии рас возникают до самосознания. Массовая культура, средства информации, телевидение, кино, литература создают образы, которые становятся исходными пунктами дорефлективного восприятия этнической и расовой реальности. Эш Амин – профессор географии и исполнительный директор Института передовых исследований Дархамского университета вслед за А. Салданха как раз и называет дорефлективное повседневное расовое деление «фенотипическим расизмом»¹.

В качестве характерного примера «фенотипического расизма» он приводит описание Аруном Салданха в его книге «Психоделическая белизна»² чувства превосходства белых людей на пляжах Гоа, проявляющегося в характере загара, осанке, одежде, акценте, татуировках, стиле и потребительских привычках. Соответственно территориально они занимают определенные части пляжа. В отличие от жителей Британии и Северной Европы, попытки представителей азиатских стран, Гоа и Южной Европы казаться «привлекательными», по его оценкам, всегда остаются неуклюжими, второсортными и неуместными. Он также обратил внимание на то обстоятельство, что полиция, комментируя гражданские молодежные бунты в английских городах, обычно делает акцент на местных историях сегрегации, нищеты, культурной изоляции и формах нарушения законности. Хотя известно, что в отношениях, в частности, к мусульманам априори присутствуют подозрительность, страх и ненависть. При оценках внешнего вида

---

¹ См.: Ash Amin. The Reminders of Race // Theory, culture and society. 2010. Vol. 27, Number 1, January, p. 7.

² Saldanha A. Psyhedelic Whiteness: Rave Tourism and the viscosity of Race in Goa. Minneapolis. University of Minnesota Press, 2007.

делается акцент на бороды, висячие штаны, молитвенные тубетейки.

Один из путей преодоления фенотипического расизма состоит в достижении адекватности связи между принимаемым законодательством об иммиграции, иммигрантах и нацменьшинствах, принявших гражданство данного государства, и традиционной иерархической системой их отношений. В сфере национальных и этнических самооценок нередко возникают противоречия, поскольку этнос может считать себя критерием оценок независимо от того, является ли он большинством или меньшинством. В нестыковке критериев самооценок и возникает виртуальная игра сходств и различий, безопасности и угроз, внешних и внутренних сущностных форм поведения.

Одна из острых проблем – это порядок проведения массовых религиозных праздников, соблюдения обычаев и традиций таким образом, чтобы эти мероприятия не воспринимались в качестве культурного вызова, духовной агрессии, направленной на публичное утверждение абсолютной истины своей веры как антипода ложных верований другого. Соответственно и эстетическая форма ритуального поведения может восприниматься противоположным образом: как «прекрасная» или «безобразная». Здесь начинает действовать априорно заданная духовная установка.

Человек интуитивно отделяет прекрасное в культурных традициях разных цивилизаций от безобразного при всей их специфичности. Дело в том, что сущность гармонии, определяющей наличие или отсутствие прекрасного, проявляет себя в многообразных формах. Как она являет себя человеку в качестве объективного основания красоты – это особый вопрос, требующий специального рассмотрения. Во всяком случае следует иметь в виду, что и в истории эстетических вкусов одной и той же расовой группы наблюдаются качественные переходы. То, что первоначально воспринимается как скачок от прекрасного к безобразному, затем становится объектом признания и восхищения.

Для «фенотипического расизма» характерна тенденция к монополизации красоты. На уровне повседневности наблюдается реанимация биологического расизма с его чувственными проявлениями и стремлением к разделению в различных, в том числе общественных, экономических, культурных сферах. Так возникают разделенные стандарты классификации, привычки публичных комментариев, демаркации внутренней и внешней жизни. В итоге в разряд «небелых» могут попадать не только мусульмане и цыга-

не, но и многие другие, в принципе любые иные этнические группы. Проявления «фенотипического расизма» подводят к необходимости определения универсальных критериев оценки уровня культуры и адекватности стиля поведения.

Если мы их получим, то тогда и сможем давать адекватную оценку того, что «выше» и что «ниже» в разных культурных традициях. Без этого оценки будут носить заведомо предвзятый характер и смысл.

В ситуации глобализации возникает сложная смесь внутренних мотивов и внешних форм поведения, проявляющаяся как в кодифицированных институализированных структурах, так и в поведенческих технологиях, основанных на мифах и традициях, привычках повседневности, на литературной и публичной культуре.

На этой почве возникают различные общие территории в границах одного и того же города или района. Этническое «превосходство» с его языковой спецификой оказывается составной частью охватывающей его расовой общности, через которую оно проявляет свою внутреннюю сущность.

На бытовом уровне вера в безусловное этническое превосходство приобретает характер насильственного утверждения господства и подчинения. Духовный раб перестает быть хозяином собственного самосознания и должен утратить качество самостоятельной личности. Он должен постоянно давать сигнал о своей готовности принять те «правила» межрасовой игры, которые ему навязываются. Такие формы отношений могут проникать в различные сферы жизни, даже в армию. Так, например, в июле 2010 г. в одной из воинских частей Саратовской области пятеро выходцев с Северного Кавказа создали отряд и объявили «войну» русским сослуживцам. Солдат со славянскими фамилиями отлавливали в укромных местах, били и унижали, отнимали деньги. А на их головах выбривали слово «Кавказ», как свидетельство своего этнического господства на микроуровне¹.

Аналогичные по своему смыслу случаи наблюдаются в гендерных отношениях, в отношениях некоторых выходцев с Кавказа к русской женщине.

Своего рода расистским парадоксом можно считать феномен рабовладельческих отношений, где в роли господина начинают выступать ранее угнетенные этнические группы. Так, например, в

---

¹ См.: Елена Генина. «...И выбили слово “Кавказ” на голове» // Комсомольская правда, 1 сентября 2011 г. – С. 7.

британском городе Лейтон-Баззард действовал цыганский табор, в котором в качестве рабов использовались англичане, поляки, румыны и русские¹.

Успех процесса межэтнической адаптации определяется моральной способностью сторон подниматься выше самих себя, переходить к формам комфортных межчеловеческих общений, в которых расовые и этнические ориентации заключаются «в скобки». Это – позиция человеческого равенства. Она утверждается действующими сообща авторитетными представителями сторон. Таким образом расизм и его ужасающие последствия и машинерия расовой биополитики добровольно выводятся «за скобки». Внутри системы таких отношений сохраняется лишь одна форма превосходства – это превосходство правоты² обязательной для каждой из сторон.

Правота в данном случае оказывается своеобразной коррекцией этноцентристского духа расы, который традиционно воспринимался как основной вектор, как «субстанция» нации и «достоинства». Преступления нацизма заставили самым внимательным образом обратиться к выявлению всех истоков расизма. Сегодня мы вновь стоим перед вопросом: возможен ли перенос онтологии отношений правоты в самосознание народов современного мира? Пока мы не имеем утвердительного ответа на этот вопрос.

Правота как форма онтологической ориентации является универсальной, пригодной для систем образования, найма на работу, административного управления и повседневных бытовых отношений. И это уже не только политика, но и ее перерастание в систему человеческих отношений, которые должны становиться привычными и обретать форму постоянно действующих традиций.

Это значит, что необходим вполне осознанный подъем политики административного управления до уровня тех условий, которые порождает глобализация, а также осмысленное регулирование личного поведения. Политика включает регулирование потоков миграции, размещения и обеспечения условий работы и проживания, учета возрастания присутствия иностранцев и туристов в территориальных границах страны и крупных городов.

---

¹ См.: Золотарев Б. Рабство по-английски // Московский комсомолец. 13 сентября 2011 г. – С. 3.

² Правота, как категория, идентична активной форме «правды-истины», понятию, принятому в русской философской традиции.

Второе важное направление политики – это накопление этнического и расового опыта в условиях различий образов жизни и смерти, гендерных отношений, отношений в труде и на отдыхе, различий отношений с соседями, реакций на слухи о друг друге, возможностей взаимной адаптации при сохранении национальной идентичности и внутренних амбиций. Речь идет о формировании так называемых переговаривающихся рас, переговаривающихся между собой и внутри себя.

Этот переговаривающийся процесс – важное условие совместного формирования взаимного доверия, исключения антигосударственной агитации и создания условий для ограничения и неприменения полицейской и армейской вооруженной силы в условиях обострения межрасовых и межэтнических противоречий.

Параллельно с этим позитивным процессом необходимо создание доступного для массового восприятия исторического образа расизма. Этой цели могут служить фактологические и фотовыставки, мемуарная литература, встречи с жертвами расизма, кинофильмы.

Речь в сущности идет об осмыслении возможных ситуаций, которые складываются внутри отдельных стран и в мире в целом под воздействием процессов глобализации.

Сможет ли человек перенести те моральные принципы, которые возникают под воздействием этнической жизни вместе, на другого, оказавшегося в силу глобальных обстоятельств вместе с тобой в твоём городе и в твоей стране? Возможно ли в этой ситуации осознание взаимного долга и взаимных обязанностей? Этот вопрос переносится и в систему международных отношений. В историческом прошлом расовый эгоизм воспринимался либо как явление «естественное», либо как явление «сакральное», как атрибут «богоизбранного народа».

В современной ситуации расистские установки обретают форму априорных императивов, создающих духовные предпосылки для установления культурного доминирования как предпосылки геополитического господства.

«Новый культурализм»

Новый культурализм является тем направлением расистской мысли, в котором вырабатываются универсалистские оправдания особой миссии «спасения» ценностей цивилизации от грядущего варварского нашествия «неполноценных» рас. Так, всему миру

предлагается принять образ жизни одной великой державы. Выполнить эту рекомендацию в силу объективных экономических причин невозможно. Поэтому ситуация «превосходства» сохраняется постоянно, как и заранее заданная «неполноценность» других народов мира. Это – моральные основания предвосхищающих действий, нарушающих универсальные нормы и принципы международного права, лейтмотив агрессивных действий в современной международной политике. Онтологическое основание нового культурализма заключается в субъективной виртуальной конструкции «добра» и «зла», как надежды и угрозы глобальной цивилизации.

Имплицитно новый культурализм исходит из дилеммы жизни и смерти. Если вы хотите сохранить жизнь, вы должны быть способны переступить через все моральные заповеди и правовые нормы. Но в действительности речь идет не о жизни вообще, а о сохранении особой привилегированной жизни. Это и есть дорога к расизму.

Конечно, теория не должна уходить от вопроса: действуют ли перед возможностью смерти расы универсальные моральные нормы или же выживание диктует признание в качестве блага любого, в том числе и крайнего зла в отношении других этносов и рас? Умолчание не означает отсутствие знания этой особенности взаимного межрасового восприятия, зафиксированного уже в Священном Писании. Однако глобализация поставила все нации перед проблемой обязательного распространения общих моральных норм на всех. В современной ситуации расы и этносы находятся в общей связке. Можно провести аналогию с альпинистами, зависшими над пропастью: если «вырубить» хотя бы одно звено, концы связки с зависшими на них альпинистами полетят в пропасть. Осознание современной глобальной ситуации происходит не сразу, а путем болезненного опыта: нет желания признавать реальность взаимозависимости в существующем цивилизационном хрупком равновесии. Это – болезненный процесс, требующий следовать общим ценностям в реализации правовых норм и идентичных форм международного поведения, в деятельности международных организаций.

Попытка создать видимость следования универсальным нормам и в то же время удержать в реальной политике расовый этноцентризм и находит свое выражение в новом культурализме.

В условиях нарушения равновесия сил возникают тенденции легитимации доминирующей предвзятости как реализации истин-

ного блага для всех. Для достижения такой легитимации необходимо культурное доминирование, добровольно принимаемое иными, «не совсем полноценными» или «совсем неполноценными» народами.

Культурное доминирование молчаливо позиционируется как явление расового превосходства. Особую роль в реализации такой ситуации играют средства массовой информации и массовой культуры.

Именно поэтому в реализации основных целей современной геополитики средствам массовой информации и массовой культуры уделяется самое пристальное внимание.

Уважающие себя властвующие элиты, не замыкаясь в границах своей национальной культуры, не допускают ее превращения в субкультуру доминирующего в мире властвующего субъекта. Это обеспечивается соответствующим законодательством и постоянной заботой о сохранении позиций и чистоты национального государственного языка.

Вместе с тем глобальная геополитическая ситуация оказывает влияние и на внутреннюю ситуацию субъектов глобальной политики. Возникает тенденция подчинения внутренней политики реализации глобальных геополитических целей. Это отчетливо проявилось в политике американской администрации в годы президентства Рональда Рейгана и Джорджа Буша. Именно в эти годы возникает специфический альянс между неолиберальным государством свободного рынка и моральным фундаментализмом. Процесс принятия правительственных решений начинает определяться религиозно-подобной претензией на безусловное превосходство. При этом культурное превосходство толкуется весьма широко как качество «правильной» цивилизации, присваивающей право монопольного обладания истиной бытия. В этой ситуации сохранение принципов демократии внутри страны и в системе международных отношений зависит от наличия эмоционально сильного мотива добровольного подчинения общим правилам участников глобального взаимодействия. Поскольку внутренняя жизнь государств-наций и международная жизнь характеризуется сосуществованием разных этносов и рас, то выявление мотива принятия общих правил, позволяющих подавлять непосредственные интересы и чувства, подчинять их интересам блага целого – это не простой «расчет», а большая идея, наполненная смыслом, рождающим великий эмоциональный подъем. Под воздействием идеологии

биодуховной расы большая идея приобретает радикальную деструктивную форму нового идеологического крестового похода.

На этой основе происходит осмысление путей разрушения исламизма не только как террористической идеи, но и как религии. Для этого считалось необходимым показать, что исламизм – это дорога унижения и поражения, а не широкий путь к славе, концепция, несовместимая с европеизмом, предприятие универсального идеологического доминирования.

Со своей стороны идеологи радикального ислама делают акцент на нравственных несовершенствах Запада, его духовной «пустоте» и глобальных претензиях на духовное разоружение мусульманской цивилизации.

Проблема формулируется таким образом, что ее решение влечет за собой практическое заключение: «или-или», или «мы», или «они». Очевидно, что это путь обострения расового противостояния. Формируемая идеологическая дихотомия не соответствует реальным процессам.

Этническое меньшинство претерпевает изменения, но оно влияет и на изменение внутренней сущности большинства. Постепенно формируется новое расовое качество, идет процесс образования всечеловека, удерживающего мировое культурное и биологическое различие.

Вместе с тем возникает вопрос, каким образом разрядить заложенную под современный мир биодуховную бомбу? Может быть, следует положиться на материальное всеислие рынка как стихийного механизма гармонизации межрасовых и межэтнических отношений? Может ли рынок стать основанием общенациональной самоидентификации или необходима какая-то иная основа органического объединения в форме общего самосознания? Эта неясность и продолжает оставаться источником многих непростых проблем. Рынок питает коррупцию, вывоз капитала из страны, расточительное отношение к природным ресурсам, пренебрежительное отношение к экологическим проблемам. Так он разрушает истину пути. Эти негативные тенденции массовое сознание связывает с этическими и расовыми характеристиками представителей крупного бизнеса и бюрократического аппарата. Даже в условиях современных культурных рынков расовые проблемы вдруг становятся «непреодолимыми».

Расизм начинает казаться истиной нашего времени. Вот чем опасен феномен Андерса Брейвика в Норвегии и событий в Англии в августе 2011 г. Аналогичные симптомы возникли и в Герма-

нии. Естественно возникает вопрос: как «работают» известные философские концепции применительно к толкованию современных расовых проблем? Открывают ли они перспективу окончательного и бесповоротного преодоления расизма?

Ответить на этот вопрос попыталась Элизабет Гросц¹. Она выделяет три позиции. В соответствии с концепцией Дарвина процесс естественного полового отбора, если его экстраполировать и на человека, порождает многообразие вариаций, не совпадающих с каким-то одним общим совершенным состоянием. Не может быть общей для всех логика судьбы и поэтому расовые эксцессы – это норма и удивляться им не следует. К смирению с проявлениями расизма подталкивает и учение Ф. Ницше о воле к власти. Если воля к власти – это вневременное, т.е. постоянное, не исчезающее стремление, то в цивилизационных отношениях в конечном счете рождается доминирующая властвующая раса – независимо от этапа и характера цивилизационной эволюции. Это – цивилизационный «супермен», который устанавливает закон жизни сам для себя и правила жизни для других.

Сохранение стремления к экспансии нации или расы – причина вечного повторения расовых столкновений. Вопрос состоит только в определении, кто сегодня выполняет функции супермена, определяющего правила жизни для всех. '

Наконец, объяснение устойчивости глобализма видится в концепции А. Бергсона, согласно которой раса несет в себе *elan vital*, жизненный порыв, который в своей потенции есть некий константный стержень, который может проявить себя самым неожиданным образом. Таким образом раса – это длительность внутреннего цивилизационного качества, которое сохраняется даже при видимых внешних изменениях. Все три философских объяснения открывают перед нами пессимистическую перспективу. Однако у этой философской тучки может быть и «светлая изнанка».

Сегодня мало кто рассматривает нацию только как феномен природы. Нация это продукт истории, а значит, результат исторического творчества человека.

Человек стал человеком, т.е. обрел свою человеческую специфику, когда он научился управлять своими рефлексам, страстями, сделал своей человеческой сущностью культуру, т.е. моральные принципы и правовые нормы. А они универсальны в

---

¹ См.: Grosz E. *The Nick of Time*. Duke University Press, 2004.

своей истине. Это – не правила индивидуального выживания, а правила гармонизации отношений в социуме. В условиях, когда человек в социуме обретает автономию, его гармоничные отношения с другими устанавливаются тогда и только тогда, когда он утверждает для себя нравственные обязательства в отношении другого и строго придерживается их, зная, что другой поступает таким же образом и в отношении его самого. Равенство отношений устанавливается независимо от физических, статусных, этнических и иных различий. Это и есть духовная платформа гармонизации отношений.

Парадигма гармонизации межличностных отношений верна и применительно к социальным и межнациональным, межрасовым отношениям. Проблема состоит в адекватном теоретическом выражении многогранного и противоречивого в своем единстве процесса и переложения его на правила практической политики и повседневного поведения. Хватит ли для этого у человека разума и воли? Разумеется, эмпирически данный человек – это не абстракция, а гражданин определенного государства со своей исторической судьбой, приверженец определенного религиозного вероучения или атеист, высококультурная и высокообразованная личность или носитель примитивной бытовой культуры, мужчина или женщина и, конечно, представитель определенной расы. Исторически все эти факторы соединяются в образе жизни, в поступках людей. Этот синтез образует целое, составляющее нравственное лицо нации, ее нравственный интеграл. Что восторжествует в конечном счете – расовый национальный эгоизм или интересы человечества как цивилизационного целого? как начинают размышлять над этой проблемой теоретики в эру современной глобализации? В связи с этим обращают на себя внимание дискуссии, развернувшиеся в американской академической мысли вокруг проблем историографии. Эти дискуссии развертываются вокруг этики национальной истории и национальной идентичности применительно к эре глобализма.

С одной стороны, утверждается адекватность исторических исследований с позиций приоритета национальной идентичности. Либеральная демократия всегда предполагала наличие территориально объединенной общности, цельности внутренней моральной жизни как индивида, так и нации-государства (nation-state), возможность сохранять нужный порядок в отношениях между государствами с помощью силы. Соответственно влияние глобализации признается специфическим образом. Так, Йохан Ним (Запад-

ный Вашингтонский университет) считает, что его позиция именно как американца, историка Соединенных Штатов, его аргументация произведут наибольшее впечатление на неамериканцев и на неамериканистов¹.

С другой стороны, возникла методологическая идея, согласно которой националистическая позиция противоречит нравственному идеалу интернационализации и является «варварской»². Томас Бендер в своей работе «Переосмысление американской истории в глобальную эру» (2002) прямо пишет о том, что американцам не следует позиционировать себя в качестве гордых националов, но скорее в качестве обычных граждан современного мира. Нельзя, считает он, смотреть на мир с позиций узкого провинциала, настало время широкого взгляда на мир как взаимосвязанное целое, не позволяющее доминировать партикуляризму над человеческой солидарностью. В противовес этой позиции утверждается, что только национальная история в качестве источника должна формировать общую идентичность американцев. Человечество как целое – это не имеющая истории абстракция, с которой реальные американцы связаны весьма слабо. Согласно Уолцеру, например, универсальные ценности имеют реальное отношение лишь к утонченной культуре, но они резонируют среди демократически настроенных граждан конкретного государства. Человечество состоит из конкретных членов, но якобы не имеет общей памяти, фиксирующей общность жизни³. Это – принципиальное утверждение. Из него вытекает алармическое видение глобальной ситуации современного мира.

Особая угроза видится в том, что исламский фундаментализм становится «идеологической гаванью для мусульманской молодежи». Как утверждал президент Дж. Буш, мусульманские экстремисты ставят целью реализовать культурную программу, в соответствии с которой каждый мужчина и каждая женщина должны жить в духе бесцветного конформизма, а их дети воспитываться в ненависти и готовности к убийству и самоубийству.

---

¹ См.: Johann N. Neem. American History in a Global Age // History and Theory. Studies in the Philosophy of History, 2011, Vol. 50, No 1, February, p. 44.

² См.: William H. McNeill. Poly-Ethnicity and National Unity in World History, Toronto, 1986, p. 59.

³ См.: History and Theory. Studies in the Philosophy of History, 2011, Vol. 50, No 1, February, p. 56.

Отсюда следует вывод, что Запад имеет дело со смертельной угрозой, которая носит тотальный характер в силу проникновения всюду мусульманского радикализма.

Одновременно вырисовывается задача – выиграть идеологическую битву с исламским миром и добиться культурного превосходства над ним. Самуэль Френсис, аналитик Фонда Наследия (Вашингтон), видит ключевую задачу в «реконкисте Соединенных Штатов, ведущей к превосходству белых в культурном смысле»¹.

Очевидно, что в такой постановке современной цивилизационной проблемы содержится определенный расистский элемент, который и озвучивается наиболее откровенными выразителями «духа Запада». «Превосходство белых» – это требование быть «немножко расистом». Но быть «немножко расистом» и есть своего рода моральная индульгенция на нарушение универсальных принципов морали и норм международного права. Это значит, что в политике уже не может идти речь об органичном взаимодействии Запада и Востока, Севера и Юга и формировании общих ценностных ориентаций.

Речь идет о формировании носителей культурной доминанты как основания геополитического управления современным миром. На позиции национальных государств в глобальной политике накладывает свою печать их историческая традиция. Национальные государства по-разному входят в систему глобальных отношений. Достаточно напомнить о длительном историческом изоляционизме Японии и глубоком влиянии концепции «исключительности» на политику США.

Коль скоро сознанием политиков овладеет идея, согласно которой преодоление межрасового насилия – это утопия, то утвердится представление о самих себе и о человечестве в целом как совокупности видов, находящихся по отношению к друг другу в постоянной опасности. Каждый вид будет нуждаться в системе защиты, обеспечивающей безопасность. Система безопасности – это естественный ответ на постоянное потенциальное насилие со стороны «другого». Так рождается феномен массового гиперконформизма, который в свою очередь получает подкрепление и закрепление в работе специальных государственных служб.

Путь нового культурализма открывает политическое движение, противоположное по своей направленности основному векто-

---

¹ Francis S. Prospects for Racial and Cultural Survival // American Renaissance, 2005. – Vol. 16, p. 4.

ру эволюции / глобальной цивилизации, которая становится единым организмом, с едиными формами коммуникации, с взаимозависимыми частями мировой экономики, с единой информационной системой. Как выражение духа этого единого организма в современном мире нарастает чувство этической ответственности как общемировое чувство, как распространяющаяся догадка о возможности глобальных катастроф, в которые может вовлечь мир фанатизм расовой слепоты. На происходящие в современном мире процессы мы можем и должны смотреть с глобальной точки зрения. И с этой глобальной «площадки» мы не можем не видеть, что сложившиеся представления об истине пути, фундаменталистские представления неоллиберализма и исламского неофундаментализма нацелены на такое секулярное или религиозное «очищение» мира, которое поставит все человечество вне истории.

Новый культурализм может реализовываться в различных практических ипостасях: как в форме прямого насилия, так и в форме долговременной игры, нацеленной на конечный безусловный выигрыш. В любом случае «выигрывает» лишь одна сторона. Но это в условиях глобализации общий гибельный для всех проигрыш.

«Логика» нового культурализма требует разработки программ «перевоспитания» населения, рассчитанных на несколько поколений. Такое «перевоспитание» может повлечь за собой духовную унификацию человечества, ее превращение в однородную массу, лишенную внутренних стимулов развития. Идеи нового культурализма возникают как реакция на перспективу мультикультурализма. Как замечают некоторые наблюдатели, в такой форме новый культурализм осовременивает расизм и делает его более респектабельным¹.

Если из мира «извлекается» общая, равная для всех народов справедливость, если третируется уважение к общей ответственности за судьбы мира, то дух народов, определяющий их коммуникабельность и способность к взаимному культурному оплодотворению, «засыхает». Человек становится примитивным в своих рефлексах, скучным, неинтересным и жестоким. Эта жестокость, рождаемая собственным примитивизмом, выливается вовне, пре-

---

¹ См.: Jacoby T. The «Muslim Menace», Violence and the De-Politicising Elements of the New Culturalism // Journal of the Muslim Minority Affairs, 2010, Vol. 30, No 2, June, p. 177.

вращается в ксенофобию, становящуюся агрессией и терроризмом.

Духовно человек оказывается вне современной истории, которая де-факто, в своем действительном движении выходит и уже вышла за границы неолиберального фундаментализма и исламско-неофундаментализма.

Рождается новый взгляд на отношение человека с природой, на истоки его универсальности, определяющей равенство судьбы для всех. Этот взгляд разрушает сами основания биодуховного и фенотипического расизма, раскрывая их принципиальную ограниченность.

Какой субъект является носителем этого нового взгляда? Это – не класс и не отдельная избранная нация. Это – рождающееся человечество как активный субъект, утверждающий свою волю концептуально и в новых международных движениях. Идеи нельзя разбомбить или подорвать тротиловой шашкой. Звучащий голос гуманитарного знания разрушает духовные крепостные стены, воздвигнутые слепым фанатизмом. Прозрение разума, обнаружение истины – это универсальный феномен, обладающий огромной потенциальной силой, способной растопить лежащие на его пути наледи исторических предрассудков. Вклад наций в утверждение в международном самосознании и политической практике принципов равенства и интернационального сотрудничества различен.

XX век показал, как расизм и гегемонизм становились лейтмотивом формирования идентичности нации-государства и утверждения мирового порядка. Какую общую идентичность утверждает нация-государство в современном мире, опираясь на свою экономическую и военную мощь – вот в чем вопрос. К какой политике в мире и почему мы должны испытывать лояльность? Всегда ли мы достаточно отчетливо даем себе ответ на этот вопрос? Существует ли понимание того, что есть реальная связь между тем, что характеризует прошлое нации, и тем, как она является в настоящем?

Явления биодуховного и фенотипического расизма свидетельствуют о том, что в перспективе нас может ожидать новая волна биополитики, открывающей путь для практической реализации старых этнических и расовых иерархий, разработки юридических механизмов «дисциплинирования» национальных и культурных меньшинств. Не являются ли «пробным шаром» такого «дисциплинирования» бомбардировки Югославии, Ирака, Афга-

нистана, Ливии? И что нас ожидает впереди в контексте смысла этих бомбардировок?

Не ожидают ли нас инфекции межэтнических столкновений, превращающихся в групповые формы насилия и действия вне рамок международного законодательства? На самом деле, уже проявляются кровавые расовые и межэтнические столкновения. События недавнего прошлого на территории Югославии – в Косово, Хорватии, Боснии – показывают, что кровавые драмы могут возникать не только на территории Африки. Что такое поведение грузинской армии на территории Южной Осетии во время агрессии 2008 г.! Эта операция называлась «чистое поле», т.е. речь шла о полной «зачистке» территории от юго-осетинского населения как биополитического «материала».

Очевидно, что такие намерения содержат в себе расистский элемент. И если они будут становиться все более «привычными», то расистская волна может в перспективе «накрыть» весь мир.

Зарождающиеся и оформившиеся тенденции представляют очевидную угрозу как для внутренней, так и для внешней безопасности государств. Адекватный анализ форм и проявлений современного расизма становится необходимым условием эффективной нейтрализации его разрушительных последствий.

*Статья предоставлена автором
для публикации в бюллетене.*

Гузель Макарова,

кандидат философских наук

(Институт истории РАН РТ)

ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ТАТАРСТАНЕ

Время 90-х прошлого века и первое десятилетие 2000-х годов было периодом реализации федеральной и региональных стратегий мобилизации общероссийской гражданской, локальных и этнических идентичностей. Насколько их удалось воплотить в жизнь? Какие идентичности были сформированы либо актуализированы на их пересечении и под влиянием факторов? Как эти идентичности соотносятся друг с другом?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся сначала к анализу субъективной значимости для татар и русских Татарстана этнических идентичностей. Ее индикатором выступают вы-

бренные респондентами (среди предложенных им) суждения, касающиеся их отношения к своей этнической группе. Данные опроса 1994 г. показали высокую актуализированность этнической идентичности относящих себя к татарам. Половина представителей этой этнической группы – горожан и почти три четверти жителей села указали, что «никогда не забывают, что они – татары». Это связано с рядом факторов, среди которых не последнюю роль играло продолжающееся в этот период укрепление социально-статусных позиций титульной этнической группы в республике. В то же время рост самосознания татар стимулировался идеологией национальных и политических элит. В определенной степени это могло быть продолжением тенденций рубежа 1980–1990-х годов, когда лидерам национальных организаций удалось всколыхнуть у части населения чувство ущемленности собственного этноса. С другой стороны, высокая субъективная значимость этнической идентичности может трактоваться как следствие начавшей осуществляться в 1990 г. региональной политики возрождения национальных языка и культуры.

Данные исследования показали большую выраженность этнической идентичности у татар-сельчан. Последнее, отчасти, находит объяснение в том, что для сельских жителей, как правило, более характерны «охранительные» тенденции, приверженность этническим традициям и культуре, чем для горожан. Одновременно в этом факте могла сказаться и начавшая осуществляться в тот период новая стратегия властей республики в области этноязыкового развития, открывавшая особые перспективы для тех, кто знает татарский язык. Сельские же татары, в большей мере свободно владевшие им и обычно получавшие образование на этом языке (что в советский период скорее способствовало ограничению их возможностей в связи с плохим знанием русского), теперь могли использовать язык как некий символический капитал и получать с этого определенные дивиденды.

В свою очередь, среди русских республики тех, кто «никогда не забывает о своей национальности», оказалось лишь чуть более четверти горожан (т.е. в два раза меньше, чем среди татар) и примерно такая же доля сельчан. Как видно, к середине 1990-х годов отмечалась их гораздо большая индифферентность по отношению к собственной этнической принадлежности. Причем подобного рода настроения могли быть отчасти вызваны тем, что именно русских лидеров национальных движений нередко обвиняли в «прегрешениях» советской национальной политики, а также в

«имперскости» мышления, что не способствовало позитивной оценке ими собственной этнической группы. Кроме того, апатию русских могла, помимо социально-экономических и политических факторов, вызвать и культурная политика региона, сконцентрированная тогда на сохранении и развитии языка и культуры татар и нередко «обходившая» вниманием этнокультурные запросы русских.

В начале 2000-х годов наблюдается сохранение и даже продолжающийся рост показателей интенсивности этноидентификационных процессов у татар. Вариант ответа «никогда не забываю о своей национальности» выбрал несколько больший, нежели в 1994 г., процент татар-горожан и на 11% у больше татар-сельчан. И это при том, что в 2001 г. у респондентов, помимо выбора «крайней», однозначно выражающей приверженность своей этнической общности, позиции была возможность «уйти» в более мягкий, относительно нейтральный вариант ответа: «помню о своей национальности в определенных случаях». Такая сохраняющаяся и даже растущая приверженность своей этнической общности среди представителей титульного этноса республики может трактоваться уже как результат благоприятной для татар региональной политики 1990-х годов.

У русских Татарстана к 2001 г. также обнаруживается некоторый, пока незначительный, рост этнического самосознания у горожан и более осязаемый у сельчан. Хотя общее соотношение показателей оставалось тем же. То есть этническая идентичность на начало 2000-х годов была гораздо более актуализирована среди представителей титульного этноса региона.

Судя по опросу 2010 г., субъективная значимость этнической идентичности татар в целом сохранилась. Из таблицы видно, что интенсивность ее проявления среди татар-горожан даже продолжала несколько расти. (Правда, такую «динамику» мы во многом получили за счет добавления в выборку 2010 г. населения г. Альметьевска. Здесь позицию «никогда не забываю о своей национальности» отметили 67,7% респондентов.) В то же время среди татар-сельчан ее показатели незначительно снизились. В целом же «возрожденная» и не прекращавшая поддерживаться в первое десятилетие 2000-х годов на региональном уровне идентичность титульной группы оставалась востребованной у значительной части ее представителей.

Что же касается русских Татарстана, то с 2001 по 2010 г. заметен дальнейший рост значимости для них этничности. Почти в 1,5 раза увеличивается и постепенно приближается к половине до-

ля среди горожан-русских тех, кто «никогда не забывает о своей национальности» (среди сельчан этот рост составляет 9%). Одновременно снижается доля горожан-русских, для которых национальность не имеет значения. Таким образом, если к 2001 г. наблюдался только обозначившийся рост интенсивности этнической идентификации русских в Татарстане, то к концу первого десятилетия 2000-х данная тенденция проявилась со всей определенностью. Эта динамика, скорее всего, связана с тем, что уже в первые годы проведения руководством РФ стратегии выстраивания управленческой вертикали русские в регионах почувствовали себя увереннее, «защищеннее». Позже эта стратегия стала сопровождаться на федеральном уровне политикой укрепления статуса русского языка и русской культуры, а в некоторой мере и русских в качестве государствообразующего этноса, а на региональном – например в РТ – политикой паритета развития татарской и русской культур. Все это способствовало укреплению позитивной оценки русскими собственной этнической группы, повышению их самоуважения. (Хотя, возможно, на росте этнического самосознания некоторых из них сказался дискурс ряда политических сил России, прежде всего, национал-патриотов.)

Рассмотрим, как в тот же период формировались и развивались общероссийская и татарстанская (региональная) идентичности русских и татар республики. В начале 1990-х годов, с провозглашением суверенитета РТ, здесь начинается становление новой региональной общности. Ее построению, с одной стороны, способствовала особая экономическая стратегия республики, получившая тогда название «мягкого вхождения в рынок» в отличие от «шоковой терапии» Центра, имевшая понимание и поддержку как среди татар, так и русских РТ. С другой стороны, преимущественное отнесение себя к данной общности представителями титульной этнической группы было также связано с республиканской политикой воплощения в жизнь лозунга «этнокультурного возрождения» татар. Федеральный же центр был в тот период крайне слаб, что связано с «кризисным состоянием экономики, социально-политическими противоречиями в обществе, крайним напряжением межнациональных отношений на Северном Кавказе» и т.д.

В связи с этим в 1994 г. у большинства татар чувство принадлежности к региону доминировало. Еще для части из них оно являлось важным наряду с государственной российской идентичностью. Процент же «исключительно россиян» среди них был ничтожно мал (2,7% респондентов-горожан и 0,9% – сельчан).

Русские практически разделились в тот период на три группы. Треть – ощущали себя россиянами и татарстанцами в равной мере. Пятая часть горожан и четвертая сельчан чувствовали себя даже «больше татарстанцами». В этих цифрах, несомненно, проявлялось признание ими политики региона в социально-экономической сфере. В то же время приведенные данные говорят о том, что в 1990-е годы в регионе начала формироваться особая идентичность части русских. Сосуществуя с «другим» – политически и символически имевшим в те годы больший вес в региональной политике, они стали принимать новые «правила игры» и признавать право этого «другого» на развитие своей этнокультурной самобытности.

Тем не менее более трети городских и пятая часть сельских русских Татарстана даже тогда – в условиях слабого, раздираемого противоречиями Центра и только начинавшей формироваться в рамках изменившихся границ и на иных идеологических принципах новой гражданской идентичности – указывали на то, что они относят себя, в первую очередь, к россиянам. То есть для них было важным ощущать свою принадлежность к большой и единой стране – правопреемнику традиционной российской (советской) государственности.

К 2001 г. (в контексте новых тенденций централизации государственной власти, когда «впервые за постсоветский период власть рационализирует нациестроительство» и на программном уровне заявляет о важности формирования российской нации) в РТ обозначается поворот в сторону постепенного повышения значимости общероссийской идентичности. Тем не менее он происходит здесь не за счет идентичности региональной, а наряду с ней. Так, доля идентифицирующих себя одновременно и с Россией, и с республикой возрастает к этому периоду (по сравнению с 1994 г.) как у татар, так и у русских (городских жителей) на 10–11%. Соответственно часть населения, относившая себя исключительно к татарстанцам, снижается (среди татар-горожан на 17%, сельчан на 10, городских русских на 9 и сельчан – на 20%). Процент же «россиян» у русских остается на том же уровне, а у татар-горожан возрастает с 3% до десятой их части. Вместе с тем доля «чисто татарстанцев» среди представителей титульного этноса республики в этот период еще весьма высока, составляя половину от их общего числа; среди русских – десятую их часть.

На протяжении последнего десятилетия действие обозначенной тенденции продолжается. Доля «татарстанцев и россиян в

равной мере» увеличивается к 2010 г. у татар более чем на четверть, у русских – на десятую часть. Доля «чисто татарстанцев» существенно снизилась. Среди татар – с половины почти до четверти, при этом значительный разрыв между татарами-горожанами и сельчанами сохранился. У русских – с 10% до 3%. Количество же «только» россиян осталось и у тех, и у других на прежнем уровне (36% русских и 7% татар).

Названная специфика соотношения и развития в Татарстане российской и региональной идентичностей, когда число татарстанцев, чувствующих свою принадлежность к России, растет при одновременном сохранении важности для них локальной идентичности, объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, это сохраняющийся относительно высокий уровень социально-экономического развития региона, позволяющий успешно осуществлять ряд социальных программ.

Во-вторых, усилия и воля политических элит республики, умеющих ставить стратегические цели и достигать их, стремящихся к тому, чтобы о ней знали на общероссийском и мировом уровнях, чему, в частности, способствовал ряд социокультурных проектов (связанных с празднованием тысячелетия Казани, подготовкой к Универсиаде 2013 г. и т.п.).

В-третьих, современная этнокультурная политика Татарстана, в которой часть татар импонирует стремление региональных властей сохранить тенденции 1990-х годов в развитии татарского языка, национального образования и культуры. Русским же близкой является провозглашенная в 2000-е годы формула равенства развития татарской и русской культур в РТ. Непротиворечивому совмещению региональной и российской идентичностей способствует также известный в республике тезис о татарстанской идентичности как части общероссийской.

Что же касается тех обстоятельств, которые объединяют русских и татар республики с Россией и россиянами, с одной стороны, и с регионом и татарстанцами – с другой, можно отметить следующие. Среди пропагандируемых идей и смыслов наиболее выигрышными в качестве консолидирующих и русских, и татар РТ со страной оказались памятные исторические события. Это отметили 59% русских и 55% татар. Причем главной солидаризирующей датой (как, в частности, показали данные проводившихся в 2008 г. интервью с русскими и татарами Татарстана) выступает для них Победа в Великой Отечественной войне, память о которой вновь актуализировалась в последнее десятилетие. Другим удач-

ным замыслом сплочения россиян, в особенности представителей молодого и относительно молодого поколения, стала пропаганда наших спортивных достижений и поддержка на государственном уровне спорта.

По отношению к Республике Татарстан в качестве основных сплачивающих моментов выступают: история (для русских в ощутимо меньшей степени, чем для татар, в чем также проявляется косвенное воздействие этнокультурной политики в этом случае – РТ), спорт, культура и экономические успехи региона – в равной мере. При этом следует заметить, что в степени проявления общероссийской и региональной идентичностей у представителей двух рассматриваемых этнических групп существуют определенные различия: первая – несколько более значима для русских, вторая – для татар.

Обобщая, можно сделать выводы, касающиеся соотношения и развития общероссийской, региональной и этнических идентичностей в Татарстане. В 1990-е годы в силу ряда социально-политических, экономических и социокультурных факторов региональная идентичность была преобладающей для большинства татар и части русских РТ.

В последнее десятилетие в регионе происходит заметный рост субъективной значимости общероссийской идентичности. В то же время региональная идентичность оставалась важной в первое десятилетие 2000-х годов для большинства русских и подавляющей части татар РТ. Как отмечалось, усиление роли государственно-гражданской идентичности шло здесь не за счет региональной, а наряду и в сочетании с ней.

Одновременно в республике сохраняется высокая степень субъективной значимости этнической идентичности татар и происходит существенная актуализация этнической идентичности русских. Эта тенденция также не препятствует росту идентичности общероссийской, что подтверждает высказанное в научной литературе суждение о возможности их органичного сочетания.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2011 г., № 5, с. 71–77.*

Е. Горюшина,
политолог(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)
**ВЛИЯНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
НА КАВКАЗСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ**

После 11 сентября 2001 г. впервые официально прозвучали заявления о прямой связи международного терроризма с Северным Кавказом (СК), а именно – Чечней. Многие аналитики сделали прогноз о переориентации внешней политики России в ближневосточном секторе и приведении ее в соответствие с американским курсом на Ближнем Востоке (БВ). Прогноз касался и фактора союзнических отношений между Россией и США в целом: исследователи делали ставку на полноценную поддержку Россией войны в Ираке. Однако прогноз не оправдался даже несмотря на уверенность, что создание прочного союза между США и Россией может основываться на общей угрозе исламских боевиков-фундаменталистов. Напротив, одновременно поддерживая довольно тесные отношения с Сирией и Ираном, Россия начала активно искать союзников в лице Саудовской Аравии (СА), Турции и Египта.

В феврале 2007 г. В. Путин стал первым российским лидером, посетившим СА. Им были предложены привлекательные контракты на строительство АЭС, поставки оружия и экспорта нефти. Примечателен тот факт, что российский президент просил об увеличении квоты на количество мусульман-паломников в Мекку из России. В результате этого число русских паломников увеличилось с 20 000 до 26 000 в 2007 г. Среди них было 3000 чеченцев. В прошлом СА была наиболее яростной в осуждении поведения России по отношению к Чечне. В последнее время критика со стороны официальных лиц королевства прекратилась. Несмотря на официальные дипломатические действия СА, по некоторым данным, на ее территории функционируют крупнейшие международные мусульманские организации, поддерживающие международный и в том числе чеченский экстремизм: Лига Исламского мира (Muslim World League), Файсаль Исламик Банк (Faisal Islamic Bank), Международная исламская организация спасения (МИОС) «Аль-Игаса», Организация помощи и поддержки мусульман Кавказа, фонд «Дом двух святынь» («Аль-Харамейн»), Национальный коммерческий банк СА (филиалы располагаются в Лондоне и Каире) и «Dalian Al Barakah» (Лондон), находится под контролем инвестиционно-индустриальной корпорации «Saleh Al Kamel». Она входит в десятку крупнейших компаний СА.

Российско-турецкие отношения в 2008 г. продемонстрировали самый высокий уровень экономической кооперации за последние два столетия, турецкая и сирийская бизнес-элиты проявили также активный интерес и к Чечне, о чем свидетельствует проведенная в конце мая 2010 г. встреча с Р. Кадыровым на территории Чечни. В результате этой встречи были достигнуты договоренности с муфтием Сирии Ахмадом Басруддином Хасаном и помощником премьер-министра Турции о дальнейшей кооперации. На сегодняшний день имеется информация о краткосрочном существовании целого ряда подставных фирм на территории Турции и офшорного Кипра, осуществляющих финансовые переводы в Чечню на поддержку экстремизма. Их список меняется практически каждый день. Однако существует три постоянных банка, причастных к подобному рода деятельности: «Алфайзи банк», «Вакиф банк» и «Турка банк»; более 16 организаций, регулярно оказывающих финансовую и идеологическую помощь кавказским экстремистам: «Комитет солидарности с чеченцами СК», «Партия националистического движения», «Религиозное объединение “Нурджулар”», «Институт дружбы и братства тюркских государств и общин», «Институт туранской культуры», «Фонд “Ислах”», «Институт культурного образования и общественной помощи Кавказу», «Комитет солидарности “Кавказ”» и др.

23 июня 2009 г. подписан Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет. Договор включал области двустороннего сотрудничества: энергетику, в том числе атомную, высокотехнологичные отрасли промышленности, космическую сферу. С одной стороны, Египет заинтересован в антитеррористическом сотрудничестве с Россией, с другой – на его территории базируется пять влиятельных международных структур, идеологически поддерживающих экстремизм на Кавказе: «Бригады Исламбули», «Священная война» («Аль-Джихад-аль-Исламий»), «Всемирный исламский совет по пропаганде и помощи» («Дава ва Игаса»), религиозный университет «Аль-Аз-хар», «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»).

Политическая и экономическая целесообразность стратегического партнерства с Востоком актуализирует важный вопрос – религиозный, прямо касающийся терроризма, как сугубо ближневосточного, так и кавказского. Именно в связи с этим В. Путин пытается свести к нулю исламофобию в России, вызванную негативными последствиями обстановки на Кавказе. С 2003 г. в заявлениях В. Путина начинает звучать мысль о том, что терроризм

нельзя отождествлять с какой-либо религией или культурной традицией. Вместе с тем, подчеркивая тот факт, что чеченские террористы связаны с международными преступными сетями и торговцами наркотиками, он избегает резких заявлений относительно ислама как религии и СК как «очага террористической деятельности». При этом политкорректное поведение российской стороны связано с тем, что она надеется в своей ближневосточной политике играть роль посредника между Западом и Ближним Востоком. После официальных российских контактов с «ХАМАСом» (вследствие его победы на палестинских выборах, отказа России признать его террористической организацией и пр.) отношения с Израилем заметно охладели. Россия проводит подобный курс и с «партией Аллаха» в Ливане – «Хезболлой». Существует распространенное и не лишнее смысла мнение, что российская сторона считает эти две организации лишь политическими, но с сильной и самостоятельной социальной базой.

В результате того, что Россия идет на активное сотрудничество с БВ (в июле 2006 г. после смерти лидера сепаратистов Шамиля Басаева), количество террористических актов на территории СК заметно снизилось. Однако с 2008 г., по данным доклада Центра стратегических и международных исследований, наблюдается резкое увеличение количества актов насилия. Так, количество случаев насилия возросло с 795 в 2008 г. до 1100 в 2009 г., а количество случаев подрывов террористов-смертников в 2009 г. увеличилось вчетверо, большинство из которых произошло в Чечне. Западные аналитические центры определяют 2009 г. как кровавый, а в иностранной прессе активно обсуждается тема влияния зарубежных организаций и сетей на ситуацию на СК. В частности, многие эксперты подтверждают наличие довольно тесных связей между сетью «Аль-Каиды» и бандформированиями в Чечне. Как известно, убитый в 2002 г. полевой чеченский командир Хаттаб несколько раз встречался с Усамой бен Ладеном во времена афганской войны 1979–1989 гг. Александр Вершбоу, посол США в России, отметил вскоре после 11 сентября 2001 г.: «Мы уже давно признали, что Усама бен Ладен и другие международные сети связаны с подогреванием конфликта в Чечне, в том числе в привлечении иностранных командиров, таких как Хаттаб». Существует информация, что неперенными признаками присутствия «Аль-Каиды» на СК являются: публичное обезглавливание заложников и использование смертников. С одной стороны, в последнее время возросло количество случаев подрывов террористов-смертников

на СК, что могло бы напрямую указать на присутствие «Аль-Каиды» в регионе, с другой – многие эксперты сходятся во мнении, что Чечня не является приоритетом политики «Аль-Каиды», а лишь считается одним из полей глобального джихада.

Тем не менее по всему БВ насчитывается более 90 организаций, так или иначе связанных с поддержкой экстремизма на СК. Многие структуры осуществляют широкомасштабный сбор пожертвований для экстремистов Чечни, используя различные подставные фирмы и офшорные зоны для трансферта финансовых средств (яркий пример – Турция). Так, в Объединенных Арабских Эмиратах «International Islamic Relief Organization» совместно с «Human Appeal International» создали «Специальный фонд помощи чеченским беженцам», в который от вышестоящих в иерархии организаций переводятся финансовые средства нижестоящим. В результате они достигают пункта назначения – СК, Чечня. Это касается фондов, организаций, официально действующих под эгидой помощи мусульманским братьям. Важно отметить тот факт, что кавказским экстремистам просто невыгодно отдавать свой регион в руки одной какой-либо международной террористической организации. Нерентабельно это ни политически, ни экономически, ведь финансовые средства они уже несколько лет получают от различных диаспоральных и исламистских организаций, которые расположены на БВ. По сути, экстремизм на СК схож с инвестиционным проектом, в котором велика доля капиталовложений ближневосточных организаций, чья деятельность не представлялась бы возможной без государственной поддержки.

«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Междисциплинарный синтез», Р. н/Д., 2010 г., с. 70–73.

Станислав Чернявский,
доктор исторических наук, директор Центра
постсоветских исследований МГИМО
РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Российско-азербайджанские отношения сегодня представляют собой важную составляющую многослойной структуры мирового сообщества. Несмотря на кажущийся чисто региональный характер сотрудничества двух стран, оно оказывает существенное

влияние на решение вопросов не только энергетической, но и военно-политической безопасности на глобальном уровне. Иран, Ирак, Пакистан, Афганистан – все эти страны, отличающиеся повышенной нестабильностью, находятся в географической близости от Азербайджана. Отсюда – особая роль, которую призвано играть в решении связанных с ними проблем российско-азербайджанское взаимодействие.

В первые годы после развала СССР Россия, занятая наведением порядка внутри Федерации, не проводила активных политических мероприятий на Южном Кавказе, рассматривая его как свою неоспоримую зону влияния. Военное присутствие в Грузии и Армении, закрепленное межправительственными соглашениями, позволяло надеяться, что Тбилиси и тем более Ереван будут покорно шагать в фарватере российской политики. Между тем политическая конфигурация в регионе быстро менялась, новые правящие элиты декларировали иные приоритеты развития, ориентируясь на внерегиональные державы и подкрепляя свой выбор конкретными межгосударственными документами, создававшими правовую базу для заполнения «оставленного Россией вакуума». Отношения Азербайджана с Россией в первые годы независимости не отличались дружественным характером. В них превалировали взаимные претензии и упреки (как правило, крайне эмоциональные). Москва и Баку с трудом приучались жить по-новому. С учетом военных действий в Карабахе наиболее сложной частью переговорного процесса между Азербайджаном и Россией оказались вопросы, касающиеся статуса российских войск, раздела воинского имущества Советской армии и Каспийской военно-морской флотилии, а также переговоры о порядке охраны границ. Неожиданной и весьма болезненной проблемой стало наемничество, поскольку в нагорно-карабахском конфликте с обеих сторон воевало немало военнослужащих бывшей Советской армии. Нервно складывалась обстановка вокруг крупного военного объекта – Габалинского узла системы предупреждения о ракетном нападении, построенного в советское время в 250 км от Баку.

К моменту возвращения к власти Г. Алиева (лето 1993 г.) оба государства находились в стадии противостояния. Не прекращались взаимные обвинения и упреки, обмен посланиями и нотами протеста. С 5 сентября 1993 г. Г. Алиев отбыл в Москву для проведения переговоров с руководством Российской Федерации. Перед вылетом он заявил, что не считает обретение независимости «поводом для разрыва политических, экономических, культурных

и чисто человеческих связей с Россией». «Нынешний уровень отношений между двумя государствами нуждается в серьезных корректировках, более того, я убежден, что им необходимо придать более высокий статус. Это в интересах, прежде всего, республики, испытывающей ныне серьезные трудности из-за разрыва межхозяйственных связей», – подчеркнул он. В Москве Г. Алиев встретился с Б. Ельциным и провел серию переговоров с российским руководством. Позитивное значение имела встреча с председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым, в ходе которой Г. Алиев вручил ему текст постановления Милли Меджлиса с согласием на передачу правоохранительным органам России шести российских военнослужащих, пятеро из которых были приговорены Военной коллегией Азербайджана к высшей мере наказания. Стороны подписали межправительственное соглашение об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР. Согласно документу, Россия принимала на себя обязательства по выплате доли Азербайджана во внешнем государственном долге бывшего Союза по состоянию на 1 декабря 1991 г. Одновременно Азербайджан передал России долю своих активов бывшего СССР.

После вступления страны 26 сентября 1993 г. в СНГ азербайджанское руководство рассчитывало, что Россия поможет ему на достойных условиях прекратить войну в Карабахе, которая препятствовала наведению порядка в стране, укреплению политической стабильности, осуществлению неотложных экономических мероприятий. Однако пассивность руководства России летом и осенью 1993 г. в прекращении карабахской войны, а затем новые захваты армянами азербайджанских земель значительно охладили эти надежды, что стало одной из причин переориентации Баку на сближение с Западом. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что Россия с ее разрушенной экономикой не могла оказать реальной помощи в хозяйственном возрождении Азербайджана и тем более конкурировать с предложениями Запада по разработке нефтяных месторождений Каспийского шельфа. Следует признать и то, что российская сторона в рассматриваемый период не имела четкой стратегической линии в отношении Закавказья и принимала половинчатые, зачастую непродуманные и необоснованные решения, которые способствовали ослаблению ее позиций в регионе.

В декабре 1994 г. российская армия начала активные действия по «наведению конституционного порядка» в Чечне, а

19 декабря правительство приняло постановление № 1394 «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы РФ с Азербайджаном и Грузией», в результате чего граница России с Азербайджаном в одностороннем порядке закрывалась. Приостановилось движение железнодорожного, морского и автомобильного транспорта в северном направлении. Причиной «блокады» послужили обвинения со стороны России в том, что Баку оказывает военную помощь Чечне, переправляя через свою территорию боевиков-иностранцев, грузы оружия и боеприпасов, поставляет боевиков-азербайджанцев, а также беспрепятственно размещает чеченских боевиков на лечение в азербайджанских военных госпиталях, предоставляя постоянное местожительство многочисленным чеченским семьям. С руководством Чечни велись официальные переговоры о совместном строительстве нефтепровода через Кавказский хребет на грузинское побережье Черного моря. Через Азербайджан осуществлялись внешнеполитические контакты руководства Ичкерии.

Подобная «прочеченская» позиция Баку во многом объяснялась развернувшейся борьбой за гарантированный, беспрепятственный вывоз каспийской нефти – единственного источника получения валюты для стабилизации социально-экономической ситуации в стране и отражения военного наступления Армении в Карабахе. Активные действия по «наведению конституционного порядка» в Чечне привели к тому, что «северный маршрут» (Баку – Грозный – Тихорецк – Новороссийск), на исключительном использовании которого настаивала Россия, окончательно потерял свою привлекательность для западных компаний, инвестирующих значительные средства в каспийские месторождения. Хотя Россия и Азербайджан подписали в Москве 18 января 1996 г. межгосударственный Договор о транзите азербайджанской нефти через территорию Российской Федерации, стало ясно, что маршрут основного экспортного трубопровода пройдет в обход России. Силы, заинтересованные в ослаблении позиций России на Кавказе, бесцеремонно использовали «чеченскую карту».

Российская сторона стремилась свалить вину за невыполнение своих обязательств по транзиту нефти через чеченский участок трубопровода (153 км) на азербайджанскую сторону, которая, естественно, не была виновна. Более того, в ходе обсуждения делегациями Азербайджана и России вопроса транспортировки азербайджанской нефти через Чечню выяснилось, что в российском

руководстве нет единого мнения по поводу статуса чеченской стороны. Россия не смогла обеспечить безопасность нефтепровода.

Вооруженный конфликт в Дагестане в 1999 г. наряду с возобновившейся той осенью антитеррористической операцией в Чечне лишь закрепили неблагоприятное для России положение и дали дополнительные аргументы сторонникам ее «трубопроводной» изоляции. Во многом благодаря этим обстоятельствам США и Турции удалось добиться политического решения и в короткие сроки завершить строительство нового нефтепровода Баку – Супса. Стало ясно, что Азербайджану нужен другой нефтепровод, проходящий через Турцию к Средиземноморью. Постоянным раздражителем российско-азербайджанских отношений было и остается военное сотрудничество Москвы с Ереваном, которое рассматривается в Баку как попытка дестабилизировать ситуацию в пользу Армении. Справедливости ради следует сказать, что российская сторона неоднократно давала поводы для подобных подозрений.

8 марта 1997 г. Г. Алиев направил Б. Ельцину послание, в котором выражалась «особая тревога» в связи с сообщениями о поставках российских вооружений в Армению и содержалась просьба «разобраться в этих фактах и принять по ним действенные меры». Далее последовало новое послание Г. Алиева Б. Ельцину по этому поводу и заявление МИД Азербайджана. Азербайджанская сторона выражала надежду на то, что в результате проведенного расследования должностные лица, вовлеченные в противоправную деятельность по поставкам российского вооружения в Армению, будут выявлены и наказаны, а главное – будут приняты надлежащие меры по изъятию и выводу этого вооружения из Армении. 28 марта Г. Алиев поднял вопрос о поставках оружия на заседании Совета глав государств СНГ, а на следующий день, 29 марта, эта проблема стала предметом обсуждения на личной встрече президентов России и Азербайджана. В результате удалось достичь компромиссной договоренности о тщательной проверке всех связанных с этим обстоятельств, а также о том, что до окончания проверки стороны воздержатся от публичных высказываний на эту тему (в дальнейшем азербайджанская сторона неоднократно нарушала эту договоренность). Российское руководство дало поручение Главной военной прокуратуре России провести тщательное расследование этого дела, а Госдума России создала специальную комиссию.

В апреле, заслушав на закрытом заседании доклад председателя комитета по обороне Л. Рохлина о незаконных поставках вооружения, военной техники и военного имущества в Армению на сумму в 1 млрд. долл., Государственная дума приняла постановление «О мерах по соблюдению законодательства Российской Федерации при поставках вооружения и военной техники иностранным государствам». Депутаты обратились к Б. Ельцину с просьбой провести необходимые политические и дипломатические мероприятия по предупреждению возможных межгосударственных осложнений в связи с незаконными поставками вооружения и военной техники в Армению, а также принять исчерпывающие меры по недопущению подобных фактов нарушения законности при поставках вооружения в другие страны и привлечению к персональной ответственности лиц, причастных к этим нарушениям. В этих крайне неблагоприятных условиях 2–4 июля 1997 г. состоялся первый официальный визит президента Азербайджанской Республики Г. Алиева в Российскую Федерацию.

Через некоторое время (29 августа 1997 г.) Россия, как и планировалось, подписала с Арменией Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот документ азербайджанская сторона расценила как стремление «нормативно оформить военный союз между двумя государствами». Среди обвинений в адрес России были и утверждения в том, что ее обязательства, «вытекающие из документов, подписанных в одном случае с Арменией, а в другом случае – с Азербайджаном, находятся в противоречии друг с другом». В документе, подписанном с Азербайджаном, декларируется готовность при урегулировании армяно-азербайджанского конфликта руководствоваться принципами и нормами международного права, а в документе, подписанном с Арменией, Россия обязуется руководствоваться поисками взаимоприемлемого решения. Это расценивалось Азербайджаном как несоответствие статусу России как сопредседателя Минской группы ОБСЕ. Не менее резкой оказалась и реакция российской стороны на указанные обвинения. МИД России напомнил, что в процессе подготовки обновленного Договора между Россией и Азербайджаном азербайджанская сторона не согласилась с ее предложениями расширить связи в военно-политической сфере. Интенсивность нотной переписки и «градус» взаимных обвинений достигли такого уровня, что 7 октября 1997 г. в Баку прибыл министр иностранных дел России Е. Примаков. Ему, однако, не удалось снять напряженность.

К осени 1999 г. российско-азербайджанские отношения окончательно зашли в тупик. Взаимные обвинения, ноты протеста не прекращались. Азербайджан внимательно отслеживал контакты Москвы с Ереваном и в резкой форме реагировал на, мягко говоря, «необдуманные» заявления высоких российских военных чинов о вкладе России в обороноспособность Армении. Москва, со своей стороны, справедливо указывала на то, что в бакинских госпиталях и санаториях поправляют здоровье несколько сот чеченских боевиков, а через столичный аэропорт полевые командиры и иностранные эмиссары вылетают в Западную Европу и США. Не секрет, что в российском обществе того периода широко распространились антиазербайджанские настроения, прочно внедрился тезис об «азербайджанской мафии», захватившей всю розничную торговлю. В практической плоскости встал вопрос о введении визового режима с Азербайджаном – 5 ноября 1999 г. МИД России предложил начать переговоры о введении визового режима на поездки граждан и направил в Баку соответствующую делегацию. По неофициальным данным, в тот период около 2 млн. азербайджанцев (до 30% взрослого мужского населения) полулегально работало в России. Ежегодные переводы денег на Родину составляли от 2,5 до 4 млрд. долл. (объем экспорта Азербайджана за 2002 г. не превышал 2,16 млрд. долл.).

Обострение политического климата отражалось и на показателях взаимного товарооборота. Летом 1999 г. объем российско-азербайджанского товарооборота по сравнению с тем же периодом 1997 г. сократился на 33%, а доля России в товарообороте Азербайджана упала до 18%.

Точкой отсчета принципиально нового этапа в развитии отношений между Россией и Азербайджаном по праву считается январь 2001 г. Именно тогда, в рамках первого за весь постсоветский период официального визита в Баку президента Российской Федерации, Г. Алиеву и В. Путину удалось снять многие раздражители, накопившиеся в двусторонних отношениях. Переговоры, носившие доброжелательный и конструктивный характер, стали важным этапом в становлении регулярного политического диалога на высшем уровне. Динамика, приданная двустороннему сотрудничеству в 2001 г., получает новое ускорение в наши дни. Характер контактов между руководителями во многом определяет и уровень сотрудничества между странами. Как сказал президент Азербайджанской Республики И. Алиев на встрече в Москве 17 апреля 2009 г. с президентом РФ Д. Медведевым: «Отрадно, что друже-

ские отношения между Россией и Азербайджаном также наблюдаются и в отношениях между президентами. Мы каждую встречу используем максимально эффективно, в очень откровенной, искренней атмосфере обсуждаем все вопросы, которые требуют обсуждения. И каждый раз убеждаемся, что вопросов, которые требовали бы какого-то оперативного вмешательства, становится все меньше и меньше. Между нашими странами не существует никаких проблем, а те вопросы, которые требуют обсуждения и решения, оперативно решаются».

Правовым фундаментом нынешнего этапа российско-азербайджанских отношений является Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве, принятая президентами двух стран в Баку 3 июля 2008 г. В ней отмечается, что обе стороны, основываясь на ранее подписанных документах, будут продолжать всестороннее развитие равноправных, взаимовыгодных и конструктивных двусторонних отношений, которые носят стратегический характер. В настоящее время между сторонами заключено более 80 межгосударственных и межправительственных соглашений.

Неразрывной частью политического взаимодействия является военное и военно-техническое сотрудничество. 27 февраля 2003 г. в Баку подписано межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве, а 4 декабря 2006 г. – межправительственное соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества. 29 июля 2008 г. в Москве состоялось II заседание Российско-Азербайджанской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству. На регулярной основе осуществляется обмен визитами руководителей оборонных ведомств обеих стран. Внесенное президентом РФ В. Путиным 8 июня 2007 г. на саммите «Большой восьмерки» в Хайлигендамме предложение об использовании Габалинской РЛС в разрабатываемой США системе ПРО получило поддержку азербайджанского руководства, которое рассматривает его как конкретный вклад в укрепление стабильности и безопасности в регионе. Важным компонентом российско-азербайджанских связей является пограничное сотрудничество.

На высоком уровне находится взаимодействие правоохранительных и судебных органов двух государств. Подписаны и работают соглашения о сотрудничестве между МВД России и МВД Азербайджана, о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных районов, Меморандум о взаимоотношениях в области

борьбы с терроризмом, а также протоколы о сотрудничестве, Меморандум о взаимодействии между МВД России и Азербайджана в сфере обеспечения сохранности транзитных грузов. Анализируя нынешнее состояние двустороннего политического сотрудничества, нельзя не отметить заметно возросший интерес российской стороны к решению нагорно-карабахского конфликта. Нагорно-карабахский конфликт – один из наиболее сложных для урегулирования. Прежде всего потому, что у Армении и Азербайджана совершенно разные подходы к его решению. Позиции двух стран никак нельзя совместить без серьезных уступок каждой из них, без готовности к компромиссу, т.е. к отходу от своих первоначальных установок. При этом урегулирование конфликта возможно лишь при том условии, что главы конфликтующих сторон найдут устраивающую их формулу сосуществования.

Все рассуждения о том, что Запад или Россия из-за нефти, размещения военной базы, участия (или неучастия) в военной операции против Ирана, разблокирования турецко-армянской границы или каких-либо других выгод «в благодарность» «отдаст» Нагорный Карабах Азербайджану, лишены всякого смысла. В этом контексте важно отметить, что в отличие от многих азербайджанских экспертов и политологов, считающих, что Россия должна «наконец определиться», кто ей более важен: Армения или Азербайджан, руководство Азербайджана понимает, что Москва не может выстраивать отношения с Азербайджаном в ущерб своим отношениям с Арменией и наоборот.

Высокий уровень политического взаимодействия позитивно отражается на развитии торгово-экономического сотрудничества. Россия является ведущим экспортером в Азербайджан товаров машинно-технической группы, строительных материалов, древесины, проката черных металлов, химической продукции, на долю которых приходится более 90% российского экспорта. Российская сторона ожидает роста азербайджанского экспорта, связанного с поставками на российский рынок продовольственной продукции, традиционно пользующейся спросом и отвечающей стандартам качества.

С 1 января 2010 г. начался экспорт в Россию азербайджанского газа. В 2008 г. российские инвестиции в экономику Азербайджана составили 12,4 долл., что говорит о необходимости активизации работы в этом направлении. Весьма перспективным для российских инвесторов представляется создание совместных предприятий в области нефтяного машиностроения, производства ме-

дикаментов, переработки и хранения сельхозпродукции, а также в финансовой и банковской сферах. Стратегическое значение для России имеет сотрудничество с Азербайджаном в развитии международного транспортного коридора «Север – Юг» для организации сквозного железнодорожного сообщения из Европы через Россию, Азербайджан и Иран в Индию и страны Юго-Восточной Азии. Реализация этого проекта позволит государствам-участникам получать существенные доходы от транзитных перевозок грузов, объем которых в перспективе достигнет 15–20 млн. т в год. Среди других перспективных сфер возможного интереса российских предпринимателей можно назвать инвестиции в цветную металлургию Азербайджана, а также участие в приватизации малых ГЭС, предприятий по хранению и переработке сельхозпродукции.

По словам российского министра Э. Набиуллиной, в вопросах экономического сотрудничества между партнерами любого уровня в условиях мирового кризиса на первое место выдвигаются два критерия: прагматичность и взаимная выгода. В нашем случае сотрудничать, вероятно, необходимо в тех сферах, конечный продукт которых остается востребованным и в условиях кризиса. Взять хотя бы в качестве примера топливно-энергетический комплекс, где азербайджанской стороне необходимы поставки нефтегазового промышленного оборудования и инструмента, а также предоставление услуг по бурению, капитальному ремонту скважин и т.д., а российская сторона в состоянии удовлетворить эти потребности. Можно найти и другие взаимовыгодные сферы. Например, выполнение российскими предприятиями крупного заказа Каспийского морского пароходства Азербайджана на строительство сухогрузов и танкеров или закупки авиатехники специального назначения российского производства для МЧС Азербайджана. Актуально создание совместных предприятий в области легкой промышленности, производства медикаментов, лизинговых компаний, а также предприятий по обслуживанию сельскохозяйственной и дорожно-строительной техники. Кроме того, актуально сотрудничество в области нанотехнологий, и обе стороны уже рассматривают вопросы взаимодействия в этой сфере.

Вопросы гуманитарного сотрудничества также находятся в центре внимания как высшего руководства Азербайджана и России, так и конкретных государственных ведомств и неправительственных структур. К перспективным направлениям сотрудничества относятся образование и наука. В настоящее время в высших учебных заведениях России обучается 5755 граждан Азербайджана

на, в том числе 1420 за счет федерального бюджета Российской Федерации. 27 февраля 2008 г. в Баку открыт филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, число студентов в котором на втором году его функционирования приблизилось к 200. Более 1200 человек обучаются в другом российском учебном заведении на территории Азербайджана – филиале Московского государственного открытого университета. Всего в вузах Азербайджана на русском языке получают образование свыше 15 тыс. студентов.

* * *

Подводя итог краткому анализу текущего периода российско-азербайджанского сотрудничества, важно подчеркнуть его созидательный характер, нацеленность на расширение взаимодействия в различных сферах. Стратегические линии определены руководством России и Азербайджана, а практическая реализация согласованных планов возложена не в последнюю очередь на дипломатов обеих сторон. Россию с Азербайджаном объединяют общность исторических судеб народов, бесценный политический, экономический и духовный потенциал. Жизнь подтвердила, что, как и прежде, Россия нуждается в Азербайджане, так же, как и Азербайджан нуждается в России. Отношения между двумя суверенными государствами – Россией и Азербайджаном – обрели прагматичный, деловой и взаимовыгодный характер, учитывающий, прежде всего, национальные интересы каждой страны.

*«Кавказ и глобализация», Азербайджан–
Швеция, 2010 г., вып. 1–2, с. 31–41.*

Д. Вильковски,

ПОЛИТОЛОГ

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИСЛАМСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

В начале 90-х годов прошлого столетия «возрождение» ислама как символа духовного обновления приобрело особую значимость для мусульманских регионов бывшего Советского Союза, что имеет непосредственное отношение и к республикам Центральной Азии. На фоне некоторой универсальности для постсоветского пространства этот феномен в контексте современного

Казахстана стал приобретать на протяжении последних десяти лет свои особенности, обусловленные как спецификой социально-политических трансформаций, так и сложившимися здесь местными религиозными традициями.

Среди актуальных тенденций в развитии ислама в стране следует выделить прежде всего усиление восприимчивости широких кругов населения, особенно молодежи, к религиозному воздействию, заметный количественный рост исламских религиозных объединений, а также расширение структуры религиозного образования. При анализе этих явлений казахстанские аналитики стали все чаще ссылаться не только на внутренние социально-экономические факторы, но и в немалой степени на так называемый внешний фактор, под которым подразумевается активность зарубежных благотворительных организаций в регионе.

По замечанию Адиба Халида, зарубежные исламские движения способствуют новому включению ислама в общественную жизнь посткоммунистической Центральной Азии, однако их действия не всегда соответствуют специфике региона и его реалиям. Между местными исламскими традициями и жестким соблюдением исламских ритуалов, проповедуемых зарубежными мусульманами (арабами, пакистанцами, турками), продолжают сохраняться существенные расхождения. Немного ранее российские аналитики связывали рост тенденций исламского экстремизма в России в определенной степени с деятельностью благотворительных организаций из стран Персидского залива. Они подчеркивали, что фактически сразу же после распада Советского Союза мусульманские регионы России и государства Центральной Азии оказались в центре повышенного внимания различных зарубежных исламских центров. Под влиянием деятельности исламских миссионеров и арабо-исламских благотворительных организаций в этих регионах началось распространение этических и идеологических установок, не характерных для мусульман как России, так и Центральной Азии, что, в свою очередь, привело к возникновению у местных мусульман внутреннего дискомфорта, психологической напряженности и к ослаблению позиций местного духовенства.

Не углубляясь в эту противоречивую проблематику, хотелось бы вернуться к казахстанской действительности и задаться вопросом, насколько обозначенная выше тенденция свойственна Казахстану, насколько цели внешних исламских сил адекватны условиям и потребностям сегодняшней социально-политической

ситуации в Казахстане и какова степень их воздействия на местную мусульманскую конфессию.

На эмоциональном уровне потребность в поиске духовных ценностей в постсоветский период в немалой степени способствовала сближению Казахстана с арабо-мусульманским миром и установлению прямых межгосударственных отношений с Египтом и странами Персидского залива. Распад Советского Союза создал новую геополитическую реальность, связанную с возникновением новых независимых государств Центральной Азии, которые исламским миром в цивилизационном отношении были признаны мусульманскими. Исходя из этого посыла, арабские политологи считали необходимым признать и поддержать «исламизированное сознание» мусульман региона, предоставив им реальные возможности для изучения основ подлинного ислама.

В начале 90-х годов арабское научное сообщество, сетуя на пассивность арабских государств, особенно Египта и Саудовской Аравии, обращалось к политикам с призывом скоординировать совместные усилия для выработки единых подходов к сотрудничеству с этой группой государств. И хотя центральноазиатские государства не являются мусульманскими в классическом понимании этого слова, однако их появление стало рассматриваться в качестве свидетельства дальнейшего, выходящего за «пределы арабской сети государств», расширения мусульманского мира как в геостратегическом, так и в количественном измерении.

Вполне логично, что в сфере межгосударственных отношений арабские эксперты отводили исламу роль основополагающего фактора, способного не только преодолеть советское атеистическое наследие, но и существенно повлиять на определение политики арабских стран, и особенно Саудовской Аравии, в регионе. В начале 90-х годов на страницах газеты «Аль-Алам аль-ислами» (al- 'alam al-islami), печатном органе Лиги исламского мира, арабскими теологами была развернута дискуссия относительно стратегии возврата мусульман бывшего Советского Союза, и в частности центральноазиатских государств, в лоно исламской уммы. Акцент при этом делался на необходимости повышения уровня их религиозной просвещенности с целью возрождения духовного исламского наследия в регионе.

Осуществление такой миссии в Центральной Азии теологи считали целесообразным начать с выработки практических программ, которые должны были бы служить легитимации связей с новыми субъектами исламского сообщества. Известный саудов-

ский теолог Мухаммед Абдо Йамани предлагал сконцентрироваться на выполнении следующих задач:

– просвещение мусульман путем обеспечения литературой и наставниками и обучения арабскому языку с использованием специализированных видео- и аудиокабинетов, через предоставление учебных грантов в университетах Саудовской Аравии, в аль-Азхаре и других исламских университетах, а также через строительство новых школ в странах региона;

– установление экономических контактов с этой группой стран с целью предотвращения возможного экономического давления на них, которое может спровоцировать возникновение новых вызовов для исламского мира;

– активное участие в строительстве больниц, культурных учреждений высокого уровня, способных конкурировать с аналогичными объектами, построенными не мусульманами, а также повышение роли мечетей, оказание помощи в их строительстве.

Реальная помощь исламского мира по углублению религиозных чувств мусульман Средней Азии и Кавказа и их скорейшему освобождению от воздействия «атеистической коммунистической идеологии», по мнению теологов, должна основываться на:

1) расширении тесных контактов с мусульманами, чтобы «рассеять в них чувство отчужденности от исламского мира и тем самым поднять в них дух мусульманского достоинства»;

2) организации религиозной деятельности общин, чтобы «они осознали себя частью исламской уммы, почувствовали глупину исламского братства»;

3) предоставлении учебных грантов для получения как религиозного, так и светского образования, чтобы «продемонстрировать им преимущества исламского воспитания, которое студенты по возвращении на родину могли бы дальше распространять».

Что касается Казахстана, то он естественным образом вписывался в общие представления арабских (в основном из стран Персидского залива и Египта) теологов и ученых относительно региона Центральной Азии, правда, с учетом некоторых присущих ему особенностей. На страницах «Аль-Алам аль-ислами» давались, среди прочих, следующие описания Исламской Республики Казахстан: «Казахи имеют среднее телосложение, черные волосы и монголоидные черты лица. Они все мусульмане. Но никто точно не знает, как ислам был распространен среди них». «Казахстан считается одной из крупнейших стран Центральной Азии. В силу богатых природных ресурсов он является зоной конфликтов и со-

перничества в мире. Если ранее Казахстан представлял собой “хлебную корзину Советского Союза”, то теперь он стал целиной для христианских миссионеров и международных организаций». «С помощью Всевышнего Аллаха Республика Казахстан получила независимость в 1991 г. и начала прокладывать себе путь к духовной свободе и строительству счастливого будущего для своих сыновей-мусульман».

Значимость же региона в рамках Советского Союза, по заключению арабских аналитиков, состояла в том, что «если бы не природные богатства Средней Азии и Казахстана, то Советский Союз находился бы в числе стран третьего мира». В условиях же современного развития этих стран миссия исламского мира должна заключаться в устранении «последствий изуродовавшей их самобытности коммунистической морали и философии, основанной на идеях Маркса–Энгельса–Сталина». При этом арабским странам следует сконцентрироваться на повышении роли арабского языка в этих обществах с целью воспитания нового поколения мусульман и их дальнейшего духовного совершенствования. Отсюда следовало, что распространение исламской доктрины целесообразно начать с локальных школ, поскольку «дети и молодежь являются наиболее благодатной “почвой” для создания лучшего будущего для этих мусульманских обществ». С целью ограждения молодежи от влияния «скрытых сил, активно работающих по христианизации мусульманской молодежи», предлагалось открыть в регионе арабские учебно-культурные центры, оснащенные современными техническими средствами. Более того, в расширении деятельности таких центров существенную роль могли бы сыграть преподаватели и проповедники, отличающиеся высокой культурой и талантом к ведению доверительного диалога.

В целом суть рекомендаций по углублению роли ислама в Центральной Азии можно свести к нескольким ключевым положениям, а именно:

а) открытие научных отделений в университетах мусульманских стран, специализирующихся на изучении республик Средней Азии, Кавказа и их языков;

б) оказание материальной поддержки научным организациям в указанных республиках, осуществление обмена исследователями и преподавателями;

в) финансирование строительства арабских мусульманских университетов в республиках, открытие отделений арабского языка и исламоведения в светских университетах республик, их обес-

печение фундаментальной литературой по всем отраслям исламской науки;

г) создание базы данных о талантливых преподавателях в арабском мире для выполнения их научной и религиозной миссии в «новых» исламских республиках;

д) проведение отбора среди выпускников отделений русского, персидского, турецкого отделений университетов арабских стран с целью их подготовки к проведению исламского призыва (al-da 'wa al-islamiyya) и последующей отправки в исламские республики для расширения культурных связей с местными мусульманами;

е) подготовка нового поколения проповедников из числа местных мусульман, которые смогут продолжить религиозную деятельность в локальных обществах; с этой целью следует укрепить статус мечети, превратив ее в многофункциональный социально-религиозный центр;

ж) поощрение исламских инвестиций в целевые государства для создания исламских учреждений – мечетей, медресе, вакуфных ведомств; активизация деятельности исламских туристических компаний по организации хаджа и умры;

з) проведение международных конференций в странах с целью изучения религиозной ситуации и установления связей с местными исламскими лидерами.

Осуществление указанных мер началось практически сразу после обретения Казахстаном независимости, когда «открытость» миру создала благоприятные условия для установления разносторонних контактов на межгосударственном уровне. Причем наряду с экономическими связями между Казахстаном и арабским миром особое развитие получило взаимодействие в гуманитарной сфере, охватившее в первую очередь сферы религиозного образования и просвещения. Однако именно эта сфера взаимодействия оказалась наиболее проблематичной, поскольку в ее осуществление оказались вовлечены не только государственные структуры арабских стран, но и различные благотворительные фонды и миссионеры, наплыв которых плохо поддавался контролю.

Установление прямых дипломатических отношений с арабскими странами создало благоприятные условия для участия различных благотворительных организаций в гуманитарных проектах, осуществляемых на территории Казахстана. Особую активность проявили как правительства, так и ряд благотворительных организаций из стран Персидского залива. В соответствии со стра-

тегией по отношению к «новым исламским государствам» Центральной Азии их участие в трансформационных процессах, происходивших внутри казахстанской исламской конфессии, сконцентрировалось на строительстве мечетей, содержании детских домов, оказании материальной и иной помощи учебным заведениям, связанным с преподаванием арабского языка.

Одним из важных шагов к активизации деятельности Всемирной исламской благотворительной организации (ВИБО, International Islamic Charitable Organization со штаб-квартирой в эль-Кувейте) в Казахстане послужила встреча в 1997 г. в Кувейте Н. Назарбаева с ее официальными представителями. Основной темой беседы явилось обсуждение ряда социальных проектов и возможности их выполнения на территории страны. Среди них особое внимание уделялось, в частности, строительству мечетей, детских домов, обеспечению больниц современным оборудованием. В 1998 г. Казахстан посетила представительная делегация созданного в 1989 г. Комитета мусульман Азии (КМА, The Committee of Asia), одной из важных структур ВИБО, деятельность которой концентрируется на осуществлении гуманитарной помощи мусульманам России и Центральной Азии. Наглядным результатом деятельности КМА в республике и его реальной помощи на сегодняшний день является строительство более 20 средних и малых мечетей в Южно-Казахстанской области, десятков систем обеспечения питьевой водой, два детских дома, а также финансовая поддержка строительства нового здания Центральной мечети в Алма-Ате.

Сотрудничество в области воспитания, образования и культуры получило развитие и в казахстано-катарских отношениях. В рамках деятельности Межправительственной казахстанско-катарской совместной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурно-гуманитарному сотрудничеству в марте 2002 г. началось возведение Исламского культурного центра и главной мечети Астаны вместимостью до пяти тыс. человек (за счет гранта государства Катар в размере 6,5 млн. долл.). Официальное открытие мечети с участием президента Казахстана состоялось в 2005 г. Тогда же исламскому центру было присвоено название Центральная мечеть «Нур-Астана», высота минаретов которой (63 м), по замечанию Н. Назарбаева, должна «при въезде в город указывать, что здесь – мусульманская страна. Духовенство Казахстана рассматривает мечеть в качестве центра исламского просвещения, на основе которого предполагается создание Ислам-

ского университета. Возведение еще большей по размеру мечети (высота мечети 64 м, минарета – 84 м) намечено в Алма-Ате. Финансирование этого объекта с примерной стоимостью в 40–45 млн. долл. планируется за счет средств спонсоров и частных пожертвований.

Активным действующим лицом гуманитарного взаимодействия Казахстана и арабских стран стала и благотворительная организация Красного полумесяца ОАЭ (UAE Red Crescent), возглавляемая государственным министром по иностранным делам ОАЭ шейхом Хамданом Бен Заид аль-Нахаяном. В соответствии с двусторонней договоренностью основными объектами ее деятельности в Казахстане с начала 90-х годов стали ирригационные сооружения и другие объекты социального назначения. Согласно официальным данным, Казахстан с 1998 г. вошел в число шести стран (наряду с Палестиной, Сомали, Пакистаном, Индией, Таиландом), в которых организация Красного полумесяца ОАЭ выполняет оперативные проекты, нацеленные на строительство образовательных, медицинских, социальных учреждений (школы, детские дома, медицинские центры).

Существенную роль в проведении благотворительных программ данной организации играет частный фонд Абу Даби ал-Хайрийа, вошедший в состав организации Красного полумесяца в 2004 г. В 2003 г. Абу Даби, находящийся в постоянном контакте с Духовным управлением мусульман Казахстана, заключил с ним договор по вопросам разработки и строительства мечетей в Казахстане. На сегодняшний день в республике действуют более 30 мечетей, построенных при поддержке Красного полумесяца. Наиболее крупная из них возведена в одном из населенных микрорайонов Алма-Аты и наряду с главной мечетью при Духовном управлении мусульман Казахстана представляет собой локальный просветительский центр. При ней открыты не только курсы арабского языка и Корана, но и компьютерный класс, швейная мастерская. По аналогичной схеме работают и другие мечети, построенные или отреставрированные при помощи данной организации.

Гуманитарное сотрудничество Казахстана с Саудовской Аравией основывается на заключенном в 1994 г. Генеральном соглашении между правительствами РК и КСА о сотрудничестве в торгово-экономической, инвестиционной, технической и культурной областях. В 6 ст. Соглашения конкретизируются направления научно-культурного сотрудничества, в числе которых – взаимодействие между молодежью, поощрение образовательной сферы, а

также координация совместной деятельности по обучению арабскому языку и по его распространению. В декабре 1997 г. состоялся визит в Эр-Рияд министра образования Казахстана К. Кошербаева, в рамках которого казахстанский министр подчеркивал, что республика нуждается в поддержке Саудовской Аравии не только в экономическом, но и в духовном плане, а именно в строительстве мечетей, обучении и подготовке религиозных кадров, издании книг по исламу на казахском языке.

На протяжении последних двух лет наблюдаются активные попытки казахстанского посольства в Саудовской Аравии по установлению прямых контактов между университетами Казахстана и университетом имени короля Сауда в Эр-Рияде. В ноябре 2006 г. во время визита делегации Казахского национального университета им. Аль-Фараби в Королевство был подписан договор о сотрудничестве между университетами, согласно которому предусматриваются языковые стажировки казахстанских студентов и преподавателей в Саудовской Аравии. Казахской стороной поднимался также и вопрос о содействии Королевства в открытии более 50 кабинетов арабского языка в школах Казахстана.

Следует отметить, что с середины 90-х годов проводником гуманитарной миссии Лиги исламского мира на территории Казахстана является Всемирная ассоциация исламской молодежи (World Assembly of Muslim Youth). Поскольку основная деятельность ВАИМ заключается прежде всего в «проявлении заботы о мусульманской молодежи», распространении исламского призыва в ее среде, то и в Казахстане ее проекты носят образовательно-просветительский характер. В их числе – создание воспитательно-образовательных лагерей, проведение семинаров, конференций, а также предоставление стипендий студентам, оказание материальной помощи исламским молодежным организациям. В конце 90-х годов представительство ВАИМ предложило Казахскому национальному педагогическому университету в Алма-Ате (бывший алмаатинский государственный университет) открыть кафедру арабского языка, которая и сегодня функционирует при софинансировании и поддержке Ассамблеи. На базе этого же университета в августе 2002 г. Лига исламского мира провела международную конференцию «Ислам в Средней Азии: История и современность» при участии лидеров мусульманского духовенства стран СНГ. Цель конференции заключалась в обсуждении актуальных проблем, стоящих перед исламскими конфессиями региона, и их первых достижений в области возрождения ислама. В ее

задачи входило также определение эффективных форм сближения международного исламского сообщества с конфессиями стран Центральной Азии. В частности, было выдвинуто конструктивное предложение о создании комитета по координации исламской деятельности в регионе, в состав которого предполагалось включить Лигу исламского мира, крупные исламские университеты, а также муфтияты среднеазиатских республик.

Сотрудничество между Египтом и Казахстаном в религиозно-образовательной сфере концентрируется в основном на развитии Египетского университета исламской культуры Нур-Мубарак, открытого в Алма-Ате в соответствии с соглашением, заключенным между правительствами Арабской Республики Египет и Республики Казахстан 18 августа 2001 г. На его строительство Египет выделил порядка 15 млн. долл., демонстрируя тем самым «стремление египетского руководства оказать помощь Казахстану в подготовке кадров, призванных разъяснить народу истинную природу ислама как миролюбивой религии».

Основная функция университета, в частности факультета исламоведения, заключается в подготовке казахстанских «высокообразованных имамов и исламоведов», что обусловлено необходимостью развития исламских культуры и науки в Казахстане и Центральной Азии. Программа факультета наряду с необходимым спектром светских предметов состоит преимущественно из религиозных дисциплин и арабского языка. Преподавательский состав университета формируется в основном из профессоров и преподавателей из университета аль-Азхар, Каирского университета и казахстанских выпускников зарубежных исламских центров. В 2006 г. стороны обсуждали вопросы расширения университета (а точнее, строительства второго учебного корпуса), а также углубления профессиональной подготовки студентов в форме прохождения ими годичных стажировок в Египте. Египетская сторона готова выделить на дополнительное строительство более 6 млн. долл.

В целом межгосударственные договоренности Казахстана с арабскими странами привели к урегулированию и легитимации гуманитарного сотрудничества и тем самым к выделению его основных сил и сфер их участия в религиозной жизни страны. В дополнение к этому можно привести примеры активности частных лиц и меценатов из арабских стран в финансировании строительства мечетей в крупных городах Казахстана. Принц Султан Бен Абд аль-Азиз в 2004 г. лично выделил 2 млн. долл. на завершение

строительства новой мечети в Петропавловске, центре Северо-Казахстанской области, возведение которой было начато на средства местного общественного фонда «Шапагат». С момента ее открытия в 2005 г. мечеть представляет собой информационно-просветительский центр, оснащенный как современными средствами коммуникации, так и учебными комнатами для изучения основ ислама, библиотекой и др.

Необходимость формирования фактически новой для Казахстана системы религиозного образования вызвала естественным образом потребность в использовании опыта зарубежных исламских центров и их всяческой поддержки. На этом фоне арабские миссионеры и представители благотворительных организаций воспринимались в качестве транснациональных носителей исламских ценностей и знаний. Этот факт обусловил в немалой степени их достаточно свободное и «желанное» внедрение в казахстанскую среду в начале 90-х годов. Данная тенденция стала особенно заметна в Шымкенте, центре Южного Казахстана, традиционно являющемся наиболее исламизированным регионом страны. Представители международной благотворительной ассоциации «Таиба» (International Charitable Association Taiba, США) попытались наладить деятельность мечетей в Шымкенте и установить заработную плату имамам, наиб-имамам. Однако их деятельность стала вносить разногласия в исламскую общину, поскольку «многим местным мусульманам их идеи и цели были неясны».

Тем не менее миссионерская деятельность способствовала активизации локальных мусульманских центров, существование которых зависело в основном от внешних финансовых источников. Внимание миссионеров было сконцентрировано на оказании влияния на молодежь, прежде всего учеников средних школ, изучавших арабский язык, и на их учителей – выпускников арабских отделений казахстанских университетов. Начиная с 1992 г. преподавание арабского языка в таких школах (в основном в Алма-Ате и Шымкенте) финансово поддерживалось представителями Всемирной Ассамблеи исламской молодежи и Общества социальных реформ (Social Reform Society, Кувейт). Эти же представительства организовывали летние курсы арабского языка как для молодежи, так и для учителей школ из Казахстана, других республик Центральной Азии и Азербайджана. В этот же период в Исламском институте при ДУМК начали работать преподаватели из Сирии, Иордании, а в светские вузы и школы стала поступать арабоязычная литература, в основном из Саудовской Аравии.

В 90-е годы наибольшей популярностью среди молодежи Южного Казахстана стало пользоваться общественное объединение «Ыкылас», созданное одним из религиозных активистов при поддержке Катарского благотворительного фонда (Qatar Charity Society). На средства этого фонда был построен учебный центр-интернат, в котором постоянно проживали более 50 молодых людей из малообеспеченных семей. Объединение было зарегистрировано акиматом (городской администрацией) г. Шымкента и функционировало при его активной поддержке. С середины 90-х годов арабский язык здесь начали преподавать миссионеры из Египта и Иордании, оказавшиеся членами организации «Братья-мусульмане». В учебной литературе, распространяемой ими среди молодежи, были обнаружены призывы «к возрождению халифата и объединению всех правоверных». В результате судебного разбирательства миссионеры были высланы из страны.

Примечательно, что именно в Шымкенте в 90-е годы появились частные учебные заведения – Казахско-Арабский университет и Южно-Казахстанская гуманитарная академия, получившая при своем открытии название Казахско-Кувейтский университет. Международный Казахско-Арабский университет был образован в 1992 г. на базе Южно-Казахстанского института арабского языка. Официальным учредителем института была группа представителей интеллигенции Шымкента. В 1994–1995 гг. институт заключил договоры о сотрудничестве с Обществом социальных реформ и международной ассоциацией «Таиба», что позволило ему существенно расширить свои финансовые и кадровые возможности. Со временем в университете при поддержке фондов был открыт факультет религиоведения, где преподавателями арабского языка и шариата работали выходцы из Египта, Йемена, Судана, а также Таджикистана и Узбекистана. С 2000 г. к числу спонсоров добавились еще два фонда – Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим, а также благотворительный фонд Катара. Обучение студентов факультета религиоведения (более 800 человек, многие из которых до поступления уже имели начальное религиозное образование), а также их содержание и стипендии в основном оплачивались названными выше фондами. В 2005 г. по итогам государственной аттестации, проведенной специальной комиссией из Министерства образования РК и выявившей факты преподавания религиозных дисциплин, произошло реформирование университета: преподавание восточных языков было значительно сокращено, факультет

религиоведения расформирован, а университет переименован в Университет Отрар.

Еще одним примером создания частного университета по инициативе исламских фондов является совместный Казахско-Кувейтский университет, открытый в 1999 г. в Шымкенте при полном финансировании со стороны Общества социальных реформ. Отделение Общества было официально зарегистрировано в 1998 г. в Департаменте юстиции Южно-Казахстанской области, что давало ему полное основание для легальной деятельности. На основании лицензии на образовательную деятельность, выданной Министерством образования и наук РК, Казахско-Кувейтский университет был преобразован в Южно-Казахстанскую гуманитарную академию, частное светское высшее учебное заведение. Руководство Академией и преподавание языковых дисциплин осуществлялось арабской стороной (выходцы из Иордании, Туниса, Египта, Марокко), местные преподаватели привлекались для ведения светских предметов. Среди факторов, спровоцировавших сначала настороженное отношение к деятельности Академии, а затем и обостренное внимание правоохранительных органов, оказались прежде всего закрытость территории для посторонних (охранно-пропускная система) и строгое предписание соблюдения канонов ислама (для девушек – также и ношение религиозной одежды). Причем арабский язык стал обязательным предметом для любой специальности. Эти факты, а также включение Общества социальных реформ в российский список террористических организаций побудили государственные органы, в частности Министерство образования РК, как и в первом случае, провести государственную аттестацию Южно-Казахстанской академии, приведшую к ее последующему закрытию. Результаты аттестации показали не только несоответствие качества знаний студентов государственным стандартам высшего образования республики, но и их нарушение путем включения религиозных дисциплин в учебный процесс.

По аналогичной причине в 2005 г. был закрыт и педагогический колледж Таиба в Алма-Ате, открытие и деятельность которого финансово поддерживались международной организацией с аналогичным названием. Колледж, основанный в 1996 г., занимался в основном подготовкой преподавателей арабского языка для светских начальных и средних школ. Однако, по свидетельству работавших в нем казахстанских преподавателей, занятия по арабскому языку здесь сопровождались заучиванием сур из Корана и

изучением шариата, а внеаудиторная деятельность заключалась в основном в проведении конкурсов чтецов Корана.

Пожалуй, попытку арабо-исламских фондов и организаций создать административную сеть «светского» образования, окрашенную в религиозные тона, на территории Казахстана нельзя назвать успешной. Но в то же время нельзя не признать степень их духовного воздействия на молодежь с периферии и из малообеспеченных семей, которой в таких учреждениях предоставлялись особые привилегии (бесплатное или льготное образование).

В 90-е годы волна благотворительных инициатив арабских стран охватила светские вузы Казахстана, в которых арабская филология входит в число основных специальностей. Учитывая значимость факультета востоковедения Казахского национального университета им. Аль-Фараби (КазНУ) как главного востоковедческого центра в современном Казахстане, официальные круги этих стран обратили особое внимание прежде всего на установление сотрудничества с кафедрой арабистики. Началом активизации их деятельности можно считать первые поступления литературы из Египта и Саудовской Аравии, среди которой, за небольшим исключением учебников по грамматике арабского языка, доминировали труды средневековых теологов. Такая же акция была предпринята и по отношению к другим вузам Алма-Аты – Университету международных отношений и мировых языков (УМОМЯ), Алма-Атинскому государственному университету (АГУ).

Другая инициатива заключалась в выделении фондами и правительством Саудовской Аравии финансовых средств как для улучшения инфраструктур кафедр, так и для проведения семинаров по арабскому языку. ISESCO (Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization) направила свою деятельность на реализацию мер по повышению квалификации преподавателей арабского языка, концентрируясь на проведении периодических тренингов по арабскому языку и вопросам исламского воспитания и образования. Начиная с 1999 г. ISESCO выделяет для Казахстана также и гранты для обучения в магистратуре (по специальности арабский язык) в университете Мухаммеда V в городе Рабат. Посредником в установлении контактов между кафедрой арабистики КазНУ и ISESCO выступил уже упоминавшийся фонд Абу Даби. Благодаря этому же фонду кафедра арабистики получила первое техническое оснащение в виде компьютеров с арабским шрифтом и принтерами.

Наиболее «прозрачным» становится в последнее время присутствие другого благотворительного фонда – ал-Уакф ал-ислами, финансирование которого осуществляется из Саудовской Аравии. Официально зарегистрированный в Казахстане в 1994 г., филиал фонда лишь в 2007 г. заключил официальный договор о сотрудничестве с КазНУ. Основная цель сотрудничества, согласно договору, заключается прежде всего в улучшении преподавания арабского языка, что должно основываться на обмене преподавателями, проведении ежегодных совместных семинаров, обеспечении образовательного процесса необходимой литературой и т.д. Поскольку тематика учебников, поступающих из Саудовской Аравии, носит религиозный характер, то представитель фонда предложил кафедре арабистики издание совместного учебника, который бы соответствовал светскому характеру обучения востоковедов.

В перспективе руководство филиалом фонда предполагает финансирование научных исследований казахстанских востоковедов, связанных с поиском и обработкой арабоязычных источников по казахской культуре и историографии, а также издание переводов лучших образцов арабской классической литературы на казахский язык. Иными словами, вырисовываются новые возможности и горизонты продуктивного взаимодействия в сфере распространения арабского языка, где фонд, вероятно, предполагает занять особое место.

В связи с этим хотелось бы также обратить внимание на то, что некоторые казахстанские имамы уже поднимают вопрос о необходимости введения преподавания арабского языка в начальных классах светских школ. Отмечая его особую значимость в усвоении исламских знаний, имамы подчеркивают, что «дети как можно раньше должны понять ислам и начать читать намаз. Только в этом случае они сохранят чистоту своей души».

Сложность и актуальность поднятой проблематики предполагает рассмотрение совокупности внутренних и внешних предпосылок, способствующих формированию тех или иных тенденций в религиозной жизни Казахстана. В этом смысле следует признать, что влияние, оказываемое различными зарубежными исламскими структурами на мусульманскую конфессию в Казахстане, способно нести в себе не только позитивный заряд содействия благородным целям религиозного просвещения, но и привносить нехарактерные для конфессии противоречия и проблемы. Поэтому и отношение к таким организациям имеет зачастую весьма противоречивый оттенок. Признавая существенную помощь международ-

ных исламских организаций в развитии ислама в Казахстане, многие религиозные активисты в то же время высказываются против следования строгим канонам «арабского» или «турецкого» ислама. Поэтому и развитие системы религиозного образования в Казахстане с учетом местных традиций становится все более актуальной и востребованной проблемой.

Вместе с тем расширение и укрепление этой системы в контексте Казахстана представляется длительным процессом, требующим прежде всего высокого профессионализма со стороны местного духовенства. Отсюда закономерно возникает вопрос, сможет ли локальная образовательно-религиозная система создать, и как быстро, необходимые условия для того, чтобы стать авторитетной для мусульманской конфессии и, следовательно, конкурентоспособной известным зарубежным центрам? Казалось бы, существенный вклад в этот процесс могли бы внести казахстанские выпускники зарубежных исламских университетов. Однако некоторая отстраненность представителей официального ислама от этой прослойки мусульманской молодежи (возможно, как от потенциальных носителей нетрадиционных для Казахстана исламских течений или же как от реальной конкурирующей силы) существенно сдерживает консолидацию двух важных акторов трансформационных процессов в локальном исламе. Но именно эта часть молодежи рассматривается местной мусульманской средой в качестве глубоко верующих, высокообразованных теологов. Многие из них, продолжая свое образование в магистратурах светских университетов Казахстана, видят свою основную задачу в воссоздании значимости исламских духовно-нравственных ценностей и их распространении в обществе. Они создают образовательные центры, издательства, преподают в университетах, дают частные занятия по арабскому языку и основам ислама.

Растущая активность локальных исламских организаций является свидетельством укрепления авторитета внутренних сил, способных самостоятельно влиять на дальнейшее исламское обновление в Казахстане. И хотя количественный рост религиозных организаций еще не является показателем их качественного состояния, наблюдается появление таких влиятельных общественных организаций, как Республиканская ассоциация хаджей Казахстана (создана в 2003 г. и насчитывает более 7000 членов), которая в состоянии составить определенную конкуренцию зарубежным исламским организациям. Основная деятельность Ассоциации

тесно связана с внедрением продукции халяль на территории Казахстана.

В силу как геополитического положения Казахстана, так и происходящих внутри него социально-политических изменений ислам будет оставаться в центре внимания и влияния тех или иных сил. Поэтому можно предположить, что присутствие зарубежных исламских организаций будет и далее относиться к числу актуальных проблем исламского развития в Казахстане. Значимость же их воздействия будет зависеть не только от целей их деятельности и вклада в религиозное просвещение населения, но и от степени адаптации их намерений к местным социально-политическим трансформациям и менталитету.

*«Исламский фактор в истории и современности»,
М., 2011 г., с. 496–510.*

Аркадий Дубнов,
обозреватель

КИРГИЗИЯ: ХВОРОСТ ДЛЯ «ТЮЛЬПАНА-3»

По общему мнению, наиболее слабым звеном в цепи стран региона, подверженных риску дестабилизации, является Киргизия. Однако ее состояние мало связано с волнениями в Северной Африке. Государство, в котором, чтобы сменить президента, проще устроить переворот, чем президентские выборы, гордится тем, что стало «страной социальных революций» еще задолго до первых известий из Туниса. Во всяком случае, так заявила президент Киргизии Роза Отунбаева, выступая 6 апреля 2011 г., накануне годовщины второй (апрельской 2010 г.) революции: «Наша апрельская революция стала феноменом для мировой общественности, она стала примером для мирных граждан в Северной Африке и на Ближнем Востоке».

В январе 2011 г. не менее патетически рассуждал на эту тему один из лидеров обеих киргизских революций, экс-спикер парламента Омурбек Текебаев. «Киргизский “кетсинизм” (“кетсин” по-киргизски – “долгой”) приобретает мировой статус, превращаясь в глобальное явление», – утверждал он. Кетсинизм, по словам Текебаева, есть состояние общества, когда его «старые формы не могут удовлетворить новое содержание». Отметив, что в Африке и на Ближнем Востоке происходят восстания, подобные киргизским, политик указывает на сходные причины: единоличное правление,

подчинение национальной экономики интересам отдельных групп, отсутствие честных выборов и реальных путей законными методами сменить руководство. Но именно в Киргизии, считает Текебаев, первым проявился кризис старого политического устройства: везде, где происходят волнения, общим требованием является укрепление парламентаризма и проведение честных выборов.

Ирония в том, что Текебаев, считающийся отцом киргизского парламентаризма (текебаевский проект Конституции, учредившей основы парламентской системы власти, был принят на референдуме в июне прошлого года), оказался аутсайдером созданной им же системы. Его старейшая в республике социалистическая партия «Ата-Мекен» с трудом преодолела проходной барьер на выборах в парламент и оказалась в оппозиции. А относительной победительницей выборов в октябре 2010 г. (за пять партий, прошедших в парламент, в общей сложности проголосовало всего чуть больше трети пришедших на выборы) стала партия «Ата-Журт», представлявшая в основном бывших чиновников свергнутого бакиевского режима. Один из ее лидеров, Ахматбек Кеддибеков, стал спикером парламента.

После почти двухмесячных переговоров Киргизия получила в конце 2010 г. коалицию, состоящую из «победителей и побежденных». Впрочем, иначе и быть не могло. Страна с 6-миллионным населением остается фрагментированной по этническому, географическому, родоплеменному и клановому признакам. А лидеры ее элиты, представленные во главе данных, как правило, по этим признакам многочисленных (больше 50) «политических» партий, чуть ли не все служили высокопоставленными чиновниками при Акаеве и Бакиеве.

Консолидация элит в современной истории страны, как считает киргизский аналитик Данияр Каримов, «не единожды происходила на принципах неприязни к той или иной персоне у власти». В 2005 и 2010 гг. это приводило к революции. Весной 2011 г. история начинает повторяться. «Часть правящего истеблишмента, — отмечает Каримов, — нашла новый объект неприязни». Им стал лидер входящей в парламентскую коалицию партии «Республика» первый вице-премьер Омурбек Бабанов. В его адрес были выдвинуты обвинения в рейдерстве и корыстных интересах по отношению к единственному в стране крупному бизнесу, приносящему многомиллионные доходы — телекоммуникационной компании MegaCom. Автора обвинений и.о. генерального прокурора Кубатбека Байболова президент Отунбаева отправила в отставку по

«морально-этическим» причинам: супруга Байболова, известная в стране предпринимательница, якобы осуществила выгодную сделку по продаже недвижимости фирме, аффилированной с Mega-Com. Кроме того Байболов заподозрил ряд представителей руководства в присвоении крупных денежных средств, изъятых после прошлогодней революции банковских ячеек, принадлежавших членам семьи Курманбека Бакиева.

Черета громких скандалов в середине апреля поставила под угрозу существование правительственной коалиции во главе с лидером Социал-демократической партии Алмазбеком Атамбаевым. Распад коалиции за несколько месяцев до президентских выборов (они должны состояться до конца октября) чреват новым противостоянием в стране, где, по определению одного из наблюдателей, за последние годы сложилась прослойка профессиональных ниспровергателей-«кетсинистов». Их действия будут мало отличаться от тех, что сопровождали события 2005 и 2010 гг., направленные на передел собственности и перераспределение финансовых потоков. Собственно, именно это и является содержанием и стимулом деятельности политической элиты Киргизии, как правило, не слишком отягощенной ответственностью за сохранение единой государственности и суверенитета.

В феврале, когда появились первые признаки новой нестабильности, руководитель аппарата президента Киргизии Эмиль Каптагаев с шокирующей откровенностью заявил: «Если сейчас начнется суматоха и все перевернется, то в последующем мы перейдем в режим полевых командиров, это однозначно, и страна превратится в большой общак, управляемый криминалом». Таким образом, подтвердились слова Омур-бека Текебаева о том, что в Киргизии «криминальный мир поделен политическими силами». Их объединяют личные отношения и бизнес-интересы, в которых преобладает земляческий региональный принцип. Текебаев считает, что криминал заинтересован в слабом или собственном президенте, поэтому он попытается оказать влияние на результаты предстоящих выборов «вплоть до выдвижения своего кандидата». Или объединится против того из них, который не связан с криминалом. В январе общественность была взбудоражена сообщениями о встрече на Иссык-Куле в новогодние дни спикера парламента Келдибекова с одним из лидеров криминального мира Камчи Кольбаевым.

«Народ настолько привык ко лжи, воровству, моральной распушенности и безнравственности власти, что даже не хочет

реагировать на происходящее, – с горечью замечает правозащитник Чолпон Джакупова. – Если при предыдущих режимах он власть ненавидел, то теперь презирает». Но при определенных обстоятельствах и умелом манипулировании эта кажущаяся пассивность может оказаться сухим хворостом для очередного народного, а то и вновь межэтнического пожара. Безвременно скончавшаяся известная исследовательница Центральной Азии Санобар Шерматова писала о причинах кровавых ошских событий в июне прошлого года: «Это была невиданная по масштабу и наглости криминальная акция, ретушированная впоследствии под международный конфликт». По мнению Шерматовой, именно действия мафиозных структур, поддержанные людьми из власти, привели к резкому разделению страны на киргизов и узбеков с последующей мобилизацией киргизского этнонационализма.

Ситуация усугубляется острым продовольственным кризисом. Неурожай 2010 г., вызванный в том числе послереволюционным хаосом, и сезонный всплеск инфляции весной привел к резкому росту цен на зерно. По данным Всемирного банка, с июня прошлого года оно подорожало на 54%. Природа киргизского «кетсинизма» лишь на первый взгляд похожа на сущность арабского бурления. Стремление к «справедливому парламентаризму» в Киргизии зачастую выглядит лишь формой, в которую коррумпированная и полукриминальная элита облакает стремление оторвать кусок властного пирога, который в бедной, практически лишенной ресурсов стране, живущей в основном за счет внешних займов, становится все тоньше и тоньше. Если такая ненасытность станет причиной новой революции – «Тюльпана-3», как ее уже называют, – Киргизия потеряет шанс стать состоявшимся единым государством, распад страны на Север и Юг станет реальностью.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., т. 9, с. 131–133.*

Марат Лаумулин,
доктор политических наук (Казахстан)
**США УКРЕПЛЯЮТ СВОИ ПОЗИЦИИ
В ТУРКМЕНИСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ**

Как отмечают западные наблюдатели, в последнее время Туркменистан стал новой ареной соперничества России и США в

ЦА: речь идет прежде всего о борьбе за выбор между конкурирующими проектами «Набукко» и Прикаспийского трубопровода. Кроме того, говорят о конкуренции в отношении подготовки военных и поставки техники; Россия продолжает попытки вовлечь Туркменистан в военные связи, например посредством его участия в Объединенной системе ПВО государств СНГ. В свою очередь, США продолжают проявлять интерес к созданию авиабаз в Туркменистане, территория которого имеет немаловажное значение для операции в Афганистане как транспортно-транзитный коридор. Расширяя сотрудничество с Туркменистаном, США руководствуются не столько своими интересами, сколько стремлением обеспечить энергетическую безопасность Европы. С этой целью американские компании, поощряемые правительством, намерены увеличить участие в разработке туркменских месторождений. В марте 2010 г. в Ашхабаде был проведен Международный бизнес-форум по проблемам добычи углеводородов в Туркменистане, что способствовало дальнейшему укреплению экономических контактов между двумя государствами.

Американские аналитики полагают, проводя параллель с Грузией, что географическое положение Туркменистана дает ему возможность «оторваться» от России в силу следующих обстоятельств. 1. Туркменистан не граничит с Россией (более того, основная часть населения сосредоточена на крайнем юге страны, т.е. на максимальном удалении от России). 2. Страна имеет границу с еще одной крупной региональной державой – Ираном. 3. Инфраструктура, соединяющая Туркменистан с Россией, проходит через два государства. 4. Россия зависит от экспорта туркменского газа (а не наоборот), что значительно осложняет ее попытки усилить свое влияние в республике.

Туркменистан сможет сыграть весьма важную роль в осуществлении американских планов по созданию новых маршрутов для поставки грузов в Афганистан в обход России. Однако переправлять грузы и личный состав по железной дороге из Турции через Грузию и Азербайджан, затем доставлять их по Каспийскому морю в туркменский порт и далее по суше – в Афганистан будет совсем не просто. Между тем Туркменистан не проявляет особого стремления к более тесным связям с США. Ситуация может измениться только в том случае, если удастся наладить личный контакт между президентами двух стран. При этом следует отметить, что новый президент Туркменистана Г. Бердымухаммедов довольно активно проявил себя во внешней политике, впервые посетив

штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где стороны договорились углублять связи в нескольких ключевых областях.

Пентагон продолжает надеяться на развитие сотрудничества с Ашхабадом. В июне 2008 г. командующий пятым флотом Центрального командования США вице-адмирал К.Дж. Косгриф и контр-адмирал У. Гортни посетили Ашхабад, где встретились с министром обороны и главой Государственной пограничной службы республики. Однако руководство Туркменистана так и не сделало никаких решительных шагов в направлении налаживания военного сотрудничества с США, так как, скорее всего, по-прежнему опасается за сохранность своей власти (в 2008 г. в связи с предполагаемой попыткой переворота прозвучало предположение о возможном западном вмешательстве).

Туркменистан представляет интерес для военного руководства США не только из-за его общей границы с Афганистаном; на территории республики неподалеку от афганской границы находятся пустующие военные объекты, которые могли бы стать потенциальной заменой базе «Манас». Однако в настоящее время Ашхабад не доверяет Западу и не заключает с ним никаких сделок. США и ЕС надеются, что при нынешнем лидере Ашхабад станет гораздо более «прозападно ориентирован» и в своей внешней политике будет развивать именно европейский вектор.

Как и прежде, главной задачей для Запада является переориентация газовых потоков из Туркменистана в сторону Европы и снижение зависимости этой республики от трубопроводов, идущих через российскую территорию. Спецпредставитель Госдепартамента США Р. Морнингстар, регулярно посещающий Ашхабад, неоднократно пытался убедить туркменского президента в важности партнерства с Вашингтоном, прежде всего, в энергетической сфере, ставя в пример энергетическое сотрудничество между США и Казахстаном. Американская сторона все время дает понять, что чем активнее туркменское руководство будет «впускать» ее компании в республику, тем интенсивнее будут развиваться политические и военные связи между двумя государствами. Афганская операция сил коалиции и опосредованное участие в ней Туркменистана (разного рода транзитные и снабженческие услуги) позволяет республике рассчитывать на расширение делового и инвестиционного партнерства с США. Туркменское руководство предложило ЕС рассмотреть вариант доставки газа из Туркменистана в Европу через Иран, используя недавно проложенный газопровод из Довлетабада, пропускная способность которого состав-

ляет 12 млрд. м³ газа в год, в обход территории Азербайджана (с ним у Туркменистана имеются серьезные противоречия касательно принадлежности ряда районов акватории Каспия), но США выступили категорически против подобного варианта.

Таджикистан. Новый виток политической активности США в Таджикистане начался после назначения в декабре 2006 г. министром иностранных дел республики бывшего посла в США Х. Зарифи, что свидетельствовало о готовности Душанбе к расширению двустороннего сотрудничества. В мае 2007 г. НАТО приняла решение увеличить транзит грузов через Таджикистан для продолжающейся военной кампании в Афганистане. При этом Россию заверили в отсутствии намерений увеличить фактическую численность контингента Североатлантического альянса в Таджикистане. В обсуждении этого вопроса принял участие представитель ЦДТО Р. Симмонс, посетивший Душанбе в мае 2007 г. В связи с расширением афганской операции Таджикистан фактически может стать главным партнером и союзником США в ЦА. Следует отметить, что в последнее время сотрудничество между Вашингтоном и Душанбе значительно активизировалось, однако таджикская сторона пока не сделала каких-либо конкретных заявлений, позволяющих Соединенным Штатам рассматривать Э. Рахмона в качестве надежного и предсказуемого партнера. К тому моменту, когда американцы дали понять, что открыты для переговоров со всеми заинтересованными странами ЦА по вопросам транзита военных и невоенных грузов, а также создания пунктов «временного базирования», таджикское руководство высказало свое явное недовольство позицией России относительно давно уже планируемого сооружения Рогунской ГЭС.

США уже давно перестали критиковать внутреннюю политику Э. Рахмона; они предпочитают выжидать, пока не станет ясно, как будут разворачиваться события вокруг афганской миссии сил коалиции. Не следует упускать из виду, что на данном этапе Таджикистан важен для США не как объект каких-либо выгодных экономических инвестиций, а как стратегический плацдарм против талибов в Афганистане. И от того, в какой форме будет развиваться взаимодействие между Вашингтоном и Душанбе, и будет зависеть, перейдет ли Таджикистан в категорию «новых партнеров» США в ЦА (включая и возможное размещение в республике военных баз). США уже оказывают Таджикистану существенную экономическую помощь; так, было построено два моста через пограничную реку Пяндж и два других моста, связавших республику с

Афганистаном. Для Таджикистана, который уже давно зажат транспортной блокадой со стороны Узбекистана, выход к берегам Индийского океана через Афганистан имеет огромное значение.

Ситуация с сотрудничеством между США и Таджикистаном в настоящее время кардинально меняется, поскольку доведение афганской операции до «логического конца» является для администрации Б. Обамы одним из внешнеполитических приоритетов. Сегодня американцы могут предложить подобное расширенное сотрудничество (в том числе создание военных баз США) любому государству ЦА. У Душанбе есть возможность обусловить свою помощь странам коалиции выгодными для себя экономическими проектами. США предложили таджикскому руководству самую разнообразную помощь, и Душанбе, располагая крайне скудными финансовыми ресурсами, не может от нее отказаться; на данном этапе общая сумма средств, выделенных Америкой республике, уже превысила 1 млрд. долл., и в принципе эта цифра в дальнейшем может быть увеличена.

У Таджикистана есть неплохой шанс предложить США разместить на своей территории как минимум пункты обслуживания войск, участвующих в операции в Афганистане, и в данном случае надо действовать оперативно. Помимо строительства новых мостов и финансовой поддержки в осуществлении дежурных программ помощи в различных сферах, от США можно было бы добиться выделения траншей на строительство и той же Рогунской ГЭС, и других гидроэнергетических объектов. Естественно, в этом случае американцы попытаются не просто выделить определенные средства, а инвестировать их в виде своих технологий и оборудования. Чтобы обезопасить себя от афганской нестабильности и реализовать проекты по сооружению энергетических объектов, Таджикистану придется принять нестандартные политические решения.

После «расцвета» финансового кризиса и смены администрации в Белом доме США попытались прозондировать возможность дальнейшего усиления своего влияния в регионе ЦА. Это было связано с расширением военной операции в Афганистане. В середине ноября 2008 г. Душанбе посетил представитель Госдепартамента США Дж. Крол. На встрече с президентом Таджикистана он заявил, что смена американской администрации никоим образом не повлияет на политику Вашингтона в отношении ЦА, имеющей чрезвычайное значение для стабильности всего азиатского континента; Дж. Крол заверил Э. Рахмона, что, несмотря на

мировой кризис, объемы финансовой помощи государствам региона не уменьшатся. Положительно расцениваются меры президента Э. Рахмона по обеспечению стабильности в республике: наделение службы безопасности особыми полномочиями для противодействия исламским фундаменталистам и принятие репрессивных мер в отношении инструкторов подпольных медресе, подозреваемых в прозелитизме.

Следует отметить, что республика считает себя одним из самых верных союзников России: Таджикистан никогда не размещал на своей территории американских военных баз и не форсировал военное сотрудничество с НАТО, а все предложения о сотрудничестве направляются в первую очередь Москве. Кроме того, Россия имеет хорошие шансы на победу в соперничестве за военное влияние в Таджикистане; она имеет две военные базы на территории республики, а также осуществляет вооружение и обучение таджикских военных.

В то же время, по оценкам некоторых экспертов, Таджикистан считается наиболее прозападным государством региона, несмотря на попытки Москвы оказать давление на Э. Рахмона. Отношения с Россией по-прежнему остаются одним из приоритетов внешней политики Таджикистана. Однако обе стороны прекрасно понимают, что Россия далеко не всегда экономически заинтересована в осуществлении тех или иных совместных проектов или не обладает достаточными финансовыми ресурсами для их осуществления. Подобная ситуация может перевесить чашу весов в пользу США и Китая с его миллиардными инвестициями и превратить Россию всего лишь в одного из региональных игроков.

В начале февраля 2010 г. в Вашингтоне состоялись двусторонние политические консультации между Таджикистаном и США, в ходе которых планировалось рассмотреть вопросы о политико-экономической ситуации в регионе, реализации водно-энергетических и транспортных проектов, а также ситуации в Афганистане. Таджикские власти готовы предложить США инвестиционное участие в различных отраслях экономики страны, прежде всего в энергетике; в Душанбе прекрасно понимают, что заокеанских партнеров можно заинтересовать теми проектами, которые так или иначе связаны с Афганистаном. По мнению экспертов, происходит плавный разворот Таджикистана в сторону США: не дождавшись помощи от Москвы, в Душанбе обратили взоры на Вашингтон.

По мнению ряда аналитиков, в условиях тяжелой экономической ситуации у президента Рахмона остается все меньше возможностей удерживать контроль над страной; Душанбе волнует лишь один вопрос: откуда можно получить деньги. Сегодня основными источниками необходимой республике финансовой помощи являются США и Китай (он, в отличие от США, заинтересован лишь в получении экономической выгоды, без политической составляющей); Россия самоустранилась, а ЕС выделяет небольшие кредиты и гранты, которые не могут оказать существенного влияния на внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в стране. США в Таджикистане «работают» по традиционной схеме: выделяются гранты на развитие институтов гражданского общества, проведение реформ структуры самоуправления и поддержку общественной деятельности политиков. Кроме того, республика получает средства на охрану и оснащение границы, а также на борьбу с наркотрафиком; однако размеры выделяемых сумм свидетельствуют о том, что это не что иное, как скрытая форма «подкормки» чиновников.

Охлаждение во взаимоотношениях между Таджикистаном и Россией вполне устраивает Вашингтон, однако США не готовы оказывать Душанбе масштабную помощь. Американская администрация, для которой стратегическая ценность республики состоит в ее соседстве с Афганистаном, озабочена сближением Душанбе с Ираном, а также усилением влияния и экономического присутствия Китая в Таджикистане. Развитие военного сотрудничества Таджикистана с США включает несколько аспектов, один из которых – создание неподалеку от Душанбе тренировочного лагеря для подготовки таджикских военных, которые пока проходят подготовку в российских военных центрах. С момента денонсации договора между Киргизстаном и США по авиабазе «Манас» Вашингтон рассматривает аэродром Айни (он был модернизирован при участии специалистов Министерства обороны Индии) как альтернативную площадку. Кроме того, администрация Белого дома считает открытым вопрос о возможной военной операции США против Ирана. Таким образом, США будут и дальше предлагать Таджикистану либо эксклюзивную аренду аэродрома Айни, либо его совместное использование. Одновременно будут решаться вопросы о финансировании целого ряда проектов в области энергетики и транспорта на территории республики, в том числе и тех, в которые сегодня инвестирует Китай. Следует отметить, что именно на этот аспект возможной помощи со стороны США рассчиты-

вает таджикское руководство. До тех пор, пока не завершится афганская кампания, американцы будут усиливать свое присутствие и в Таджикистане.

*«Центральная Азия и Кавказ»,
Лулео (Швеция), 2010 г., т. 13, вып. 4, с. 56–60.*

Алишер Файзуллаев,
публицист
**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ**

Разнообразие национальных традиций безгранично, и подавляющее большинство из них имеют свой глубокий социальный смысл. Незнание традиций других народов может привести в лучшем случае к курьезам, в худшем – к нанесению серьезной обиды. Поэтому знакомиться с чужими обычаями весьма полезно, не говоря уж о том, что это на редкость интересно. Знаменитое и любимое национальное блюдо узбеков – это плов. Если у французов имеются сотни сортов сыра, у бельгийцев – пива, то у узбеков – примерно столько же разновидностей плова. Точного количества не знает никто, поскольку каждый регион Узбекистана, а то и город, даже район, имеют свои особенности приготовления легендарного блюда. Пожалуй, самыми известными считаются бухарский, самаркандский, ташкентский, ферганский и хорезмский пловы, хотя и каждый из них имеет свои вариации.

Аспекты

Плов – не просто вкуснейшая и милая сердцу каждого жителя нашей страны еда. Процедура угощения большого количества людей специально приготовленным пловом – так называемый «утренний плов» – элемент национальной традиции, составная часть свадебного обряда и других семейных торжеств, а также поминальных церемоний. Утренний плов устраивают во многих регионах нашей страны, и наряду с общими моментами в нем есть много специфических особенностей, присущих конкретной местности. Утренний плов имеет многовековую историю, и его исконное предназначение – благотворительность («эхсон»): в связи с тем или иным событием организаторы, исходя из благородных побуж-

дений, «дают» или «раздают» плов («ош бериш», «ош таркатиш»). Таково духовно-моральное предназначение утреннего плова, и эту цель в первую очередь традиционно должен преследовать человек, устраивая «мероприятие» в связи с рождением или свадьбой ребенка, поминовением усопшего близкого или по другим значимым поводам.

Утренний плов имеет также культурный и социальный аспекты. Культурный связан с традициями и нормами поведения, принятыми в обществе. В этом смысле он выступает как элемент культурного самовыражения, культивирования определенных ценностей, сохранения традиций и норм поведения. Ритуалы и традиции являются коллективными инструментами демонстрации и закрепления культурной самобытности народа. У узбеков плов давно утвердился в качестве ритуальной трапезы на свадьбах и поминках. Обрядовый прием пищи оказывает большое эмоциональное воздействие на людей, влияя тем самым на их ощущение национальной идентичности, приверженность традиционным ценностям, мировосприятию и поведению. Социальный аспект утреннего плова касается прежде всего отношений между людьми. Тесные социальные связи – характерная особенность нашей жизни. У нас принято делать дела и решать проблемы сообща; благополучие, карьера, судьба человека, его положение в обществе в немалой степени зависят от структуры и эффективности его социальных связей. В этом контексте и утренний плов можно рассматривать как определенный компонент регулирования социальных отношений, особый способ общественного взаимодействия людей и даже как форму самоутверждения семьи или отдельных личностей. Под таким углом зрения на первый план выдвигается именно социальное взаимодействие, происходящее в рамках утреннего плова. Хотя, конечно, все три функции – духовно-моральная, культурная и социальная – тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Социальная психология и символизм

Узбекский народ славится своим гостеприимством, многие семейства относятся к свадьбам и пышным торжествам как к «орзу-хавас» – для них это определенное «социальное мечтание». Вместе с тем, неоднократно посещая утренний плов, люди воспринимают подобное гостеприимство и как некое социальное добро, которое надо возратить обществу. Иными словами, в соци-

альном отношении утренний плов может выступить как бы в двух ипостасях: желанное событие и долг, обязательство. Важная практическая функция утреннего плова – сбор организатором события своих родственников, друзей и коллег, способствующий их сплочению. Известно, что совместная трапеза служит психологическому сближению людей, укреплению их социальных и межличностных отношений. Утренний плов нередко дает возможность повидать тех, с кем иначе встретиться трудно. В этом отношении его можно воспринимать и как некую площадку для делового общения, где люди могут вкратце обсудить дела. Утренний плов – прекрасное коммуникативное поле для тех, кто любит бывать среди людей, показать себя и на других посмотреть, пообщаться со знакомыми и незнакомыми.

Утренний плов исполнен символики, имеет столь много неписанных законов и скрытых кодов, что неискушенные наблюдатели могут просто не заметить их. Восток, как известно, дело тонкое, и здесь, особенно в контексте фундаментальной важности системы социальных связей, имеют значение все малейшие нюансы поведения и взаимоотношения людей. Кто встречает гостей? Кто с кем приходит? Кто с кем заходит в помещение? Кого куда усаживают? Кто обслуживает гостей? Кто выступает главным диспетчером для обслуживающих и помогающих разносить ляганы с пловом, чай и хлеб? Все эти и другие детали о многом говорят посвященному. Утренний плов демонстрирует, в какие именно социальные сети включен человек, позволяет проверить состояние этих социальных сетей, выявить и показать другим их главные элементы, а также поддержать и расширить систему межличностных связей. Участвуя в утреннем плове, люди узнают, кто в какие социальные сети входит, а это необходимо для ориентации и функционирования в социуме как сложнейшей системе человеческих связей и отношений. Утренний плов служит и индикатором социального статуса как хозяев, так и гостей. По нему судят о связях и материальных возможностях устроителей. Появление на утреннем плове большого количества людей, а также лиц с высоким социальным положением прибавляет хозяину веса в обществе.

Большой и хорошо организованный утренний плов со множеством гостей приносит ему «обру», т.е. общественное уважение, признание, повышает статус. Определенные социальные дивиденды могут получить и гости. Порой можно услышать, как один человек хвалится другому, что был на утреннем плове у какого-нибудь известного лица. В порыве тщеславия иной может даже

заявить, что «сегодня утром ел плов с самим Эшматом Эшматовичем Эшматовым!», хотя некий знаменитый Эшматов, возможно, лишь сидел за соседним столом. Или человек как бы невзначай говорит своему знакомому: «Что-то вас сегодня не было видно на утреннем плове у Тошмат-ака...» Эта вполне безобидная на первый взгляд фраза может на самом деле означать банальную попытку поднять собственную значимость и снизить значимость собеседника. Ох уж эти маленькие человеческие слабости... Определенные индикаторы свидетельствуют об успехе утреннего плова: где проходило мероприятие, сколько людей пришло, сколько риса было положено в казан, какой это был рис, кто из известных людей явился, кто встречал гостей, что кроме плова было на столе, какие певцы и музыканты обслуживали застолье, остался ли плов после гостей, кто из прославленных поваров приготовил плов – эти и другие моменты имеют значение с точки зрения «обру». Есть немало людей, которые прямо или косвенно обращают внимание на подобные детали и открыто или намеками обсуждают, смакуют их.

Имеются и определенные социальные ожидания по поводу того, как тот или иной человек, в соответствии со своими материальными возможностями и общественным положением, может и должен организовать утренний плов. Более того, нередко сам хозяин выстраивает свое поведение, не исходя из собственных реальных расчетов и возможностей, а в соответствии с этими общественными ожиданиями – например, заказать плов из 150 или более килограммов риса только потому, что люди ожидают от него именно такого поступка. Бывает, какой-нибудь Эшмат Эшматович Эшматов не хочет выглядеть в глазах общества менее уважаемым и популярным человеком, чем некий ТошматТошматович Тошматов. Увы, реальность может возобладать над амбициями, и в итоге хозяин порой остается с излишним, невостребованным пловом, что означает для него не только материальный, но и моральный ущерб. Получается, попросту говоря, расточительство.

Согласно неписаному закону утреннего плова, большой остаток плова в казане – минус для имиджа организатора. А когда плова приготовлено много и тем не менее его не хватило, это значит, что хозяин – уважаемый человек со множеством социальных связей в лице друзей и знакомых. Повар на раздаче, чувствуя возможную нехватку плова, начинает применять маленькие хитрости. Кладя плов в ляган, он делает так, чтобы уменьшенная порция выглядела обычной. Хотя для приготовления большого казана плова требуется почти целая ночь, иной раз, когда это нужно, по-

вара-мастера могут явить чудо, сотворив требуемое за очень короткое время с использованием экспресс-технологий – сила социальных отношений превыше всего. Фундаментальное значение имеет качество самого плова: не дай бог, если он получится недостаточно вкусным! Для хозяина это сродни потере лица, публичному унижению. Поэтому повара, которые специализируются на утреннем плове, – всегда хорошо оплачиваемые, искусные, известные и уважаемые люди. Не зря их называют «уста» – мастер.

Весьма важно качество чая и лепешек, подаваемых во время утреннего плова. По мнению знатоков, плов лучше идет с зеленым чаем. Многие так и делают, особенно в жаркие дни, но в Ташкенте традиционно потребляют и черный чай. Лучшая лепешка – не просто свежая, но горячая. Кроме традиционной лепешки («епган нон») на столе могут быть и другие местные разновидности хлеба («патир», «ширмой нон», «жиззали нон», «гуштли нон»). Собственно говоря, плов, чай и лепешка образуют самую важную гастрономическую составляющую утреннего плова. Но и другие элементы угощения также играют роль, демонстрируя гостеприимство и возможности хозяина. Например, сахар, кишмиш и халва традиционно символизируют добрые чаяния и надежды. Свежие фрукты, будучи хорошим десертом, призваны еще и украсить стол. Вместе с тем, по мнению некоторых наблюдателей, плов как весьма калорийное блюдо особо не нуждается в том, чтобы к нему подавали другие угощения типа самсы, салатов, фисташек, миндаля, пирожных, шоколада, конфет и тому подобного. Получается, что богатый стол на утреннем плове призван не насытить гостей, а, скорее, усилить социальный эффект мероприятия. Попросту говоря, многие дополнительные разновидности угощения фактически нужны лишь для того, чтобы произвести впечатление на присутствующих. Однако постепенно они становятся своеобразным показателем престижа ритуального угощения.

При входе в здание, где накрыт дастархан, гости обычно здороваются со встречающими на некотором расстоянии, а вот при прощании, как правило, подходят близко, жмут руку главным принимающим и имеют возможность коротко пообщаться. Утренний плов – сфера восточной тонкости, чуткости, вежливости, знаков внимания и почтения. Кроме произносимых слов большое значение имеют невербальные знаки: поза, выражение лица, движения, жесты, интонация голоса... Одежда, походка, осанка каждого участника действия может многое рассказать о его личности, характере, душевном и физическом состоянии – благо пло-

щадка утреннего плова дает отличную возможность для этого. Многие гости, проснувшись незадолго до визита, еще не успевают надеть на себя необходимые маски, поэтому оказываются более незащищенными, «читаемыми» другими, чем обычно. Помню, один мой приятель, увидев, как издали приближается наш старый знакомый, заметил, что у того изменилась походка. «Наверное, или получил новое назначение, или стал сватом большого человека», – предположил он и, как мы узнали впоследствии, не ошибся. Одна из замечательных особенностей утреннего плова – это мобильность его участников. Сам процесс принятия пищи за столом является лишь частью церемонии. После еды у гостя появляется возможность для социальных маневров: можно сразу уйти, можно остаться и стоять на одном месте, а можно двигаться, подходить к нужным людям и общаться с ними или избегать тех, с кем не хотелось бы встретиться. Мобильностью обладают и хозяева. Словом, и у тех, и у других есть возможность показать себя и пообщаться именно с теми, с кем нужно или хочется.

Организация

Организация утреннего плова требует учета многих факторов и координации всех, кто принимает участие в подготовке и проведении торжества. Даже музыка и пение (на свадебном утреннем плове) должны гармонировать с духом происходящего, создавая атмосферу приподнятости и причастности к некоему сакральному групповому действию. В этом смысле особо ценятся певцы, способные исполнять старинные песни, что требует высокого мастерства. После того как все согласовано и приготовлено, начинается непосредственная встреча гостей. Здесь работает тот же закон социальных связей: чем больше встречающих, чем выше их общественный статус, тем больше это означает «обру» для гостей, а тем самым и для самого мероприятия в целом. Встречающие лица («хасса-кашлар»), стоя в один или два ряда, со всей торжественностью и уважением приветствуют вновь прибывающих. Они своим видом, позой, жестами подчеркивают значимость гостей, благодарят их за посещение, нередко выражают надежду иметь возможность вернуть «долг» по какому-нибудь радостному случаю в семье гостя («яхши кундарда кайтарайлик»). Кроме самого хозяина и членов его семьи среди встречающих обычно бывают родственники, друзья и сослуживцы. Вокруг основного организатора располагаются самые близкие. Неписанный закон поощряет включение в

число встречающих людей с высоким социальным статусом, а тем, кто по тем или иным причинам не пользуется особым общественным уважением, лучше стоять позади или в сторонке. Быть среди хассакашов – дело почетное и ответственное. Человек, обладающий высоким общественным положением и приветствующий гостей, оказывает большую честь хозяину, услугу всем участникам и придает значимость всему мероприятию.

Утренний плов может быть организован как ранним утром, на восходе солнца («нахорги ош»), так и позже, но не позднее обеденного времени. В последние годы чаще всего начинают в семь или одиннадцать утра. Но классическое время начала утреннего плова – после завершения «бомдод-намаза», т.е. утренней молитвы, совершаемой до восхода солнца. Многие жалуются на неудобство слишком раннего утреннего плова, но мало кто игнорирует приглашение: это означало бы нарушить традиции, выступить против требований общества и изолировать себя от него. Если ты не идешь на утренний плов, то и другие могут проигнорировать твое приглашение – а это очень нежелательно с точки зрения общественного резонанса.

Один из самых сложных, трудоемких и тонких моментов организации утреннего плова – приглашение гостей. Наша культура относится к разряду так называемых «культур высокого контекста»: в ней большое значение имеет не просто то, что люди говорят и делают, а то, как они говорят и делают. Это в полной мере относится и к приглашению на утренний плов: очень важно, каким образом приглашают того или иного человека. Одно дело, когда организатор приглашает гостя персонально, специально придя к нему в дом или на работу. Другое дело, когда письменное или устное приглашение передается через кого-то. Организаторы должны четко отдавать себе отчет в том, кого необходимо пригласить лично, а кого можно и через посредника. Для успеха мероприятия желательно как можно больше людей пригласить лично. Есть важные лица, которых и думать нельзя приглашать через третьих лиц. В свою очередь, личное приглашение ко многому обязывает, и обычно тот, кто удостоился такой чести, старается сделать все возможное, чтобы присутствовать на утреннем плове. Если по какой-то причине ему все же не удастся это сделать, он, по правилу, должен принести извинения.

Особые организационные детали свойственны утреннему плову, проводимому в махаллях – компактно проживающих общинах. Обычно в каждой махалле есть один или несколько чело-

век, которые помогают общине организованно проводить утренние пловы. От имени махалли нескольким соседним махаллям посылают записки с приглашением принять участие в утреннем плове и с указанием количества приглашенных. Такую организацию торжества практикуют не только махалли, но и отдельные улицы в составе одной махалли. Типичная картина: махаллинский или уличный организатор, пытаясь собрать нужное количество людей, ранним утром начинает стучать во все окна подряд. Через некоторое время проснувшиеся собираются на улице. Порой возникают и курьезные случаи, когда человек, посетивший утренний плов, даже после его окончания толком не знает, у кого и по какому случаю гостил. Но такая практика организации встречается все реже.

Свадебный утренний плов, проходящий на заре, может предваряться так называемым «сабзи-туграр» (в буквальном переводе: «резанием моркови») – мероприятием, которое хозяин проводит накануне вечером. На него собираются его близкие родственники и друзья, некоторые из них могут принести хозяину по случаю торжества «туйона» – подарок или деньги. Раньше, помнится, собравшиеся во главе с аксакалами действительно чистили и шинковали морковь для утреннего плова, после чего всех приглашали за стол для довольно скромного ужина. Но в наши дни редко можно видеть картину подобного коллективного кухонного труда, и «сабзи-туграр» обычно превращается просто в праздничный ужин для друзей, родственников и сослуживцев. Тем более что на свадебный вечер всех не пригласишь.

Утренний плов традиционно посещают только мужчины, но в последнее время в числе гостей обеденного мероприятия в честь юбилея порой бывают и представительницы прекрасного пола. Однако они не встречают гостей у парадного входа, не обслуживают их, сидят отдельно, лишний раз не мозоля глаза участникам мероприятия. Трудно сказать, каким окажется гендерный аспект утреннего плова в будущем.

Помимо традиционного утреннего плова, на который гости приходят и с которого уходят по своему усмотрению в пределах определенного отрезка времени (в течение примерно полутора-двух часов), организуются и так называемые «акика» (угощение родственников и друзей в связи с рождением в семье ребенка) или «амри-маъруф» (угощение по случаю поминок, которое имеет и религиозный оттенок), куда приглашается ограниченное количество людей к строго определенному времени и окончание которого ожидается в пределах приблизительно одного часа. «Акика» и

«амри-маъруф» предполагают публичную речь назидательного свойства, обычно произносимую духовным лицом или известным набожным человеком. В таких формах организации утреннего плова все гости одновременно сидят за столом.

Раньше утренний плов устраивали во дворе, на улице или на площадке возле дома. Сейчас в Ташкенте построено много специальных помещений – «туйхона» – для проведения утреннего плова, свадеб и других торжеств. Это стало весьма процветающим бизнесом, количество «туйхона» в городе стремительно растет. Но и спрос на них продолжает увеличиваться, поэтому в свадебный сезон «туйхона» приходится резервировать задолго до мероприятия. В последнее время стали уделять серьезное внимание архитектурному облику, внутреннему дизайну и убранству таких сооружений. В зависимости от местоположения, архитектурных достоинств и репутации существует неофициальный рейтинг «туйхона»: не слишком престижные, престижные и особо престижные. Последние – настоящие дворцы. Это тоже свидетельство важности социального аспекта утреннего плова.

Ритуалы

Культура Востока поощряет групповую сплоченность и лояльность, поэтому многие люди заранее договариваются встретиться в определенное время поблизости от места проведения плова или же ждут группу, к которой можно присоединиться. Если это плов в честь свадьбы, даваемый, скажем, стороной невесты, то отдельной группой в заранее обговоренное время приходит сторона жениха. Такую группу усаживают на особо почетное выделенное место и обслуживают по высшему разряду. Группу всегда возглавляет человек с особым статусом. Как правило, это самый старший по возрасту человек. В нашей культуре, как и во многих других, должность человека в немалой степени определяет его социальный статус, но в церемонии встречи гостей при их вхождении в зал приоритет отдается возрасту. Человек, даже занимающий более высокую должность, следует за старшим по возрасту, независимо от должности последнего. Молодые люди везде и во всем стараются выказать почтение старшим. Поскольку один ляган плова бывает рассчитан на двух гостей, то принято, чтобы мясо в нем измельчали молодые – это своего рода услуга старшим. Чай тоже наливают те, кто помоложе. Не принято вставать из-за стола, пока все не закончат трапезу. С особо невозмутимым терпением

люди ждут, пока пожилой человек, порой весьма неторопливо, доедает плов.

Столы во время утреннего плова предпочтительно застилать белыми скатертями. Обычно за каждым столом сидит по 10–12 человек. Прежде чем принести плов, гостям подают горячий чай и свежие лепешки. Чайники приносят и после плова. Люди, собравшиеся за одним столом, образуют целостную мини-ячейку утреннего плова как социального действия. Все, что происходит за столом, должно быть скоординировано: начинать и заканчивать трапезу следует одновременно. В этом помогает главный мастер церемонии, или «диспетчер», отвечающий за конкретный стол. Он же, как правило, регулирует ритуальные благодарения, благословения виновников торжества или поминовения усопших («фоти-ха»). На поминальном плове принято читать суру из Корана («тиловат»); это может делать для всего зала специально приглашенный человек или кто-то из гостей. Остальные присоединяются к обряду. Повышенное внимание хозяев к гостям, занимающим видное положение в обществе в силу прежде всего своих должностей, может выражаться в том, что нередко им отводят специальное помещение и обслуживают с особым почетом. Подобное ранжирование, конечно, не может не вызывать критики в определенных кругах современного общества, но традиция живет.

Совершая различного рода ритуальные действия, многие люди сами не вполне осознают или вовсе не осознают их смысл. Между тем ритуалы и обряды, в том числе на утреннем плове, такой смысл имеют – в частности он состоит в закреплении и культивировании определенных социальных отношений.

Менеджмент

Встретить и накормить в течение часа-полутора несколько сотен мужчин – дело весьма непростое. При этом надо угодить гостям, оказать каждому знаки внимания, перекинуться со многими из них подобающими словами. Это означает, что утренний плов требует искусства управления. Утренний плов – настоящая сфера менеджмента: ведь он состоит из множества компонентов, которые надо координировать. Человек, который выступает мастером церемонии, должен быть лицом опытным, знающим людей и тонкости их взаимоотношений. Как уже говорилось, одна из главных его функций – рассадка гостей. Но и в процессе торжества он

не должен оставлять их без внимания: вовремя организовать подачу плова и сбор пустых ляганов, заметить нехватку хлеба, чая, столовых приборов – словом, бдительно следить за всем. На многолюдных утренних пловах может быть несколько диспетчеров, помогающих главному мастеру церемонии.

Обслуживающие утренний плов люди, среди которых обычно много молодых – друзья, родственники и коллеги хозяев, – действуют как единая команда. Как правило, эта команда добровольцев быстро и четко выполняет свои обязанности, ее члены должны быть способны реагировать на создавшуюся ситуацию спонтанно, без внешнего управления. Обслуживающая команда – саморегулирующаяся система: она может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от необходимости, быстро переключать внимание, двигаться по залу организованно или разрозненно. Внутри команды также случаются удивительные проявления искусства менеджмента: когда требует ситуация, ее члены могут выполнять специфические функции. Например, кто-то отвечает за сбор пустых чайников, а кто-то занимается обеспечением столов лепешками, но, если возникает необходимость, все могут сосредоточиться на одном – скажем, на раздаче ляганов с пловом по цепочке. В момент максимального наплыва гостей нагрузка на обслуживающих резко возрастает. В это время особенно важно максимально быстро привести столы в порядок для приема новых гостей.

Сторонники и критики традиций

Итак, утренний плов – это социальное действо, в котором принимают участие многочисленные «игроки», своего рода общественный театр, где у каждого – своя социальная роль. Определенные роли играют даже наблюдатели. Порой в этом почти театральном социальном взаимодействии вырисовываются элементы ярмарки тщеславия.

Критики традиций утреннего плова справедливо говорят о неудобстве раннего вставания и излишестве плотной еды (это имело больше смысла раньше, когда люди, поев на восходе солнца, затем уходили на весь день работать в поле), о слишком больших расходах, связанных с угощением сотен людей. Чтобы организовать подобное мероприятие, порой приходится залезать в долги. Есть люди, которые испытывают дискомфорт от того, что приходится есть из одного лягана с оказавшимся рядом незнакомым человеком, а также в связи с тем, что иногда мясо приходится

разделять руками. Указывают и на некоторые другие неудобства и недостатки утреннего плова. Однако все попытки сделать утренние пловы более компактными и менее затратными пока не увенчались успехом. Более того, наблюдается тенденция к росту размаха утреннего плова, что, совершенно очевидно, не отвечает интересам людей со скромным достатком.

Сторонники утреннего плова противопоставляют критикам свои аргументы, отмечая, что он есть проявление благотворительности, подчеркивают его полезные социальные функции, прежде всего функцию сохранения национальных культурных традиций. Несмотря на большие расходы, подобная форма социального взаимодействия представляет собой все же более удобный и культурно приемлемый механизм сочетания гостеприимства, социализации и благотворительности, чем организация больших ужинов или других культурных и развлекательных мероприятий.

Так, утренний плов, будучи культурным феноменом, элементом национальных традиций – это могучее социальное действо, не только доставляющее гастрономическое наслаждение, но и имеющее глубокие социально-символические смыслы.

Ташкент, 2011.

«Дружба народов», М., 2011 г., № 7, с. 155–163.

Дина Малышева,

востоковед

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ И ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

До середины 1990-х годов в духовной и культурной сферах народов Центральной Азии (ЦА) привилегированное положение занимала – в прошлом зачастую насильственно насаждавшаяся – российско-советская цивилизационная традиция. Во многом благодаря ей народы региона вобрали в свою культуру многие элементы европейской цивилизации, так что к началу 1990-х годов Советская Средняя Азия и Казахстан радикально отличались от своих соседей из мусульманского мира, обогнав их по уровню миропонимания, образования, развития политических процессов и мировоззрения. Не случайно же ОБСЕ – организация, объединяющая европейские страны, включила в свой состав новые независимые государства ЦА, как бы признавая авансом их сопричастность

к европейской цивилизации, что было подтверждено решением (давшимся, правда, «старейшинам» ОБСЕ очень нелегко) доверить в 2010 г. Казахстану председательство в этой организации.

Роспуск 8 декабря 1991 г. Советского Союза и подписание президентами России, Белоруссии и Украины Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (к нему 21 декабря после принятия в Алма-Ате Декларации о целях и принципах СНГ присоединились – за вычетом Прибалтики и Грузии, ставшей действительным членом СНГ только в 1993 г., – все остальные союзные республики упраздненного СССР) кардинальным образом изменили ситуацию в ЦА. Негативные аспекты социализации народов региона после обретения ими в общем-то «дарованной сверху» независимости (идея национального самоопределения не нашла в ЦА столь же массовой поддержки, какая наблюдалась в советских республиках Прибалтики или Закавказья) усугубились. В результате центральноазиатские республики, как и большинство государств, сформировавшихся на обломках СССР, приблизились по многим показателям к странам так называемого Третьего мира.

Исламская парадигма не стала, однако, определяющей в развитии этих государств, несмотря на то, что в Узбекистане и Таджикистане, например, ислам громко заявил о себе как о политической силе. Но и в Узбекистане, и в Таджикистане, и в остальных центральноазиатских государствах приоритет был отдан развитию относительно светской и современной культуры, и местные власти – пусть не всегда демократическими методами – противостоят угрозе зарубежного влияния и агрессии исламистов.

Со второй половины 1990-х годов российско-советская цивилизационная традиция постепенно сдает свои позиции, ее место занимают другие соперничающие внешнеполитические и культурные тенденции. Все 1990-е годы Центральная Азия как бы примеряла на себя турецкую, китайскую, корейскую и иные модели. Одновременно страны региона постепенно вырабатывали собственные экономические и политические приоритеты, вели поиски новых партнеров и союзников. То есть, став полноправными участниками СНГ, развивающиеся государства Центральной Азии не замкнули свои интересы на этой объединяющей бывшие советские республики структуре. Они стали искать другие варианты объединения, как на субрегиональном уровне, так и по линии налаживания партнерских отношений с сопредельными странами мусульманского Востока.

Однако российский фактор по-прежнему присутствует в процессах формирования внешней политики центральноазиатских государств. Тем более что отношения России с ними не могут быть перенесены в одночасье в разряд чисто межгосударственных: помимо человеческих контактов их продолжают связывать совместные экономические, политические и военные интересы.

Для самой России государства Центральной Азии остаются важной, если не приоритетной зоной ее геополитических интересов, от стабильности которой зависит национальная безопасность России. Она заинтересована в сохранении и поддержании экономических связей с регионами, где находятся жизненно важные для нее коммуникации и коммуникационные объекты (например, Байконур), ископаемые ресурсы, стратегическое сырье, маршруты прохождения нефте- и газомагистралей. Кроме того, России важно упрочить в Центральной Азии свои стратегические позиции, так как это облегчит ей доступ в Китай, Индию, страны мусульманского Востока и одновременно позволит сохранить контроль над территориями, традиционно являющимися сферой ее жизненных интересов. Будучи многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, Россия придает большое значение сохранению в Центральной Азии исторически сложившейся – в том числе благодаря присутствию здесь России (как в имперские, так и в советские времена) – традиции секулярности политической власти и политических режимов. Стратегически важной и для Москвы, и для государств Центральной Азии остается необходимость противодействия радикальным религиозно-политическим движениям, базирующимся в Афганистане, а также стоящим за ними неправительственным силам в Пакистане и арабских государствах Персидского залива.

Россия, несмотря на сужение с начала XXI в. сферы ее влияния в Центральной Азии, стремится сохранить здесь свои позиции, и в известной мере в последние годы она преуспела в этом: уровень политических и экономических контактов каждой из центральноазиатских стран с Россией заметно выше уровня внутрирегионального сотрудничества. Пожалуй, самыми результативными являются российские усилия в энергетической сфере. России удалось сохранить лидирующее положение в газовой отрасли, убедив Казахстан и Туркменистан присоединиться к «своему» Прикаспийскому проекту и на время отложить их участие в лоббируемом ЕС и США Транскаспийском газовом консорциуме («Набукко»). Россия сохранила проект Каспийского трубопроводного консор-

циума, занимающегося транзитом через российскую территорию казахстанской нефти. В то же время Евросоюз и США, а также их региональные союзники – Турция, Грузия, Азербайджан и примкнувший к ним Казахстан достроили крупный нефтепроводный проект Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), который, правда, до сих пор остается недогруженным. Еще одному появившемуся на центральноазиатской сцене игроку – Китаю удалось реализовать проект по строительству нефтепровода с территории Казахстана и начать работу над аналогичным газовым проектом.

Наряду с Россией, а также Китаем, США и Евросоюзом в Центральной Азии давно существуют мусульманские государства регионального значения – Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, имеющие особые, исторически обусловленные отношения с регионом.

1. Турция исторически связана с тюркоязычными странами региона, она традиционно являлась для них примером успешного функционирования светской политической системы с элементами демократии западного типа. Не удивительно, что модель турецкого государства, сумевшего осуществить глубокие политические и экономические реформы в условиях доминирования в местном обществе приверженцев ислама, имеет в ЦА множество приверженцев. Сразу же после распада Советского Союза Анкара выдвинула идею более тесной интеграции тюркоязычных государств, делая упор при этом на культурно-этническую общность с тюркскими народами региона и пытаясь параллельно занять лидирующее положение на местном рынке. В то время как в западных столицах этот турецкий курс по отношению к ЦА восприняли весьма благосклонно, в Москве и Тегеране к нему отнеслись более чем прохладно. Надо сказать, что и сами центральноазиатские государства вовсе не горели желанием обрести в лице Турции нового Большого брата, предпочитая проводить сбалансированную и по возможности равноудаленную от мировых и региональных «центров силы» политику, поскольку только она и позволяла им беспрепятственно распоряжаться собственными ресурсами, развивать собственную идентичность.

Исходя из признания того объективного факта, что центральноазиатские республики взаимосвязаны с Россией, зависят от нее, Турция не стремится реализовывать здесь крупномасштабные проекты. Она считает предпочтительнее для себя продвигать менее интенсивные коммерческие, культурные и образовательные программы, постепенно укреплять влияние и завязывать персо-

нальные контакты. В 2000-е годы Турция вновь обратилась к идее создания Содружества тюркоязычных государств: о нем речь шла, в частности, 18 сентября 2006 г. в Анталье на 10-м съезде тюркоязычных государств и народов, в котором приняли участие казахстанский, киргизский и азербайджанский президенты.

Горячим сторонником объединения тюркоязычных стран оказался президент Н. Назарбаев, отметивший, что тюркские государства имеют уникальную возможность извлечь из своего географического расположения и транзитного потенциала возможности для более тесной экономической интеграции. Назарбаев предложил также создать Межпарламентскую ассамблею тюркоязычных государств и Совет аксакалов, куда были бы включены самые известные деятели тюркоязычного мира – в их числе бывший президент Турции Сулейман Демирель. Подобная позиция казахстанского лидера объясняется его желанием играть большую роль в международных делах, а также расчетом на поддержку этих его амбиций со стороны турецкого руководства, относящегося весьма благосклонно и к продвижению Казахстана на пост председателя ОБСЕ, и к вступлению этой центральноазиатской страны во Всемирную торговую организацию.

Не отстают от Казахстана Киргизия с Туркменистаном. Что касается последнего, то он претендует на особые связи с Турцией. Известно, что Мустафа Кемаль Ататюрк – «отец всех турок» был изначально выбран в качестве примера покойным президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым, которому с 1993 г. было присвоено звание «отца всех туркмен» (Туркменбаши). По его указанию алфавит был переведен на латиницу в ее турецком варианте, и инвестиции привлекались именно из Турции. Там же в основном готовились кадры для молодого туркменского государства. Однако затем турецко-туркменистанские отношения подверглись серьезным испытаниям: большое количество турецких школ и лицеев были закрыты, а турецкие преподаватели, обвиненные в распространении идеологии пантюркизма, были высланы из страны. Ныне Турция пытается восстановить в Туркменистане свое влияние, делая основной упор на экономическое взаимодействие – в первую очередь в области добычи и транспортировки энергоресурсов. В частности, на обсуждение возможности строительства газопровода Туркменистан–Иран–Турция был нацелен визит в Ашхабад 3 октября 2008 г. премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, заявившего также, что центральноазиатское на-

правление становится одним из самых приоритетных в турецкой внешней политике.

В целом же признание неоспоримых успехов турецкой «светской демократии», относительная устойчивость которой помогла Турции в 1990-е годы занять свою собственную нишу в глобализирующейся мировой системе, вовсе не означает, что эта ближневосточная страна имеет шанс стать региональным лидером в Центральной Азии. Да и свое время Турция в известном смысле уже упустила.

На протяжении 1990-х годов Анкара была занята подготовкой своего приема в члены ЕС, и на этом фоне отношения с центральноазиатскими странами не были для Турции приоритетными. Но после 2001 г. Турция обнаружила направление, по которому она могла бы реализовать свои амбиции в регионе – борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом. Казалось, что турецкая модель «светской мусульманской демократии» по многим параметрам хорошо вписывалась в планы американской администрации по демократизации и реконструкции Ближнего Востока и ЦА. Однако некоторое охлаждение с 2002 г. отношений Анкары с Вашингтоном – в первую очередь из-за недовольства Турции курсом США на негласное поощрение ирредентизма курдов – внесло коррективы в турецкую региональную политику: она стала менее проамериканской и более проевропейской. Турция начала позиционировать себя как проводника в ЦА европейских ценностей и как единственное в мусульманском мире светское государство, способное стать «мостом» между Европой и ЦА. Активные усилия были предприняты Турцией и по продвижению контролируемых западными компаниями энергомаршрутов. Между тем неустойчивая внутривнутриполитическая ситуация в Турции создает довольно неблагоприятный фон для активизации Турции на центральноазиатском направлении.

Речь идет о приходе к власти в Анкаре умеренных исламистов, победивших в 2002 г. на выборах в турецкий парламент и представитель которых в 2007 г. занял президентский пост. Сей факт не мог не насторожить правящие элиты в ЦА, ориентирующиеся на светское развитие и борющиеся со своей исламской оппозицией. До этого момента светская и прозападная Турция служила для них моделью для подражания, ориентиром на пути строительства и развития собственной государственности. Итог турецкого политического развития последних лет показывает: светская прозападная модель весьма неустойчива, даже в условиях

относительно либерального тюркского ислама, а баланс между сторонниками светского пути развития и умеренными исламистами довольно хрупок. Похоже, что в ЦА влияние Турции едва ли выйдет за рамки участия в энергетических проектах, где Турции к тому же отведена всего лишь вспомогательная роль – энергетического коридора, связывающего Центральную Азию и Кавказ с Европой. Турция сама нестабильна, здесь сохраняется угроза противостояния светского государства и исламизма, что ослабляет турецкие позиции в ЦА, особенно учитывая страх лидеров государств перед угрозой исламизма.

2. Если главный козырь политики Турции в ЦА – ее светская модель, то Исламская Республика Иран (ИРИ) первоначально питала большие надежды на распространение своего религиозного влияния в этом обширном регионе, считающимся мусульманским. Однако со временем Тегерану пришлось эту сторону своей деятельности оставить в тени. Учли власти ИРИ и негативное отношение центральноазиатских лидеров к попыткам навязать их странам религиозную парадигму, и роль в регионе России, поддерживавшей курс на построение в ЦА светских государств. В самом общем виде стратегия Ирана в Центральной Азии нацелена на усиление позиций в зонах его традиционного влияния и на ослабление влияния США. Таким же образом действует Тегеран в шиитских районах Афганистана и Ирака. Руководство ИРИ, ведя в регионе сложную игру, прилагает огромные усилия к тому, чтобы убедить центральноазиатских лидеров, что ИРИ не собирается инициировать в их странах исламскую революцию.

Особое внимание Иран уделяет газовому гиганту региона – Туркменистану, с которым он хотя и имеет существенные разногласия по вопросу цен на газ, намерен развивать сотрудничество, особенно в топливно-энергетической сфере. Но, естественно, главным приоритетом иранской политики является Таджикистан как родственное по языку Ирану государство. Пытается Иран не только противостоять геополитическому давлению США на регион ЦА, но и перехватить инициативу у американцев в вопросе интеграции ЦА и Афганистана в рамках проектируемой США Большой Центральной Азии, продвигая свой собственный проект, во многом базирующийся на общности культурных и исторических связей народов, населяющих регион. Так, главным моментом визита М. Ахмадинежада в таджикстанскую столицу в 2006 г. стала встреча трех президентов – Афганистана, Ирана и Таджикистана. Лидеры этих трех государств, имеющих во многом общую исто-

рию, культуру, язык и традиции, высказались в пользу экономической, культурной и социальной интеграции как естественного процесса, отвечающего интересам народов трех стран. Но хотя руководители ИРИ и делают ставку на родстве трех народов, они учитывают тесную зависимость Таджикистана от России, а Афганистана – от США.

Пока наметившееся в последние годы активное сближение Таджикистана с США и НАТО не сказалось на уровне экономического и культурного взаимодействия этой страны с Ираном. Учитывая, однако, что США строго следят за тем, чтобы их партнеры действовали в рамках зафиксированного администрацией внешнеполитического курса, есть основания полагать, что в случае усиления американо-таджикского взаимодействия связи Таджикистана с ИРИ ослабнут (и наоборот – если по каким-то причинам американо-таджикская дружба иссякнет, ирано-таджикские контакты получат новое дыхание).

Что касается взаимодействия ИРИ с Узбекистаном, то здесь религиозная компонента государственного строя Исламской Республики всегда была серьезным ограничителем для более углубленного сотрудничества в политической и культурной сферах.

3. Менее заметна пока в Центральной Азии политика Пакистана, который старается, с одной стороны, не афишировать своей заинтересованности в природных ресурсах региона, а с другой – стремится не допускать усиления влияния своего «вечного соперника» – Индии. Пакистанские политики пытаются представить свою страну как надежного партнера той части исламского мира, который не поддерживает радикальные политические течения ислама и ведет с ними борьбу, что для Центральной Азии имеет особое значение. Однако же между Пакистаном и центральноазиатскими государствами до недавнего времени отношения были непростые. На них главным образом влиял факт давней поддержки движения Талибан пакистанскими секретными службами. В ЦА такая связь части пакистанского истеблишмента с талибами и чрезмерная, как считали в центральноазиатских столицах, терпимость пакистанских властей к присутствию талибов в соседних с Афганистаном провинциях Пакистана рассматривались как прямая угроза безопасности региона.

После отстранения талибов от власти в Афганистане пакистано-центральноазиатские отношения нормализовались, однако автоматически недоверие к региональной политике Пакистана не было снято полностью. Вместе с тем можно отметить растущую

динамику в отношениях Пакистана с Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном – государствами, более всего пострадавшими от исламского экстремизма. Своей мартовской 2005 г. поездкой в Узбекистан и Киргизию бывший президент Пакистана П. Мушарраф попытался сломить барьер недоверия и убедить власти этих государств в том, что Пакистан, как и они, озабочен проблемами обеспечения безопасности в регионе. Возможно, именно этот шаг, на который пошло пакистанское руководство, помог Пакистану добиться в 2006 г. присоединения – пока в качестве наблюдателя – к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

4. Особенно тесными стали отношения Пакистана с Узбекистаном после того, как официальный Исламабад поддержал действия президента Ислама Каримова по подавлению майского 2005 г. мятежа в Андижане, инспирированного, как посчитали в Ташкенте, базировавшимися в Афганистане исламистскими организациями. Позитивный отклик в Узбекистане получило известие и о ликвидации весной 2007 г. в пакистанской провинции Южный Вазиристан укрывшихся здесь военизированных отрядов, сформированных из узбеков – участников Исламского движения Узбекистана (ИДУ).

5. На Афганистан, согласно американскому проекту Большой Центральной Азии, возложена роль «моста», соединяющего Центральную и Южную Азию. Фактически же облегчается проникновение Запада к природным ресурсам Центральной Азии, государства которой подвергают себя при такой геополитической трансформации совершенно конкретным рискам. Уверения американской администрации, что Афганистан умиротворен и вполне способен участвовать и в экономических проектах, и в процессах поддержания региональной безопасности – всего лишь политическая риторика. Правительство Хамида Карзая даже не контролирует полностью страну. В Афганистане нет условий для инвестиций, нет потенциальных точек роста, и страна выживает только за счет западных доноров и постоянных финансовых вливаний с Запада. Сам Афганистан представляет угрозу из-за того, что является главным производителем и транспортером наркотиков в мире, все глубже затягивая в черную дыру наркобизнеса не только приграничные государства, но и не имеющие с ней границ страны – Россию, Киргизию, Турцию. Именно они особенно уязвимы перед угрозой экспорта нестабильности из Афганистана и Пакистана.

В случае обострения ситуации в Афганистане эта страна может создать своим ближайшим соседям еще большую угрозу в

плане распространения наркотиков в больших объемах, укоренения религиозного экстремизма на большей территории и потока беженцев, которые одним своим появлением могут доставить и без того не вполне благополучным центральноазиатским государствам немало хлопот.

Наивно было бы полагать при этом, что присутствие введенных в Афганистан в рамках операции «Несокрушимая свобода» под лозунгами поимки бен Ладена иностранных войск, возглавляемых США и НАТО, способно принести мир в регион. Однако новая американская администрация во главе с Баракком Обамой собирается еще активнее задействовать инфраструктурные возможности центральноазиатских государств для обеспечения своих войск в Афганистане, где США планируют вдвое (до 60 тыс. человек) увеличить свою группировку. Для ее оснащения Вашингтону нужен надежный маршрут через территорию стран СНГ, поскольку транзит грузов в связи с политической нестабильностью в Пакистане и осложнением отношений между Исламабадом и Дели становится практически невозможным с точки зрения безопасности.

В апреле 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте была одобрена концепция «транзитного моста» через территорию России и стран Центральной Азии. Приглашенные тогда на заседание президенты Узбекистана и Туркменистана заявили о готовности предоставить альянсу транзитный коридор для доставки невоенных грузов в Афганистан. Москва также подписала соглашение с НАТО о транзите невоенных грузов, главным образом гуманитарных, в Афганистан через территорию России для оказания поддержки Международным силам по содействию безопасности в Афганистане. А в середине января 2009 г. руководитель Объединенного центрального командования Вооруженных сил США генерал Дэвид Петреус, в сферу оперативной ответственности которого входят, в частности, Ирак, Афганистан и весь регион постсоветской Центральной Азии, посетил столицы практически всех центральноазиатских стран. Петреус сумел добиться двухсторонних договоренностей об участии в «афганском транзите» почти со всеми государствами ЦА.

Планы США по Афганистану усилили в ряде стран ЦА надежды на значительное увеличение американской помощи и инвестиций. Но сохраняются и опасения относительно того, что Вашингтон использует антитеррористическую операцию для укоренения своей военной группировки в Центральной Азии так, как он это уже делал в 2001–2002 гг. К тому же многое говорит

за то, что борьба с «международным терроризмом» и наркотрафиком – не главное для США в Афганистане. Здесь они решают более глобальные задачи: устанавливают контроль над ядерными Пакистаном и Индией и над энергетическими державами ЦА – Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном, что в случае успеха даст в руки США мощный рычаг управления в Евразии многими процессами, как экономическими, так и политическими.

Решение проблемы Афганистана может быть только одно – это создание единой, независимой и сильной страны. Этого можно добиться, инициировав форсированную модернизацию, а также активное восстановление практически полностью уничтоженной инфраструктуры, которая обеспечит стабильность и экономическое процветание Афганистана. Важно также усилить центральную власть в государствах, входящих в регион постсоветской ЦА; необходимо укрепление границ между ними, как средство борьбы с транснациональными преступными синдикатами, транснациональной наркомафией и терроризмом в религиозном обличье.

* * *

В целом населяющие ЦА народы больше всего рассчитывают на то, чтобы их регион превратился в площадку для сотрудничества, а не соперничества. Ведь сама Центральная Азия – это регион, где развиваются независимые самостоятельные государства, стремящиеся стать не объектом, а субъектом международных отношений, и это обстоятельство следует уяснить различным глобальным и региональным игрокам, действующим в ЦА.

Тактика лавирования между мировыми центрами силы, приносившая до недавнего времени некоторый успех центрально-азиатским правящим элитам (пресловутая политика «многовекторности»), поскольку помогала добиться определенных преференций из разных источников, скорее всего, будет давать сбои, хотя бы потому что геополитическое соперничество в ЦА обострено ныне до крайности, что, в свою очередь, стимулирует борьбу внутри элит в каждом государстве. После максимально полного открытия государств региона процессам экономической и политической глобализации внешний фактор является едва ли не определяющим в их развитии; он в чем-то благоприятствует стабильности, но он же одновременно способен подорвать ее.

*«Исламский фактор в истории и современности»,
М., 2011 г., с. 99–108.*

Виктор Коргун,
доктор исторических наук (ИВ РАН)
**СОВРЕМЕННЫЙ АФГАНИСТАН:
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСЛАМСКИХ КЛЕРИКАЛОВ**

В Афганистане ислам всегда составлял важнейшую часть общественной и духовной жизни народа, а духовное сословие было не менее важным элементом политической системы страны. В то же время всегда существовали разного рода ограничители его роли и места в бытовой сфере (кодекс чести Пуштунвали) и политике (конституция и иные законодательные акты). Поэтому введенные в свое время талибами жесткие, средневекового типа нормы и правила ислама, сопровождавшиеся беспрецедентными ограничениями, особенно в бытовой жизни афганцев, не выдержали испытание временем и уж явно не соответствовали задачам и духу нового государственного строительства после ликвидации их режима.

В принятой в 2004 г. конституции Афганистана исламу было отведено важное, но ограниченное место в системе ценностей и основ нового общества. С одной стороны, ислам вошел в название страны – Исламская Республика Афганистан, и это была наиболее крупная уступка ортодоксальным клерикалам и консервативным слоям афганского населения. Более того, статус и позиции ислама были четко обозначены в Основном законе: ислам был объявлен государственной религией (ст. 2), а согласно ст. 3, ни один закон не может быть принят, если он не соответствует положениям и основам ислама. Остальные ссылки на ислам в конституции относятся к прерогативам священнослужителей в области судопроизводства и просвещения, впрочем, тоже ограниченным. В целом же конституция 2004 г. по духу и букве – это основополагающий документ светского государства. Такой фактический статус государства подтверждается исключительно важным положением о том, что национальный суверенитет принадлежит народу, а не Богу, как значится в конституциях некоторых мусульманских стран.

Формально ислам и его служители отделены от политики. Так, религиозные структуры и представители духовенства не являются частью системы государственного управления. В частности, функции Министерства по делам ислама и хаджа являются скорее техническими – обеспечить паломничество афганских мусульман к святым местам в Мекку. А Совет улемов (мусульманских богословов) Афганистана представляет собой общественную

структуру, и его решения – следить за соответствием принимаемых законов и постановлений правительства положениям ислама – носят не более чем рекомендательный характер. Что касается места ислама в системе общественных организаций, то Закон о политических партиях, принятый в 2003 г., запрещает создание политических организаций на религиозной основе.

Тем не менее ортодоксальное мусульманское духовенство имеет немало возможностей влиять на общественные настроения и все годы после свержения режима талибов заявляло о своих претензиях выступать в роли духовных руководителей общества. Авангардом агрессивного клерикализма в Афганистане до последнего времени оставался Верховный суд, а также немногочисленная когорта старого поколения мусульманских богословов. У них есть мощная социальная база поддержки – миллионы все еще находящихся в плену проталибской идеологии правоверных мусульман. Процессы либерализации общества, инициированные США и другими западными партнерами правительства Кабула, коснулись лишь незначительной части населения столицы и некоторых других крупных городов. Основная же масса населения, в первую очередь сельского, продолжает жить старыми представлениями, базирующимися на исламе. Кроме того, жители значительной части провинций, где сильно влияние талибов, – Фарах, Гильменд, Кандагар, Урузган, Заболъ, Газни, Хост, Кунар и др. вынуждены жить по законам, вновь введенным в последнее время на этих территориях экстремистами.

В последние годы по мере расширения масштабов вооруженной борьбы талибов против правительства Х. Карзая и войск международной коалиции, а также роста влияния исламских экстремистов в стране мусульманские клерикалы все более настойчиво оказывают давление на власти в стремлении использовать ислам в качестве политического инструмента. Так, в начале января 2008 г. Совет улемов потребовал от президента возродить некоторые методы из судебной практики времен правления талибов, в частности возобновить публичные казни, которые, по мнению членов Совета, могут остановить вал преступности в стране. Они выступили также против демонстрации в Афганистане художественных фильмов иностранного производства, «противоречащих нормам ислама». Кроме того, на встрече с президентом Х. Карзаем 4 января 2008 г. клерикалы потребовали прекратить «практику попустительства христианским миссионерским группам», которые, по их мнению, занимаются обращением мусульман в христианст-

во. «Совет встревожен деятельностью некоторых миссионерских и атеистических групп и считает такую деятельность противоречащей исламскому шариатскому закону, конституции и политической стабильности в стране», – говорится, в частности, в заявлении Совета улемов. На этой же встрече они потребовали закрыть некоторые частные телевизионные каналы на том основании, что там пропагандируют «аморальность и антиисламскую культуру».

Одновременно в стране продолжается «охота на ведьм» – широкомасштабное преследование прогрессивных журналистов. При этом клерикалы, спекулируя на религиозных настроениях верующих и искусно подогревая их, эффективно используют свои возможности по мобилизации общественного мнения в поддержку своих требований. Еще не успела утихнуть шумная кампания по осуждению помощника Генерального прокурора журналиста Залмая Гауса за публикацию собственной версии перевода священной книги мусульман – Корана на язык дари, и в рамках этой кампании в стране по подстрекательству мулл прокатились демонстрации с требованием предать смертной казни автора перевода. К кампании осуждения привлекли даже научную общественность: в декабре 2007 г. в Кабуле была проведена конференция под явно провокационным названием – «Научное расследование причин заговоров по переделке Корана».

Собственно, Залмай не являлся автором перевода Корана: священная книга была переведена на язык дари еще 30 лет назад и издана в США без параллельного текста на арабском. В свое время, после победы моджахедов в 1992 г., он работал культурным атташе афганского посольства в Таджикистане, потом стал эмигрантом, переселившись в Голландию. После свержения талибов новые власти пригласили его вернуться на родину, где он возглавил Ассоциацию афганских журналистов и был назначен пресс-секретарем Генерального прокурора. Последний – Абдул Джаббар Сабет не скрывал своих проталибских взглядов. Он и сыграл решающую роль в аресте. З. Гаусу предъявили обвинение в распространении перевода Корана, содержащего немало «ошибок» и «неправильных толкований», и приговорили к 20 годам лишения свободы.

В начале 2008 г. открылся судебный процесс по делу Сайда Парвиза Камбахша, студента университета г. Мазари-Шарифа, репортера газеты «Джахане нау» («Новый мир»). Он был арестован еще 27 октября 2007 г. Его обвиняют в том, что он скопировал из Интернета и опубликовал статью одного иранского журналиста,

содержащую критику исламских фундаменталистов, чье толкование Корана оправдывает притеснение женщин. Афганскому студенту при этом было отказано в защите своих правовых интересов. Шамс ур-Рахман, председатель шариатского суда, рассматривавшего дело Камбахша, заявил, что основанием для обвинения стало «богохульство» репортера, выразившееся в «оскорблении ислама, Корана и пророка Мухаммада». В итоге 22 января 2008 г. Камбахш в закрытом суде был приговорен к смертной казни – наказанию за «богохульство», предусмотренному шариатом. Более того, около ста религиозных и племенных авторитетов восточной части зоны племен обратились к президенту с требованием не использовать право помилования осужденного.

После оглашения приговора суда консервативно настроенные студенты местного университета опубликовали «черный список» предполагаемых «еретиков». Один из друзей осужденного – студент Яхья Наджафизада, попавший в этот список, был вынужден бежать из страны, опасаясь расправы. Толпа мусульманских фанатиков дважды наведывалась к нему домой и высказывала угрозы в его адрес. Ему угрожали и по телефону, осуждая за то, что он «шпионит в пользу неверных»: Яхья работал репортером в натовской газете «Voice of Freedom». Спасаясь от преследований мусульманских фанатиков, он бежал в соседний Пакистан, а оттуда в Швецию. Даже его натовское начальство не могло обеспечить ему защиту.

Согласно конституции страны осужденный репортер мог бы обжаловать приговор в Верховном суде, однако, как правило, высшая судебная инстанция не вмешивается в дело, если приговор вынесен шариатским судом. Афганский сенат оставил обвинительный приговор в силе, несмотря на протесты ООН, правозащитных организаций и западных дипломатов. Более того, других местных журналистов предупредили о том, что они будут арестованы, если будут выступать в поддержку Камбахша. Пересмотреть решение суда мог только президент страны Х. Карзай. С такого рода просьбой к нему обратились госсекретарь США Кондолиза Райс и секретарь по иностранным делам Великобритании Миллибэнд, а генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер заявил, что надеется на понимание «афганских друзей» в этом вопросе. В ответ президент Х. Карзай обещал, что «справедливость восторжествует».

Тем временем за пределами Афганистана зародилась волна протестов против приговора. Английская газета «The Independent»

организовала кампанию в поддержку афганского журналиста, призывая читателей обращаться в Министерство иностранных дел Великобритании и требовать проведения жестких переговоров с правительством Афганистана. К концу апреля 2008 г. более ста тысяч человек подписали петицию в защиту афганского журналиста, требуя от Форин офис добиваться его освобождения. Под давлением мировой общественности власти были вынуждены перевести Камбахша в Кабул для нового процесса в открытом суде, о чем был вынужден заявить Генеральный прокурор. Судебный процесс затянулся, и лишь в октябре 2008 г. журналист был приговорен к 20 годам лишения свободы.

Для мирового сообщества случай с Камбахшем стал символом столкновения положений афганской конституции о свободе слова с исламскими законами, допускающими наказание в виде смертной казни за вероотступничество. Приведение приговора в исполнение еще больше могло бы укрепить дух консервативных клерикальных кругов, опасющихся, что традиционная афганская мораль может быть ослаблена импортируемыми западными ценностями. По существу, дело Камбахша загоняло президента Х. Карзая в угол: глава государства оказался перед выбором: с одной стороны, продемонстрировать Западу, что он несет народу демократию и гражданские права, а с другой – показать афганцам, что поддерживает религиозных лидеров.

В марте 2008 г. у афганских клерикалов появилась очередная возможность напомнить о себе общественному мнению – не без их участия в стране поднялась новая волна выступлений «в защиту ислама». Поводом послужила перепечатка карикатур на пророка Мухаммада в ряде датских и голландских газет, а также намерение одного из депутатов парламента Нидерландов выпустить фильм, расцененный клерикалами как антиисламский. Скандал по поводу карикатур между тем принял международный характер. ООН была вынуждена призвать к мирному диалогу с возмущенными верующими для урегулирования конфликта.

В Афганистане происходили выступления против публикации карикатур. Так, 5 марта в г. Пуле-Алам, центре провинции Логар, собрались около 300 человек с осуждением осквернения Пророка и требованием удалить датские и голландские войска из Афганистана. Они сожгли флаги Дании и Голландии и призвали президента Х. Карзая также осудить антиисламские публикации в западных газетах и порвать дипломатические отношения с этими странами. Демонстранты разорвали в клочья портрет Папы Рим-

ского Бенедикта XVI. К протестующим присоединились жители окрестных деревень и местные старейшины. Вслед за этим с протестом выступили 17 представителей местных властей в провинции Нангархар, возглавив многочисленную демонстрацию. А днем ранее аналогичная акция протеста состоялась в г. Мазари-Шарифе.

Министерство по делам религии Афганистана назвало опубликованные карикатуры «атакой на ислам». 4 марта их перепечатку в западных газетах специальным постановлением осудил афганский парламент. А вслед за ним с ее осуждением выступил и афганский министр иностранных дел Рангин Дадфар Спанта. Повторную публикацию датскими газетами карикатуры на пророка Мухаммада, заявил он, «нельзя оправдать ссылками на свободу слова». В последующие дни акции протеста состоялись в провинциях Саманган и Герат. Наконец, 20 марта прошла крупная демонстрация протеста в Кабуле, в которой приняли участие около пяти тыс. человек. Среди них было 200 депутатов парламента, которые скандировали лозунг «Смерть врагам ислама!» Демонстранты сожгли датский и голландский флаги. А в начале апреля на улицы вышли около 70 женщин, протестуя против публикации карикатур. Почти все были одеты в чадру. Они потребовали также вывести из страны голландские и датские войска и закрыть посольства Голландии и Дании в Кабуле.

Возмущение по поводу карикатур проявилось и в других мусульманских странах – Египте, Судане, Кувейте, Ливане, Иране, Бангладеш, Пакистане, Индонезии и ряде других. А суданский президент Омар ар-Рашид призвал мусульманский мир бойкотировать Данию и Голландию. Свое слово сказал даже Усама бен Ладен, пригрозивший покарать Европу за карикатуры. Перепечатка карикатур в западной прессе и предстоящий показ «антиисламского» фильма «Фитна» («Испытание») вызвали болезненную реакцию и у талибов. В своем заявлении от 5 марта 2008 г. они назвали инцидент оскорблением Пророка и призвали своих сторонников расправиться с автором фильма Гиртом Уильдерсом, а также развернуть террористическую кампанию в Голландии с целью недопущения демонстрации фильма. Инцидент с карикатурами и фильмом дал новый импульс исламистской пропаганде, спекулирующей на религиозных чувствах афганцев. Талибы заявили, что западные войска воюют против ислама в Афганистане, поэтому мусульмане должны вести джихад против них. Экстремисты заявили об активизации нападений на голландский и датский

воинские контингенты, численность которых составляет 1650 и 630 человек соответственно.

Серьезную обеспокоенность в связи с этими событиями проявило командование НАТО, которое опасалось возможных неприятностей по поводу показа датского видеофильма, содержащего критику Корана, и обратилось за поддержкой к афганскому правительству. Как полагал командующий силами НАТО в Европе генерал Джон Крэддок, мятежники могли вызвать у населения гнев против войск НАТО, в первую очередь против голландского воинского контингента, дислоцированного в провинции Урузган. «Они могут использовать это в целях мобилизации недовольных в свою пользу. Поэтому мы обратились к афганскому руководству с призывом не винить в этом солдат. Я полагаю, афганские руководители правильно понимают ситуацию», – подчеркнул генерал, выступая на брифинге в штаб-квартире войск НАТО в Кабуле. В этих условиях, не желая рисковать жизнью своих дипломатов, в апреле 2008 г. Дания и Голландия эвакуировали сотрудников своих посольств в Алжире и Афганистане, напомнив при этом, что сами посольства продолжают функционировать.

На волне ширящихся масштабов акций террористов-самоубийц, растущего наркотрафика и увеличивающейся поддержки талибов со стороны населения клерикалы во главе с Советом улемов нашли еще одну возможность «показать зубы» – в январе 2008 г. при поддержке министра информации и культуры Абдул Карима Хоррама, деятеля консервативных взглядов, они развернули кампанию против демонстрации на телевидении в Афганистане индийских «мыльных опер», которые, по мнению консервативных мулл, «распространяют аморальность и антиисламскую культуру». Министр выступил с обличением «чуждой культуры», после того как группа богословов встретилась в январе с Х. Карзаем, потребовав запретить подобного рода телевизионные программы. Запрет коснулся пяти индийских «мыльных опер», демонстрировавшихся на ТВ.

Решение министерства мгновенно вызвало одобрение клерикалов. Их позицию по этому вопросу озвучил член Совета улемов, имам крупнейшей кабульской мечети «Пул-е хешти» Саид Инаятулла Балег: «Улемы довольны решением министерства, хотя они осознают, что этот шаг недостаточен. Совет улемов использует все права, чтобы любой ценой преградить путь к нарушению морали. Мы предотвратим любые проявления порока и не побоимся это сделать, даже если это приведет к тому, что на нас навесят ярлык

талибов или “Аль-Каиды” или чего-нибудь еще. Мы защитим каждого, кто защищает ислам. Афганистан – мусульманская страна и должна жить по законам ислама».

В последние три года в Афганистане появились частные телестанции (всего 17, из них 11 в Кабуле), предлагающие зрителям смесь из горячих новостей, многие из которых носят критический характер, и легких развлекательных программ, что вызывает ярость клерикалов, которые заметно активизировались, требуя запретить показ в эфире выступлений афганских рэпперов и популярных звезд и наказывать тех людей, которые смотрят эти программы в то время, когда они должны идти молиться в мечеть. Недовольство клерикалов временами выливается в криминальные действия: 27 марта «защитники ислама» подожгли одну из радиостанций в Пагмане, пригороде Кабула, – Радио «Зафар» («Победа»). Директор станции сказал, что их подожгли за то, что станция «аморальная» и «антиисламская».

В начале апреля правительство обязало все телестанции с 15 апреля прекратить показ индийских «мыльных опер». Наконец, последовала и реакция президента Х. Карзая, который под давлением клерикалов был вынужден заявить: «Как и во всем мире, мы хотим, чтобы наше телевидение соответствовало нашей культуре. Телевизионные программы, которые противоречат жизненным нормам афганцев и которые отвергаются ими, должны быть запрещены). А в октябре 2008 г. правоверный министр культуры усмотрел нарушение исламских норм в финальной части программы «Афганская звезда»: он пришел в ужас, когда одна из финалисток конкурса – Ситара пела и танцевала с непокрытой головой. Это шоу было оценено Советом улемов как «аморальное и неисламское», и в марте 2008 г. парламент запретил исполнение танцев на телевидении. Опасаясь, что лучшие хиты самого популярного телеканала «Толу» могут быть запрещены, дирекция канала решила увеличить объем вещания с исламским содержанием. Кроме передач, помогающих людям стать грамотными, чтобы читать Коран, у них появилась идея провести конкурс на лучшее чтение отрывков из «священной книги» под броским названием «Звезда Корана» с целью дать образование зрителям с помощью хорошей декламации. Идея получила поддержку министра культуры, который назвал серию передач образцовой. Эта программа была специально создана, чтобы убажить улемов.

Между тем попытка фактически ввести цензуру на телевидении была осуждена бывшим министром иностранных дел д-ром

Абдуллою, назвавшим ее стремлением возродить процесс талибанизации Афганистана. С осуждением позиции Министерства информации и культуры выступил также президент Союза журналистов Афганистана, бывший замминистра информации и культуры Абдул Хамид Мооарез, считая решение на этот счет незаконным, поскольку оно не было одобрено парламентом. В этих условиях руководство телекомпании «Толу» заявило, что будет продолжать демонстрировать индийское «мыло», несмотря на запрет. Надо заметить, что индийские «мыльные оперы» чрезвычайно популярны в стране, даже в далекой провинции Гильменд, где люди тратят последние остатки дорогого горючего в генераторах ради того, чтобы посмотреть очередное индийское «мыло». Поэтому столь высок рейтинг коммерческого канала «Толу», который ежедневно показывает индийские фильмы, которые идут в прайм-тайм и собирают зрительскую аудиторию в 10–11 млн. человек.

Гонения против современных телевизионных программ, которые устраивают консервативные богословы, вызывают озабоченность правозащитных кругов. Так, Джин Макензи, директор кабульского филиала Института войны и мира, британской неправительственной организации, считает, что давление, оказываемое Советом улемов, серьезно подрывает и без того невысокий авторитет правительства Х. Карзая. Борьба за введение цензуры на телевидении и радио чревата откатом к временам правления талибов, когда были запрещены развлечения и жители Кабула рисковали попасть в тюрьму, если они тайно смотрели контрабандные видеодиски у себя дома. И это недавно подтвердили сами талибы: в провинции Логар к югу от Кабула они запретили местным жителям смотреть телевизор под предлогом того, что телепрограммы носят «антиисламский» характер. Этот запрет был очередным из аналогичных запретов, введенных талибами на контролируемой ими территории. По сообщению высокопоставленного чиновника из Министерства культуры Наджиба Манелая, группа вооруженных людей в масках ворвалась в местную мечеть и угрожала наказанием тем, кто будет смотреть телевизор.

Запрет на показ «мыльных опер» последовал после весьма небольшого числа жалоб со стороны телезрителей. Подлинным мотивом решения властей, считает владелец телеканала «Толу» Саад Мохсени, служат материалы расследований, которые ведут репортеры, имеющие мужество рассказывать о полицейских-педофилах, министрах, связанных с наркотрафиком, губернаторах провинций, замешанных в похищении людей и вымогательстве,

лицах, близких к президенту страны, наживших сомнительным путем крупные состояния.

Впрочем, за всей этой кампанией вокруг телевизионных программ стояли и иные обстоятельства. В последние годы многие политические организации в стране обзавелись своими СМИ, и накануне президентских выборов 2009 г. завязалась острая борьба за голоса избирателей, в которой контроль над СМИ играл исключительно важную роль. Ряд обозревателей уверены, что основные аргументы клерикалов в поддержку решения о запрете некоторых телепрограмм, базирующиеся на требованиях телезрителей, неправомерны, так как не желающие смотреть их могут переключить канал и смотреть другие программы. Однако мнение телезрителей по этому поводу неоднозначно: некоторые считают, что подобные передачи действительно подрывают афганские традиции и даже веру. Другие заявляют: в этой стране происходят тысячи грабежей, убийств и других антиисламских акций, однако Совет улемов, парламент и правительство никогда не обращают внимания на такие вещи, так как сами замешаны в подобного рода преступлениях, а пытаются запретить несколько индийских сериалов, которые пропагандируют любовь, дружбу и честность в отношениях между людьми.

Тем временем в апреле 2008 г. религиозные консерваторы продолжили давление на власти. Их сторонники в парламенте, члены Комитета по антисоциальному поведению, подготовили законопроект, содержащий запреты на элементы бытовой жизни афганцев, которые во многом напоминают введенные в свое время талибами. В частности, согласно проекту, женщинам запрещают использовать косметику в публичных местах, предписывают появляться вне дома в хиджабе (женская одежда, закрывающая все тело, кроме лица и кистей рук). Мужчинам запрещают носить сугубо женские, по мнению авторов документа, украшения – браслеты, колье, повязки на голове и т.д. Кроме того, юношам и девушкам запрещается танцевать вместе. Запрещаются собачьи и петушиные бои, разведение голубей. На свадебных церемониях женщины и мужчины должны сидеть в разных помещениях, при этом не разрешается громкая музыка. За нарушение запрета – штраф от 500 до 5000 афгани (от 10 до 100 долларов).

В условиях ухудшающейся обстановки в стране вследствие расширения масштабов боевых действий и роста влияния талибов ортодоксальный ислам все настойчивее вторгается в политику, посягая на прерогативы правительства. Так, в начале августа

2008 г. Союз улемов афганских беженцев обратился к командованию американских войск в Афганистане с требованием признать свое поражение, вывести войска и компенсировать Афганистану материальные и людские потери, понесенные в результате американских бомбардировок. В заявлении богословов, опубликованном в прессе, подчеркивается, что обязанностью всех мусульман является джихад, участвуя в котором они могут освободить афганцев от «ужасов и жестокости американских оккупантов и их союзников».

В дальнейшем роль и влияние ислама и его проповедников будут зависеть как от соотношения противоборствующих сил – талибов и поддерживаемого Западом режима Х. Карзая, так и от борьбы внутри высших органов власти между технократами-реформаторами и происламскими консерваторами. В этих условиях говорить о продвижении демократии западного типа в традиционном афганском обществе как минимум преждевременно.

*«Исламский фактор в истории и современности»,
М., 2011 г., с. 325–334.*

Александр Лукоянов,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
**БАЛАНС ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
ОПРЕДЕЛИТ БУДУЩЕЕ ИРАНА**

События в арабском мире зимой и весной 2011 г. заставили вновь обратить внимание на происходящее в Исламской Республике Иран (ИРИ). Западные комментаторы не скрывают надежды на то, что ближневосточные перемены распространятся и на ИРИ, а смена там политического режима наконец-то позволит США и их союзникам на приемлемых для них условиях урегулировать многолетний кризис в отношениях с одной из наиболее влиятельных и важных стран региона. Беспорядки, которые произошли в ряде иранских городов на волне энтузиазма по поводу «арабской весны», а также серия скандалов, связанных с острой борьбой внутри иранской элиты, создают впечатление, что страна действительно стоит на пороге неожиданных изменений. Это правда и неправда одновременно.

Иранская политическая элита всегда придерживалась принципов организации общества и государства, позволяющих высказывать взгляды, отличные от позиции властей, в том числе те, что

диаметрально противоположны официальной линии. Данная традиция не прерывалась никогда: ни при монархии, ни после установления в стране исламского республиканского строя. Этому благоприятствуют как региональная и национальная специфика страны, так и нынешняя религиозно-политическая структура общества, предполагающая право религиозных авторитетов на самостоятельное мнение по абсолютно любым вопросам и право народа выбирать духовного лидера, исходя из собственных интересов и своих нравственных ориентиров.

Сегодня источником конфликтности во внутренней и внешней политике Ирана является президент Махмуд Ахмадинежад, фигура яркая и крайне противоречивая. Политическая борьба в Иране, никогда по-настоящему не прекращавшаяся (ИРИ – отнюдь не диктаторский режим, который всегда отличался от большинства арабских стран многообразием политико-экономических интересов и способов их выражения), вспыхнула с новой силой после президентских выборов 2009 г. Победа Ахмадинежада, в честности которой многие усомнились, спровоцировала массовые акции протеста. После этого даже иранский духовный руководитель («рахбар») Али Хаменеи, ранее твердо поддерживавший президента, демонстративно дистанцировался от него на инаугурации, позволив прикоснуться только к своему плечу вместо традиционного допуска к руке.

Еще в 2005 г., когда Ахмадинежад в первый раз выиграл президентские выборы (кстати, те результаты никто не подвергал сомнению), многие исследователи говорили об усилении в иранском обществе роли и влияния Корпуса стражей исламской революции (КСИР). КСИР рассматривался ими как самостоятельная структура, претендующая на власть и угрожающая тем самым авторитету и самой политической власти духовного сословия из окружения аятоллы Али Хаменеи.

Спустя шесть лет конфронтация только усугубилась. В мае 2011 г. в западных СМИ со ссылкой на разведывательные источники появились публикации о том, что офицеры КСИР якобы готовили государственный переворот с целью свержения аятоллы Хаменеи и восстановления светского режима. Поступала информация об аресте 37 командиров КСИР. Правда, другие источники утверждают, что переворот готовили офицеры, недовольные «режиссированными» выборами 2009 г. и жестоким подавлением выступлений «зеленой оппозиции». По сведению того же источника,

«70% офицеров КСИР не одобрили подавления выступлений оппозиции летом 2009 года».

Сообщалось также о подготовке ответных действий со стороны аятоллы Али Хаменеи, который как будто давно готовился к конфликту со сторонниками президента из КСИР. Если верить этой версии, по его указанию Совет национальной безопасности ИРИ разработал «оперативный план 55», в соответствии с которым под непосредственный контроль рахбара переведено народное ополчение «Басидж» – военно-идеологическая организация, формально находящаяся в подчинении КСИР и ответственная за обеспечение безопасности режима внутри страны. По значению в Иране «Басидж» обычно помещают на третье место после армии и КСИР.

Подобные слухи ходят давно. О ее достоверности судить трудно, поскольку, во-первых, Иран не полностью открытое государство, во-вторых, в западных СМИ зачастую публикуются предвзятые или политически мотивированные сведения. Тем не менее, даже если отдельные детали неверны, вполне очевидно, что в стране идет бурный политический процесс.

Нынешний виток конфликтов связан с обострением противостояния между Хаменеи и Ахмадинежадом, за которым скрываются не столько личностное неприятие, сколько принципиально разные взгляды двух лидеров и стоящих за ними групп на будущее самой иранской государственности. Фактически речь идет о споре между двумя мощными культурными традициями, которые сформировали национальное сознание иранцев, доисламская история персидской империи и шиизм. От того, какая из них возьмет верх, зависит, сохранится ли нынешняя религиозная форма правления в неизменном виде либо Иран будет трансформироваться в светское государство националистической направленности.

Внутриполитическая борьба в исламском Иране не прекращалась с момента падения шахского режима. Напомним давно забытый факт, который важен для анализа ситуации: первым президентом только что созданной исламской республики стал светский человек по имени Абольхасан Банисадр. Он участвовал в антишахских выступлениях в Иране в 1963 г., затем эмигрировал во Францию, учился в Сорбонне, защитил докторскую диссертацию по экономике и занимался преподавательской деятельностью. Позднее Банисадр присоединился к оппозиции в изгнании во главе с аятоллой Рухоллой Хомейни и 1 февраля 1979 г. вернулся в Иран вместе с имамом в качестве его единомышленника и советника.

В новом государстве этот человек занимал посты заместителя министра экономики и финансов, министра иностранных дел, министра экономики.

Банисадр пользовался поддержкой аятоллы Хомейни и был известен широким массам как истинный приверженец исламского режима. 25 января 1980 г. его избрали президентом Исламской Республики Иран на четырехлетний срок. Когда началась война с Ираком, Банисадр был наделен полномочиями верховного главнокомандующего. Однако по мере реализации планов имама Хомейни, которые предусматривали превращение страны в исламское государство под властью клерикалов, положение Банисадра в структуре власти стало меняться. Возрастало значение религиозно-политической группировки влиятельного аятоллы Мохаммада Хосейни Бехешти (лидер Партии исламской республики – ПИР, которая стремилась поставить у власти своих людей). Банисадр начал утрачивать поддержку со стороны вождя, лояльность которому не уставал демонстрировать.

Несмотря на стремительный взлет, судьба Банисадра была изначально предрешена, поскольку его карьера являлась элементом схемы, которую разработали Хомейни и его окружение. В соответствии с логикой вождя, первоначально у власти требовалось поставить именно светских людей, получивших к тому же западное образование, чтобы затем «продемонстрировать» их неспособность к службе на благо ислама в хомейнистской интерпретации. Действительно, несмотря на близость к Хомейни (президент называл себя «духовным сыном имама»), Банисадр склонялся к необходимости либерализации и считался выразителем интересов прозападных интеллектуалов. И когда президент сыграл отведенную ему роль, он, согласно замыслу, должен был уйти с политической арены, а может быть, и из жизни (как это произошло с другими политиками). Судя по дальнейшим действиям его противников, такой вариант не был исключен.

Духовный вождь сначала обвинил президента в неспособности руководить войсками и лишил его полномочий верховного главнокомандующего. 21 июня 1981 г. меджлис вынес Банисадру вотум недоверия с формулировкой «за деятельность, направленную против исламского духовенства», а уже днем позже имам уволил своего соратника. Первый президент ИРИ скрывался и только в конце июля сумел бежать из страны на самолете ВВС вместе с Мохсеном Раджави, лидером Организации моджахедов народа Ирана (ОМНИ). Он вернулся во Францию, туда, где начал

скоротечную, как оказалось, карьеру исламского революционера и политика нового режима.

Политические альянсы в ИРИ с самого начала были весьма разношерстными. Например, тактический союз Абольхасана Банисадра, духовенства и ОМНИ, которая принимала самое активное участие в антимонархическом движении и рассчитывала занять подобающее место в новой политической элите, а соответственно – и в государственной структуре. Однако ОМНИ оказалась отвергнутой большинством из хомейнистского окружения и подверглась преследованиям с последующим уничтожением как идейно-политический конкурент, поскольку моджахеды исповедовали взгляды левого толка. К тому же они отвергали саму идею установления в стране власти мулл, которую рассматривали как диктаторскую. Банисадр пытался опираться на вооруженные отряды ОМНИ, поскольку понимал, что без их поддержки клерикалы его уничтожат, что и произошло.

После отстранения Банисадра к власти пришел религиозно-светский триумvirат, состоявший из двух мулл – Бехешти и Али Акбара Хашеми Рафсанджани, а также светского политика Мохаммада Али Раджаи. Но и он скоро распался.

Одним из поворотных моментов в современной истории Ирана стал взрыв штаб-квартиры Партии исламской республики 28 июня 1981 г., в результате которого погибла большая группа политиков, собравшихся на внеочередную конференцию. Среди жертв был сам Бехешти, а также сын аятоллы Монтазери, будущего преемника имама, четыре министра, шесть заместителей министров, 20 депутатов меджлиса и другие видные деятели ПИР. Официально было объявлено о 72 погибших, что символически соответствовало числу «мучеников», погибших в 681 г. при Кербеле вместе с имамом Хусейном, глубоко почитаемым мусульманами-шиитами. Целью организаторов теракта, скорее всего, являлся аятолла Бехешти, личность очень сильная, способная составить конкуренцию самому имаму Хомейни. Он был хорошо образован, обаятелен, умел великолепно использовать религию в политике, семь лет провел в Германии в качестве имама мечети в Гамбурге. Конференция ПИР должна была выбрать кандидатов в президенты и определить отношение к ОМНИ. У аятоллы Бехешти было особое отношение и к будущим участникам президентских выборов 24 июля 1981 г., и к этой наиболее сильной оппозиционной группировке, которой приписывалось успешное владение методами террористической борьбы. Бехешти сам готов был стать прези-

дентом и заявил, что если его назовут кандидатом, он готов служить ИРИ. Обнародовать свое мнение в полном объеме аятолла Бехешти не успел. Забегая вперед, стоит сказать, что через несколько лет, в июне 1987 г., была распущена и его ПИР. Хомейни изначально выступал против любых партий, утверждая, что сама мусульманская община («умма») представляет единую «Партию аллаха», которая угодна исламу.

Вину за теракт власти возложили на Омни. Хотя, по другой версии, взрыв был результатом борьбы между политическими группировками новой правящей элиты, а в его организации подозревали председателя меджлиса ходжат-оль-эслама Хашеми Рафсанджани – соратника имама Хомейни и основного противника и конкурента аятоллы Бехешти. «Ровно за пять минут до взрыва, – писал генерал Леонид Шебаршин, возглавлявший резидентуру КГБ в Иране, – помещение покинули председатель исламского меджлиса Рафсанджани и два его ближайших сподвижника – Раджаи и Бахонар. Версия о Божьем промысле не вызывала бы особых сомнений (все в воле Аллаха!), не будь Рафсанджани основным соперником Бехешти». Отметим, что в самом Иране никогда не строили иллюзий в отношении моральных принципов революционных мулл, и предположения об их причастности к устранению конкурентов имели широкое хождение среди критически мыслящих слоев населения.

Следующим президентом стал также светский политик Мохаммад Али Раджаи, физически устраненный через две недели после инаугурации (30 августа 1981 г.) в результате взрыва в канцелярии премьер-министра. Вместе с ним погиб и премьер Мохаммад Бахонар. Ответственность также возложили на членов Омни. Репрессии против этой организации были ужесточены, и в 1982 г. она перебазировалась во Францию. Потери Омни в результате преследований с лета 1981 г. по лето 1984 г. составили более 20 тыс. человек. На досрочных выборах в октябре 1981 г. президентом стал уже представитель шиитского духовенства азербайджанец по национальности ходжат-оль-эслам Али Хосейни Хаменеи. Эти выборы в основном завершили реализацию идеи аятоллы Хомейни об установлении в Иране теократического режима, где ведущую политическую роль играют исключительно приверженцы религиозного института мулл. Хаменеи на этом посту последовательно сменяли муллы Рафсанджани и Мохаммад Хатами, управлявшие страной до 2005 г. Сам Али Хаменеи вскоре после смерти Хомейни в 1989 г. был удостоен звания «аятоллы» и

избран преемником имама – новым «рахбаром» с практически неограниченными полномочиями.

Таким образом, в 1981 г., после крайне бурного и кровавого периода борьбы за власть, оформилась та модель теократического государства, которая функционирует до сих пор. С учетом обстоятельств внутри Ирана и в мире в политику могут вноситься коррективы, но рамки остаются неизменными. Как бы то ни было, Махмуд Ахмадинежад стал первым за почти четверть века светским главой исполнительной власти.

Цель функционирования иранской политической системы неизменна – любыми средствами обеспечить собственную безопасность на максимально продолжительный срок. Сама система не вполне однородна, поскольку она возникла в результате сочетания революционного подъема широких народных масс и деятельности очень разных политических сил. В основополагающие документы ИРИ были включены положения, отражающие различные интересы и программные лозунги периода антимонархической борьбы. В том числе были зафиксированы и такие принципы, как защита прав народа и «обездоленных» всего мира, что создает правовую основу для экспансионистской внешней политики.

Конечно, основой всей модели является принцип «вেলাят-е факих» («правление правоведа», т.е. высшего исламского авторитета), который изначально не получил всеобщей поддержки. Светская интеллигенция видела в нем оправдание для установления новой диктатуры. А многие влиятельные религиозные деятели, критикующие практическое воплощение этого принципа, апеллируют к шиитской традиции, которая не признает концентрации религиозной власти в руках одного человека (по аналогии с иерархией в католической церкви, чего пытался добиться Хомейни). Но, как ни покажется парадоксальным, именно «вেলাят-е факих», краеугольный камень исламского режима, может быть использован как инструмент его трансформации. Это случится, если на месте факиха (правоведа) окажется человек с реформаторскими устремлениями.

Большинство исламских политиков в чалмах – не религиозные фанатики, а люди рационально мыслящие. Об этом свидетельствует политическая практика единомышленников аятоллы Хомейни на высших постах государства после смерти основателя ИРИ: они не раз предпринимали шаги, несовместимые с линией имама. Например, сближение с заклятым недругом – Саудовской Аравией. Впрочем, и сам Хомейни допускал отступления от своего

жесткого курса. Так, он фактически закрыл глаза на сотрудничество с Израилем во время войны с Ираком и согласился, вопреки своим убеждениям, прекратить боевые действия против Саддама Хусейна. Главными врагами мулл всегда являлись воинствующий атеизм и носители идеологий левого толка («коммунисты»), смущающие своими взглядами верующих мусульман и посягающие на право собственности, которое признается религиозно освященным. Исламские революционеры успешно справились с задачей уничтожения этих основных оппонентов, добившись того, что не получилось у иранской монархии. С ликвидацией левого движения задача номер один исламской революции была выполнена.

Что касается антизападной риторики, главной мишенью которой были США, а также перманентных антиизраильских деклараций, то изначально они были связаны с необходимостью следовать курсу, провозглашенному революцией. Он, по определению, должен был быть противоположным монархическому и отвергать сотрудничество с самыми верными союзниками шаха Мохаммада Резы Пехлеви, в качестве которых выступали именно Соединенные Штаты и Израиль. Новый режим не мог открыто поддерживать с ними прямых контактов без того, чтобы не лишиться внутренней поддержки со стороны религиозных масс, благодаря которой клерикалы пришли к власти и во многом эту власть сохраняют.

Таким образом, послереволюционные приоритеты предполагали ориентацию на страны и регионы мусульманского Востока, особенно нефтедобывающие государства, среди которых режим ИРИ предполагал играть роль лидера. Как и советские коммунисты, иранские клерикалы пытались (и до сих пор пытаются) распространять свое влияние в мире за счет ухудшения благосостояния собственного народа, расходуя огромные средства на поддержку разного рода исламистских движений, не приносящих реальной выгоды иранцам. Такая политика вызывает естественное недовольство в стране. Большинство иранцев давно уже интересуют собственные проблемы, а не судьба мусульманских братьев из соседних и дальних стран, и тем более – арабов, с которыми у персов традиционно отсутствует взаимная симпатия.

В какой-то степени иранский режим оказался заложником хомейнистской идеологии, отход от которой практически допускается, но может быть в любой момент использован для дискредитации политических деятелей из числа оппонентов власти. Руководство ИРИ прекрасно понимает сложность ситуации и давно пытается выйти из этого лабиринта. Сменявшие друг друга прези-

денты демонстрировали своей политикой либерализации готовность к возобновлению отношений с мировой супердержавой, но их действия не находили отклика со стороны США, полагающихся прежде всего на силу при решении глобальных проблем.

Появление на политической арене Махмуда Ахмадинежада должно было снова продемонстрировать миру, а точнее Соединенным Штатам, готовность режима отстаивать свои интересы самым решительным образом. Конечно, ему невыгодно вступать в военные конфликты, а в особенности вести полномасштабные боевые действия с какой-либо страной, а тем более с Израилем и США. И потому все прогнозы о неизбежной войне Ирана с этими государствами – либо сознательные спекуляции, либо непонимание сущности иранского режима. Последнее опасно, поскольку способно при определенных обстоятельствах спровоцировать Израиль или Америку на превентивные боевые действия, что ввергнет регион и мир в череду новых катаклизмов.

Иранцы всегда адекватно оценивали реальную расстановку сил в мире. Непосредственное отношение это, кстати, имеет и к восприятию России как страны, утратившей былую мощь и самостоятельность при решении мировых проблем. ИРИ исходит именно из такого второстепенного положения России, полагая, что в перспективе основными игроками на мировой арене будут Соединенные Штаты и Китай. Как только иранскому руководству удастся договориться с США и Израилем о взаимовыгодном ведении дел и разделе сфер влияния в регионе и в мире (Тегеран претендует и на это), и необходимость в «злом полицейском» отпадет, президента заменят одним движением руки рахбара. Конечно, при соответствующем общественном и политическом оформлении данного решения.

Иран стремится продолжать курс, который был взят еще шахом – на превращение страны в великую державу. Обе традиции, под влиянием которых формировалось национальное сознание иранцев – доисламская история великой персидской империи и шиизм, – всегда подпитывали друг друга и в то же время противостояли одна другой. Они продолжают существовать, все попытки Хомейни и его радикального религиозного окружения уничтожить первую традицию потерпели полный крах. Шах сыграл важную роль в развитии иранского национального самосознания. С одной стороны, это обернулось против него самого, а с другой – иранский национализм в сочетании с шиитским чувством исключительности является силой, которая движет Иран к цели создания

мощного современного государства. Правда, религиозная система, все еще оставаясь в плену догматических взглядов своих основателей, давно вызывает недовольство различных слоев населения и растущее недоверие к самому духовному лидеру Али Хаменеи.

Сложившаяся в Иране политическая система показывает способность видоизменяться, реагируя на внешние вызовы. В то же время догматизм, унаследованный от раннего революционного периода, сужает поле для маневра, сковывает политическую инициативу и тормозит экономическое развитие. На ближайшую перспективу будущее страны будет связано с шиитским исламом, однако молодое поколение подвергает его новому критическому осмыслению. Это оказывает воздействие на традиционное религиозное сознание иранцев и при определенных обстоятельствах может вызвать кризис доверия к самому религиозному институту среди образованной части населения.

Однако при любом развитии событий религиозные лидеры Ирана останутся особой группой, которая объединена сословными интересами и правилами, не позволяющими переходить к открытому внутреннему конфликту, а тем более к пролитию крови членов сословия. Даже в том случае, если рахбар когда-либо будет признан оппозицией диктатором, повинным в убийствах подданных, он будет огражден от сурового наказания, поскольку иначе может начаться процесс разрушения религиозно-политической системы с самыми негативными последствиями для иранских мулл в целом. Оптимальным может стать вариант смены вождя с ограничением его полномочий. Стратегический курс развития страны при этом останется неизменным.

Как видно из вышеизложенного, происходящее в Иране не связано напрямую с «арабским пробуждением» и имеет свою логику, однако события в исламской республике интересным образом вписываются в общую тенденцию, которую знаменуют потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке. На начальном этапе «революций» многие опасались стремительной исламизации протестов, того, что народное недовольство возглавят радикальные исламские группы, которые постараются реализовать в арабских странах нечто подобное иранской модели эпохи Хомейни. Однако довольно быстро выяснилось, что протесты направлены на другое – доминирует скорее националистическая повестка, требования обновления национальных государств, преодоления авторитарной стагнации и придания динамики развитию. И хотя в результате этих событий можно ожидать более самоуверенную и

независимую политику ведущих арабских государств, она не примет агрессивно антиамериканскую и антиизраильскую форму. То есть речь пойдет о переформатировании партнерства с США, а не об отказе от него. Более того, новый политический дух в ряде арабских государств способен нейтрализовать привлекательность радикальных идей иранской исламской революции, призывающих к установлению социальной справедливости и отношений равноправия между всеми странами.

Все это может оказать влияние и на Иран, стимулировав процесс переосмысления исламской государственности и переноса акцента с религиозного на националистический компонент.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., т. 9, № 3, с. 132–141.*

К. Вертяев,
востоковед
**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ
И ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ**

Одним из ярких показателей того, что в Турции идет активное формирование гражданского общества является существование и заметное влияние на социальную и политическую жизнь страны системной политической оппозиции существующему режиму кемализма. В контексте Турции мы понимаем под системной оппозицией ту политическую силу, ядро которой сформировалось в тех же элитных, экономически господствующих кругах, к которым принадлежат и представители верхних и средних эшелонов действующей власти. Опыт показывает, что победа такой оппозиции во многих странах приводит лишь к внутриэлитным перестановкам, но она не способна поколебать основ социально-экономической системы (можно даже предположить, что ее действия только укрепляют ее). То, что эта оппозиция имитирует внесистемный протест, можно отнести к формам пиара. Главная задача системной оппозиции в демократическом государстве – канализовать протестные настроения, которые в ином случае могут вылиться во внесистемные действия или иные формы протеста.

Такая биполярная модель представлена в настоящее время сторонниками кемалистского пути развития Турции, активно поддерживаемыми могущественным генералитетом страны, с одной

стороны, и представителями клерикальных демократов в лице находящейся у власти Партии справедливости и развития (ПСР) – с другой. Круг вопросов, по которым происходит водораздел мнений двух элит, достаточно широк: от ношения хиджабов в государственных и учебных заведениях до перспектив вступления в Евросоюз. Путь в единую Европу является одной из наиболее приоритетных политических задач, и не случайно именно исламские демократы ставят ее во главу угла своей политической платформы. Цель вступления Турции в ЕС, закрепленная в политической платформе Партии справедливости и развития, явилась, по сути, окончательной точкой в процессе превращения исламских демократов в законную системную оппозицию Турции.

Поддержка, оказываемая народом исламским демократам, уже не позволяет генералитету безапелляционно вмешиваться в политический процесс и отстранять от власти неугодных политиков. Можно сказать, что в современной Турции исламистское политическое крыло только в начале XXI в. приобрело легальный статус, превратившись в настоящую системную оппозицию – в основном на волне затяжного политического и экономического кризиса в стране в конце XX в. До этого все попытки исламистов удержаться у власти были обречены на провал, в основном из-за мощного давления со стороны генералитета, который видел и продолжает видеть в политическом исламе исключительную опасность. Однако сам термин «политический ислам» навряд ли применим теперь к той политико-идеологической платформе, на которой стоят «исламские демократы» в Турции.

Во-первых, турецкие происламские партии никогда официально не назывались «исламскими». Таковыми были Партия национального порядка, Партия национального спасения, Партия благоденствия, Партия добродетели и, наконец, самая удачливая из них – ПСР, которая сейчас находится у власти.

Во-вторых, исламистские лозунги, используемые этими партиями, служат в первую очередь канализированию традиционалистских настроений в обществе, где влияние ислама все еще очень сильно.

Ренессанс политического ислама, переживаемый Турцией с конца XX в., во многом был предопределен самой политической системой кемалистской Турции. Формирование системной оппозиции в рамках всей парадигмы политического развития Турции являлось достаточно неоднородным процессом. Его истоки следует искать еще в середине XIX в., когда системная оппозиция нача-

ла формироваться в период танзиматских реформ, во время проведения которых реформистское движение султана Махмуда II натолкнулось на противодействие сторонников традиционалистского пути развития Османской империи. Произошел разрыв во мнениях о путях развития страны. Реформистское течение сторонников Танзимата позднее, уже в начале XX в., трансформировалось в младотурецкую партию «Единение и прогресс» («Иттихад ве таракки»), которой противостояла партия «Свобода и согласие» («Хюрриет ве иттиляф»). Идеологическая программа последней привлекала не только клерикалов и панисламистов, но и сторонников предоставления больших прав автономиям империи. Например, иттиляфистов активно поддерживали курды, в основном из-за провала национальной политики младотурок. Подобная биполярная система формировалась на фоне конституционных реформ Османской империи в начале XX в.

Официальной идеологической доктриной Турции стал лаицизм (доктрина, провозглашающая светский характер государства и образования), что было зафиксировано в Конституции 1937 г. Принципиальная светскость государства явилась результатом процесса европеизации, который начался отнюдь не с реформ Мустафы Кемаля, но явился долгосрочным проектом, начало которому было положено еще во времена танзиматских реформ. Лаицизм как доктрина не находил на первом этапе существования республики весомой поддержки у населения – причем не только у традиционалистов, что вполне естественно, но и у прозападной интеллигенции, поскольку не имел своей выработанной годами философии. Модернизационная политика не подразумевала полного отделения религии от государства. Причем среди младотурок было достаточное количество тех, кто считал, что многие актуальные для начала XX в. проблемы могут быть решены только через ислам, который совместим с современной наукой. Превращение лаицизма в одну из основ государственного устройства Турции с приходом к власти Мустафы Кемаля явилось результатом процесса, начавшегося с отмены в 1924 г. халифата и завершившегося в 1937 г. включением лаицизма как основополагающего принципа в конституцию страны.

Во второй половине XX в. в фарватере системной оппозиции в Турции оставались те партии, которые в той или иной степени демонстрировали лояльность идеологии Ататюрка. Иные же, как Партия благосостояния, позднее – Партия благоденствия (Рефах), были запрещены. Однако рост популярности несистемной клери-

кальной оппозиции на протяжении двух последних десятилетий был очевиден: если в начале 70-х годов их поддерживало около 11% населения, то к середине 90-х этот показатель составил 21,5%. Приход к власти в 1996 г. премьер-министра Неджметтина Эрбакана, лидера партии Рефах, обозначил качественно новый этап в парадигме политического развития Турции. Радикальные лозунги сторонников этой партии выявили, с одной стороны, поддержку у значительной части населения идей радикального переустройства политических ориентиров страны, а также лозунгов, которые шли вразрез с основными постулатами кемализма. Например, организованный исламистами 30-тысячный митинг в центре Стамбула, который прошел 11 мая 1997 г., дал повод генералитету страны забить тревогу, и партия Рефах была в итоге запрещена. После этого новая происламская партия Фазилет в августе 1998 г. начала переговоры о создании предвыборной коалиции с Партией верного пути с привлечением нескольких мелких партий. Однако радикализм Фазилет, как и их предшественников, не позволил партии просуществовать долго – эту партию тоже запретили.

С начала 60-х годов XX в. в Турции набирало силу еще одно из влиятельных клерикальных движений – Нурджуллар. Этап его становления приходится на 50–70-е годы прошлого века. Движение объединяет последователей религиозного философа Сайда Нурси, которым было написано, или, как он сам утверждал, «вдохновлено свыше», сочинение «Рисаля Нур» – «Послание Света» – всего в двенадцати томах. Данный труд представляет собой сборник различных трактатов, статей, комментариев на отдельные айаты и хадисы. Характерной особенностью данного произведения является то, что большинство трактатов изначально было написано на староосманском языке и только две книги – на арабском. Движение Нурджуллар навряд ли можно назвать орденом или суфийским братством. Сам Нурси в своих работах открещивался от суфизма, утверждая, что время тарикатов прошло. Сейчас в среде турецких клерикалов Нурси рассматривается как сторонник обновленческого исламизма, отрицающего необходимость насилия и джихада. В конце 40-х годов XX в. Нурси поддержал Демократическую партию Аднана Мендереса, которая имела тесные контакты также и с членами религиозных орденов, таких как накшбанди, Кадрие и ряда других. Именно с приходом к власти Демократической партии в конце 40-х годов XX в., согласно одному из докладов спецслужб Турции, в госструктуры страны стали планомерно внедряться представители полулегальных религиозных

орденов. Считается, что к религиозным орденам принадлежали и бывший премьер Сулейман Демирель, и президент Тургут Озал (орден накшбанди). При этом особый упор делался на вооруженные силы, Национальную разведывательную организацию (МИТ), полицию.

Значение взглядов Нурси, движения Нурджуллар, а также ряда других влиятельных религиозных орденов в формировании политической доктрины умеренного исламского либерализма становится более очевидным при анализе взглядов наиболее влиятельных просветителей и политических мыслителей Турции XX в., среди которых невозможно не упомянуть Фейтуллаха Гюлена, тем более, что именно с ним связаны попытки выработки внятной идеологии, основанной на своеобразном синтезе основных мировоззренческих традиций Востока и Запада. Подобный синтез доктрины исламского миропорядка с современными научными (в основном западными) мировоззренческими концепциями был подчеркнуто аполитичен. Гюлен и его последователи делали упор на том, что их проповедническая деятельность не преследует какие-либо политические цели и тем более не призывает к установлению в Турции теократического государства, в чем его пытались обвинить антиклерикальные оппоненты. Считается, что сторонников Гюлена отличает модернизационный подход к трактовкам многих религиозных постулатов. Многим в Турции видится, что попытка модернизировать ислам, к чему стремились и Саид Нурси, и позднее Фейтуллах Гюлен, в отличие от саудовского ваххабитского варианта крайне консервативного ислама, лежит в фарватере тех усилий, которые предпринимаются в Турции для того, чтобы максимально сблизиться с западной цивилизацией, найти те совместные точки опоры для идейного обоснования необходимости включения Турции в общеевропейскую систему ценностей.

Возможно, в этом причина того, что это движение находит идейную поддержку среди чиновников государственных структур Турции, а также среди членов находящейся у власти Партии справедливости и развития, одним из краеугольных камней в политике которой является идея мирного сосуществования различных религиозных сообществ, что актуально в свете стремления правительства Эрдогана к вступлению Турции в ЕС. Этот подход достаточно выгодно отличает последователей Гюлена от представителей партии «Хизбалла» – одной из наиболее активно действующих в Турции фундаменталистских экстремистских группировок, которая

ставит целью создание на турецкой территории шариатского государства.

Начало исламизации банковского дела и, как следствие, поиску надежных источников финансирования сил происламской ориентации в Турции было положено в 1983 г., когда главой правительства был Тургут Озал. Собираемые за рубежом крупные денежные средства ввозились в страну и использовались для создания новых компаний и проведения крупных финансовых операций, которые частично находились в руках последователей тех или иных мусульманских общин. Целью подобной мобилизации было их желание поощрить усилия по экономической переориентации Турции на Иран, Ирак, Саудовскую Аравию и другие исламские государства. «В короткие сроки предприниматели-мусульмане обеспечили себе важное место в рыночной экономике, и, что еще важнее, осуществилось взаимодействие капитала тарикатов с исламскими банками». Неудивительно, что в условиях экономического кризиса, захлестнувшего Турцию в самом начале XXI в., кемалисты стали быстро терять доверие населения, а учитывая поддержку крупного капитала, победа ПСР на выборах в 2002 г. была вполне закономерна. Как представляется, с приходом к власти Партии справедливости и развития их идеологические предшественники – движение Нурджуллар и сторонники Гюлена – только укрепили свои позиции.

Примером может служить ответ на официальный запрос в МВД и Министерство по делам религий Турции, поступивший из России в связи с рассмотрением дела о деятельности Нурджуллар и распространением в России литературы Саида Нурси. Ответ был выдержан в достаточно нейтральном тоне: Нурси является одним из почитаемых в Турции богословов, в то время как еще года три-четыре назад деятельность нурсистов в Турции оценивалась в Министерстве по делам религий Турции крайне негативно. Вынесенный в России судебный вердикт о запрете распространения книг Саида Нурси, которые якобы призывают к распрям, среди мусульман России оценивается весьма неоднозначно. Авторитет Нурси как выдающегося богослова подтвержден Каирским богословским университетом.

С другой стороны, к сожалению, иногда непонятно, по каким причинам сегодня во многих исламских и не только странах идет процесс возвышения одних ученых-богословов над другими. При всех заслугах Саида Нурси он остается не единственным заметным философом-богословом Турции. Возможно, здесь нужно

учитывать тот факт, что взгляды Нурси в Турции способствуют формированию новой мусульманской идеологии как своеобразной альтернативы кемалистской идеологической доктрине. А в современных условиях жесткого противостояния кемалистов и клерикалов в Турции последним такая идеология крайне необходима.

*«Исламский фактор в истории и современности»,
М., 2011 г., с. 212–220.*

М. Головизин,
публицист (Институт социологии РАН)
**БРУНЕЙ: МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА
С БОЛЬШИМИ АМБИЦИЯМИ**

Негара Бруней Даруссалам, в переводе «Государство Бруней – Божественная обитель мира» – таково официальное название страны, известной у нас как Султанат Бруней. Дипломатические отношения между Брунеем и Российской Федерацией были установлены в 1990 г. После этого состоялось несколько встреч лидеров наших стран, султан дважды посетил Россию с официальным визитом.

Бруней – абсолютная монархия, получившая окончательную независимость от Англии в 1984 г. Страна не вошла в Федерацию Малайзии, созданную на сопредельных территориях много раньше. Эти дипломатические маневры объяснимы исторически. В годы былого могущества султанат распространял свое господство на весь остров Борнео, вел с Испанией долгий и зачастую успешный спор за Филиппины. Только возведением по периметру побережья мощных монастырей-крепостей, каждый из которых мог укрыть население небольшого городка, испанцы обезопасили Филиппинские острова от набегов воинственных мусульман. Эти монастыри, сочетающие в своем облике черты испанской и местной архитектуры, сохранились до нашего времени.

У независимого Брунея нет внешнего долга, с граждан не взимают подоходный налог. Брунейцы имеют средний годовой доход более 20 тыс. долл. США. Понятно, что средние показатели не уравнивают всех жителей султаната, но наличие нескольких машин в семье госслужащего или ученого – вещь обычная. Богатство создается за счет экспорта сырой нефти, природного газа и, разумеется, монаршей милости к подданным. В наши дни запасы нефти и газа в стране постепенно истощаются, поэтому правитель-

ство поощряет развитие частного предпринимательства и сельского хозяйства, а также науки и высоких технологий. Большинство населения страны проживает в двух-трех городах, более половины работает в правительственных учреждениях или на предприятиях нефтяной промышленности, являющихся государственной (султанской) собственностью. Доходы от экспорта нефти монарх вкладывает в развитие здравоохранения и образования, которые здесь бесплатны.

Хотя Бруней живет по исламским законам, здесь ощущаются и традиции Юго-Восточной Азии. Женщины, как правило, не оставляют открытыми ноги и руки, покрывают голову, но одежду носят яркую, вызывающую ассоциации с индийскими сари. Представители христианского и китайского меньшинств не обязаны носить исламскую одежду. Если сравнивать Бруней с такими странами малайской культуры, как Малайзия и Сингапур, то султанат – самый малайский из них. В повседневной культуре и языке доминирует малайская составляющая. Уже в столичном аэропорту гостя встречают надписи на малайском языке в традиционной арабской графике. В обиходе используется более легкая для написания и понимания латиница, но она не вытесняет арабский шрифт. Даже в модных магазинах столицы на вывесках и рекламных плакатах – арабская вязь.

Исламизация не вытеснила британский колорит. Сохранились и уютные отели в британском стиле, а подстриженные газоны, аккуратные аллеи напоминают о «старой доброй Англии». На завтрак подается овсяная каша, фасоль, яичница с беконом, а коридорный разносит по номерам свежий выпуск «Brunei Times». Деревни плотно окружают центр столицы. Их жители обитают в домах, стоящих на сваях в воде. В центре столицы царят чистота и чопорность, как в типичном британском городке. Хотя есть и более близкий пример для подражания – известный своей чистотой Сингапур. Ощущается взаимное тяготение двух маленьких государств. К сингапурскому доллару, который имеет хождение и в Брунее, привязан курс местной валюты – доллара брунейского. Дороги в столице и за ее пределами вызывают чувство зависти. На улицах не мусорят. Вечером в специально отведенных местах жарят шашлычки, продают овощи и напитки – разумеется, безалкогольные. В стране действует сухой закон, а светское законодательство дополняется системой шариатских установлений.

Столица султаната Бандар-Сери-Бегаван («Город Его Сиятельства») получила свое название в 1970 г. в честь султана Омара

Али Сайфуддина III (1914–1986), отца нынешнего правителя. Но если вы, по аналогии с Сингапуром, ожидаете увидеть в столице Брунея небоскребы, то будете разочарованы. Бруней, конечно, гордится своими успехами, но хвастаться новоявленными богатствами здесь не принято, столица страны скромна. Архитектурные достопримечательности, как и большинство магазинов, расположены на тихом пятачке центра, который за полчаса можно осмотреть детально. Бандар-Сери-Бегаван отличается от любого провинциального города в Малайзии разве что чистотой и отсутствием суеты. Во второй половине XX в., когда процесс деколонизации стал набирать обороты, правители Брунея добились от Англии права создания теократического государства. Правитель Брунея, подобно римским папам, является «непогрешимым». Согласно действующим законам, «Его Высочество Султан Брунея-Даруссалама не действует несправедливо ни как гражданин султана, ни как официальное лицо». Никто из граждан не вправе подавать ни в один суд мира иск против главы государства. Нефтедоллары ввели султана Брунея в клуб богатейших людей планеты.

Нынешний правитель страны Хаджи Хассанал Болкиах Муиззадин Вадаулах родился 15 июля 1946 г. в Бандар-Сери-Бегаване, образование получил в университете Куала-Лумпура и Королевской военной академии в Санд-Хёрсте. 5 октября 1967 г., после отречения от трона отца, он взошёл на престол. Султан обладает абсолютной властью, являясь одновременно премьер-министром, министром обороны, министром финансов и религиозным лидером. В 1987 г., всего через три года после провозглашения независимости Брунея, журнал «Fortune» назвал султана самым богатым человеком в мире. Он коллекционирует дорогие автомобили (семь тысяч эксклюзивных машин общей стоимостью более 5 млрд. долл.) и картины импрессионистов. Резиденцию султана Истан Нурул Имран можно назвать крупнейшим в мире жилым дворцом.

Для граждан и « гостей столицы » увидеть султана возможно лишь в первые три дня после окончания священного месяца рамадан, когда ворота дворца открыты для всех, а султан лично встречает гостей и пожимает руку каждому посетителю, число которых порой исчисляется тысячами. А дети получают от султана еще и подарки. На территории дворцового комплекса находятся государственные учреждения, гарем, султанская клиника и гараж с коллекцией автомобилей, многие из которых созданы по заказу султана и существуют в единственном экземпляре. По сути дела, это

особый внутренний город, в котором проживает обширный штат прислуги, врачей, учителей, рабочих, поваров, секретарей и всех прочих, кто обеспечивает быт монарха и его семьи. Щедрость и расточительность Хаджи Хассанала Болкиаха Муиззадина Вадаулаха поистине не знают границ.

Контраст консервативному стилю дворца составляет выполненная местным скульптором авангардная композиция, символизирующая АСЕАН (Организацию государств Юго-Восточной Азии), куда Бруней вступил после обретения полной независимости. Она построена на бульваре, почти напротив главного входа во дворец. Монумент выражает идею постепенного, «ступенчатого» формирования АСЕАН как целого из частей, различных по государственному, социально-политическому строю, традициям и экономике.

Мечеть Омара Али Сайфуддина, построенная в 50-е годы прошлого века и названная в честь 28-го султана Брунея, – это гигантское сооружение с центральным золотым куполом, украшенным изнутри прекрасной мозаикой из 3 млн. плиток венецианского стекла, с главным минаретом высотой 44 м и восемью минаретами меньших размеров как будто парит в воздухе, повиснув над искусственной лагуной. Рядом расположен султанский павильон «Махалигал», напоминающий своей формой лодку древнеиндийских властителей. С этой мечетью может соперничать более новое сооружение – мечеть Джейм'Аспр Хассанал Болкиах. Ее синевирюзовая крыша, золотые купола и стройные минареты видны почти из любой точки города. Мечеть была построена в 1992 г. в ознаменование 25-летия правления нынешнего султана. По пятницам здесь возносит молитвы Всевышнему сам монарх. Брунейцы представляют это сооружение как гордость страны и чудо света.

Ислам пришел в этот труднодоступный край в XIII в. Примерно тогда же на Борнео попала и китайская тушь, освоенная местными интеллектуалами. Арабская и китайская культура наслонились на индийскую, образовав своеобразный субстрат. Китайские и арабские хроники свидетельствуют, что древнее торговое государство существовало в устье реки Бруней уже в VII или VIII в. По всей видимости, это царство было в начале IX в. завоевано индуистской империей Шривиджайя, которая располагалась на Суматре и частично контролировала Северное Борнео и Филиппины. Позже Бруней попал под власть индуистского государства Маджапахит, но вскоре восстановил свою независимость. Сияриф Али (Беркат) – третий по счету султан Брунея, правивший между 1426 и 1432 гг.,

считается первым мусульманским правителем, построившим на этой земле мечеть и создавшим символы султанской власти. Согласно преданию, он являлся потомком пророка Мухаммеда, происходившим из Таифа (современная Саудовская Аравия). Он был скромным человеком, и на его могиле высечено только имя, без титула «султан». Хотя с тех пор правители Брунея исповедовали и распространяли ислам, они еще долго именовали себя на индийский манер «раджами». Пятый султан (раджа) Болкиах правил в конце XV – начале XVI в. При нем султанат достиг наибольшего могущества, занимая территорию всего острова Бруней (нынешний Борнео). Правитель даже нацелился на Филиппины, достигнув архипелага Сулу. При нем Бруней впервые посетили европейские путешественники – испанцы и португальцы, которые принесли в Европу известия об экзотическом королевстве.

Яркий след в истории Брунея XIX в. оставил английский авантюрист Джеймс Брук. Он сумел стать самостоятельным правителем северной части острова Борнео и даже основал «династию раджей» английского происхождения, сохранявшую свою власть вплоть до Второй мировой войны. Брук родился в Индии. Сбежав из престижной английской школы, куда его определили родители, он получил военный чин, принимал участие в военных действиях в Ассаме. В 1838 г. Брук прибыл на Борнео, где попытался урегулировать конфликт между местными племенами и султаном Брунея. В конце концов, ему удалось подавить восстание. Затем Брук, пригрозив султану пушками, добился от него титула раджи Саравака (так называлась северо-западная часть острова) под весьма формальным сюзеренитетом султана Брунея. Различными путями, как военными, так и экономическими он быстро расширил территорию «своего государства», которая вскоре стала значительно превышать территорию «брунейского сюзерена». Он реформировал систему управления, кодифицировал законы, вел борьбу с пиратством. В 1847 г. Брук приехал в Англию, где получил должность губернатора и генерального консула на Борнео. Брук предложил англиканской миссии построить на Борнео церкви и школы. Англиканская школа Сент-Томас, созданная в 1848 г. при его участии, стала первым европейским учебным заведением в Юго-Восточной Азии. Таким образом, жители стали приобщаться к британской и европейской культуре.

Как сообщают исторические хроники, Брук сохранил многие символы соседней малайской монархии, объединив их со своим собственным стилем абсолютной власти. Он изучал обычаи и ве-

рования местных племён, которые старался сохранять и уважать, что позволило ему выступать в роли главного судьи в местечке Кучинг (ныне – город в Малайзии, неподалёку от брунейской границы). Со временем он передал власть своему племяннику Чарльзу, второму представителю династии раджей Бруков. Созданные ими подвижные воинские соединения «рейнджеров» оказались очень эффективными как в борьбе с пиратством, так и в осуществлении экспансии вглубь острова. В 1942 г. они пытались защищать Борнео от японского вторжения. Последний представитель династии белых раджей Чарльз Брук II «отрекся от престола» в пользу Англии в 1946 г. Впоследствии «империя Бруков» стала основой для формирования островной части Федерации Малайзии, в которую, как уже упоминалось выше, султаны Брунея решили не входить, гордо сохранив самую древнюю монархию в регионе.

«Восточная коллекция», М., 2011 г., № 2, с. 78–90.

Ольга Бибикова,

кандидат исторических наук (ИВ РАН)

АРАБЫ В ЕВРОПЕ:

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ

Требовались рабочие, а приехали люди...

М. Фриш

На отношение Франции к ее арабо-мусульманскому населению оказывает влияние эпоха колониального господства в странах Магриба. Особенно это проявляется в отношениях с Алжиром и алжирцами во Франции, ибо французское присутствие в Алжире было омрачено репрессиями в отношении коренного населения страны, способствовало возникновению внутренних конфликтов, последствия которых еще не изжиты. Французская модель колонизации была также особой из-за сильного стремления перенести на колонии французский язык и культуру. Это можно считать противоположностью британскому методу в Индии, который начался с торговли и был несколько более мягок в части экспорта влияния – политического, социального и правового.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты, опубликованные во французской печати. Периодически возникают дискуссии относительно тех алжирцев, которых называют «харки». Речь идет о тех, кто служил французскому режиму в качестве

гражданских чиновников или в составе военизированных подразделений. Накануне ухода французских колониальных войск из Алжира «харки» были разоружены, в результате алжирские повстанцы многих убили, а также расправились с их семьями. Однако часть «харки» спаслась, покинув Алжир. Фернан Бродель в своей книге «Что такое Франция?», написанной в 1986 г., отмечал, что североафриканцев, служивших во вспомогательных войсках (Бродель называет цифру – 400 000 человек), «французская статистика не включает в число иммигрантов, потому что им предоставлено французское гражданство в награду за услуги, оказанные французской армии во время алжирской войны. После переговоров в Эвиане они бежали во Францию, спасаясь от резни. И вот они здесь: одни раскиданы по всей стране так же, как иммигранты, но их сторонятся и, прежде всего, выходцы из Алжира, видящие в них коллаборационистов и предателей»; другие до сих пор живут в лагерях в Биасе (департамент Ло и Гаронна), в Сен-Морис-л'Ардуаз (департамент Гар), «к которым следует добавить тридцать шесть поселений, разбросанных по лесистым областям Лозера, Лимузена, Вогезов...» Они живут в тесных бараках на скромную пенсию, которую выплачивает им армия, и рожают много детей, чтобы получить на них пособие и таким образом скопить немного денег... Ни они сами, ни даже их дети не могут вернуться в Алжир. Их заманили щедрыми посулами. Пришло время исполнять обещания. Мы в ответе за их судьбу, каковы бы ни были причины их верноподданнических чувств по отношению к Франции, с которой они более или менее добровольно связали свою судьбу».

Об ответственности за судьбы алжирских иммигрантов говорил и президент Жискара д'Эстен в своей книге «Власть и жизнь». В обязанности президента страны входило принятие решения о помиловании приговоренных к смертной казни. Однажды ему пришлось принимать решение по поводу судьбы французамусульманина, совершившего варварское убийство женщины восьмидесяти трех лет. Желая завладеть ее скромными сбережениями, он перерезал ей горло ножом, не обращая внимания на ее крики и мольбы о пощаде. На суде он умышленно говорил дерзости присяжным и председателю. И когда последний напомнил подсудимому о его праве на подачу кассационной жалобы, он заявил: «Плевать мне на него. Мне ваше обжалование ни к чему. Смерть для меня ничто». В результатах обследования, зачитанных на заседаниях суда, подсудимый характеризовался как «социально опасная личность, от которой общество обязано избавиться». При-

сяжные заседатели приговорили его к смертной казни. В деле сохранились довольно подробные сведения о его жизни. Он родился в Алжире, в крестьянской семье. Один из его братьев был убит Фронтом национального освобождения. В 1961 г. он вступил в ряды французской армии. Тогда от него ушла жена, забрав детей. После провозглашения независимости Алжира он был переправлен во Францию как ветеран вспомогательных войск, затем через год его демобилизовали. Он нанялся чернорабочим на железную дорогу, но 18 месяцев спустя был уволен. Так он стал безработным, промышляя вымогательством и мелким грабежом. Он кочевал, бродяжничал. За попытку изнасилования получил шесть лет тюремного заключения. Вскоре после выхода из тюрьмы совершил свое чудовищное преступление. Суд присяжных приговорил его к смертной казни.

«В отношении его виновности вопроса не возникало, – пишет В. Жискар д’Эстен. – И не было никаких оснований для того, чтобы помешать приведению приговора в исполнение. Однако возникал другой вопрос – о нас самих, о нашем обществе, увлекшем его столь далеко от родного дома, от фермы на равнинах Константины, где еще не просохли пятна крови, обществе, которое посулило, что будет к нему радушным, но оказалось неспособным позаботиться о нем и пустило его странствовать, как одинокого зверя, озлобленного и ожесточенного. Я с трудом мог представить себе, как после стольких ужасов и испытаний в нем могла сохраниться хоть слабая искра человечности. А если она сохранилась, то какое же отвращение и презрение он должен был испытывать по отношению к этому могущественному и безжалостному обществу, когда его представители сообщили ему, что он не забыт, что с ним возобновляют контакт, но только для того, чтобы применить суровейшую кару. Я смягчил приговор, заменив его пожизненным заключением».

Периодически во французской печати всплывает информация о попытках «харки», их детей или других алжирцев, пострадавших от французского присутствия в Алжире, добиться от французских властей компенсации за причиненный ущерб.

В 2001 г. французский журнал «Экспресс» рассказал о судьбе гражданина Франции Мохаммеда Гарна. Мохаммед Гарн, родившийся в 1959 г. от матери-алжирки и неизвестного французского солдата, участвовавшего в изнасиловании 15-летней алжирской девочки в лагере для перемещенных лиц Тениет аль-Хаад, в 70 км к юго-западу от Алжира. Как стало известно впоследствии,

власти лагеря, узнав о беременности девочки, пытались заставить ее сделать аборт, используя при этом побои, пытки (вплоть до электрических средств, применявшихся членами ОАС при пытках). Тем не менее Хейра произвела на свет ребенка, которого немедленно у нее отобрали. Уже через год рахитичный мальчик был помещен в госпиталь с весьма обширным диагнозом, включавшим деформацию черепа. Через некоторое время семья алжирских интеллектуалов (он – режиссер, она – известная писательница), проживавшая в Париже, усыновила мальчика. Мохаммед оставался в этой семье до 1975 г. Но приемный отец стал злоупотреблять алкоголем и однажды обозвал мальчика «сыном проститутки». Шок, который испытал мальчик, повлиял на всю его дальнейшую жизнь. Хотя приемные родители жили во Франции, он получил арабское воспитание, и как араб не мог не знать, что значит быть сыном неизвестных родителей. Когда супруги развелись, мальчик был определен в сиротский приют Сант-Винсент-де-Поль, где он пробыл до 1985 г. Уже тогда стало ясно, что травмы, нанесенные его матери во время беременности, сказались на здоровье мальчика.

Вступив в самостоятельную жизнь, Мохаммед почувствовал себя изгоем. После нескольких попыток самоубийства он отправился в Алжир, где, благодаря сохранившимся архивам, нашел свою мать. Хейра, по прозвищу Волчица, проживала в склепе на кладбище Сиди Йахья. На все вопросы Мохаммеда об отце она неизменно отмечала: «Абделькадер Бенгуша». В 1991 г. Мохаммед обратился в Трибунал Тениет-эль-Хаад с целью проверки этой информации. Но, увы! Абделькадер Бенгуша, герой алжирского сопротивления, не мог вообще иметь детей. Наконец, в марте 1994 г. Хейра признала перед Верховным судом, что она была изнасилована несколькими французскими солдатами в лагере для перемещенных лиц.

В 1998 г. М. Гарн приехал в Париж, где он устроился работать на склад большого универмага. Для него Франция была страной, из которой в Алжир приехал человек, изнасиловавший его мать и передавший ему свои гены, а другие французы попытались убить его во чреве матери, и эти усилия сказались на его здоровье. Однажды вечером Мохаммед рассказал свою историю адвокату, который вызвался ходатайствовать о назначении молодому человеку пенсии. После нескольких медицинских освидетельствований, которые подтвердили, что заболевания молодого человека связаны с избиениями его матери во время ее беременности, суд принял решение о назначении молодому алжирцу крохотной пен-

сии в размере 945 франков в месяц. Анализируя ситуацию, сложившуюся вокруг М. Гарна, журнал отмечал, что это редкий случай, когда ребенок – жертва французских солдат получил хоть какую-то компенсацию.

В период правления президента Валери Жискар д'Эстена (в 1980 г.) французское правительство начало переговоры с правительством Алжира о необходимости возвращения на родину тех алжирцев, которые потеряли работу во Франции. В тот период речь шла более чем о полумиллионе человек. При этом Франция брала на себя финансовые расходы по их отправке, выдаче им денежных субсидий, которые, как предполагалось, помогли бы репатриантам создать собственное предприятие малого бизнеса. Алжирское правительство обещало освободить своих соотечественников, прибывающих из Франции на родину, от таможенных и налоговых сборов. Кроме того, правительства обеих стран разрабатывали меры по пресечению нелегальной иммиграции. Соглашение было подписано в сентябре 1980 г. Было решено ежегодно обеспечивать возвращение 35 тыс. алжирских рабочих (вместе с семьями до 50 тыс.).

Описывая обстановку, в которой происходило обсуждение предстоящего франко-алжирского соглашения, Жискар д'Эстен отмечал, что французское общество рассматривало действия правительства позитивно. Свидетельством этого является отсутствие попыток разыграть иммиграционную карту в политической борьбе. «В 1974 г. лидер Национального фронта, баллотировавшийся на пост президента, собрал лишь 0,74% голосов избирателей. В 1981 г., после семилетнего рационального управления проблемой иммиграции, он отказался выставлять свою кандидатуру. За кандидата, от крайне правых, которого этот деятель намеревался поддержать, предполагали голосовать, судя по опросам, лишь 0,3% избирателей, и он выбыл из соревнования. В ту пору на выборах во Франции не было никаких проявлений ксенофобии».

Однако франко-алжирское соглашение о возвращении части алжирских рабочих на родину так и не было реализовано. После избрания Франсуа Миттерана на пост Президента Французской республики новое правительство в одностороннем порядке отказалось от его выполнения. Более того, изменился сам подход к проблеме иммиграции. В январе 1981 г. социалисты приняли манифест, в котором выдвигалось предложение наделять избирательным правом иностранцев, находящихся во Франции более трех лет. Кроме того, было принято решение, в соответствии с ко-

торым «в порядке исключения» было решено выдавать документы на жительство иностранцам, находившимся во Франции нелегально. Это решение автоматически открывало для них доступ на рынок труда, а также предоставляло весь комплекс социальных пособий. Однако, по мнению аналитиков, этот закон не стал временной мерой. В сознании иммигрантов укрепились мнение о том, что нелегальная иммиграция может быть легализована со всеми вытекающими экономическими и социальными последствиями. Информация об этом способствовала всплеску нелегальной иммиграции.

Летом 1981 г. в пригороде Лиона (Менгетте) состоялась демонстрация иммигрантов. Это было мирное выступление, целью которого было привлечь внимание властей к нуждам второго поколения иммигрантов, которых во Франции называют «берами». Демонстранты шли под антирасистскими лозунгами.

В октябре–декабре 1983 г. в Марселе стартовал марш под лозунгом «За равенство и против расизма», который принял широкий размах и закончился в Париже. По дороге к участникам марша присоединились другие категории недовольных – студенты, школьники. Социологи объясняли причины марша проявлениями расизма и ксенофобии, имевшими место в ходе муниципальных выборов, когда Национальный фронт получил значительное число мест. В результате, по подсчетам социологов, в марше приняло участие не менее 100 тыс. человек. Президент Миттеран был вынужден принять в Елисейском дворце депутацию, в числе которой было пятеро беров. Президент пообещал принять меры против расизма в стране, а также объявил о предоставлении права проживания в стране иммигрантам (сроком на десять лет). Этот марш широко освещался СМИ и вселил надежду на то, что с дискриминацией будет покончено и это внесет позитивные изменения в молодежную эмигрантскую среду. Деятели культуры, студенческие организации и профсоюзы заявили о своей солидарности с участниками марша. По мнению П. Бернара, исследователя проблемы беров, вынесение проблемы иммигрантов в публичную сферу, а также благожелательное отношение к маршу французской общественности окрылило многих иммигрантов, способствовало в тот период их интеграции во французское общество.

Арабская иммиграция внимательно следила за событиями на Ближнем Востоке. В период войны в Заливе (январь–март 1991 г.) иммигранты солидаризировались с мнением «арабской улицы», поддержав Ирак, провозгласивший в качестве конечной цели

уничтожение Израиля. В 1992 г. на парламентских выборах в Алжире победила новая тогда политическая партия – Исламский фронт спасения, которая с подавляющим преимуществом обошла две исторические партии Алжира – Фронт национального освобождения и Фронт социалистических сил, в результате была развязана гражданская война. Для выходцев из Алжира, который до этого считался одним из лидеров Движения неприсоединения, это стало психологическим шоком. Для многих возвращение в Алжир стало невозможным, ибо их французское образование, пограничная (франко-алжирская) культура поставили их перед необходимостью дать оценку событиям на родине, решить для себя вопрос о своей принадлежности.

Ситуацию осложнили и репрессии против религиозных интегрлистов в 1990–1993 гг. в Тунисе, которые затронули многих инакомыслящих. Французские правозащитники выступили в защиту последних, в результате чего отношения с Тунисом несколько осложнились. Выходцы из Туниса, традиционно дистанцировавшиеся от политических мероприятий, с беспокойством следили за развитием событий.

Экономическая ситуация начала 90-х годов ухудшила финансовое положение иммигрантов. Выходцы из городских предместий не могли рассчитывать на продолжение образования в высших учебных заведениях, а это формировало потерю интереса к школьному диплому. В свою очередь, отсутствие перспективы закладывало основу для агрессивного поведения молодых беров. Психологи в связи с этим отмечают, что отсутствие перспективы создать семью является фактором, который способствует депрессии и даже толкает на проявление агрессии. В отличие от юношей у девушек было больше перспектив, ибо на рынке женского труда у них было больше шансов. Как следствие складывающейся ситуации в пригородах возникли молодежные банды, деструктивная активность которых заставила полицию организовать рейды по наведению порядка.

Оценивая политику французского правительства, следует отметить определенную непоследовательность, которая объяснялась внутривнутриполитической борьбой. Очевидно, что подлинные интересы французских граждан не учитывались. Решения, связанные с пребыванием иностранных рабочих, не обсуждались на референдумах. Когда СМИ высказывались за сокращение незаконной иммиграции, одновременно эти издания упрекали в том, что они игнорируют проблемы глобальной нищеты в Африке. Правильно

воспринимать сложившуюся ситуацию мешала также нечеткая трактовка положений, касающихся пребывания рабочих – иммигрантов и иностранцев, проживающих во Франции. Попытки привлечь внимание правительства к проблемам иммиграции, в том числе к нелегалам или безработным иммигрантам, неизбежно приводили к обвинениям в ксенофобии. Тем не менее французское общество ощущало угрозу, которая была следствием демографического упадка и ослабления идентичности. Как отмечал в связи с этим Валери Жискара д'Эстен, «моноконцептуальная позиция французских политических и информационных кругов (а состоит она в том, чтобы наложить табу на обсуждение темы иммиграции, ее нельзя даже назвать своим именем, не вызвав бурной реакции, которая исключает любое продолжение дискуссии) является контрпродуктивной в том смысле, что не помогает осознанию истинной природы данной проблемы и принятию необходимых решений».

В 1993 г., в период правления правого правительства, министр внутренних дел Шарль Паскуа сформулировал главную цель иммиграционной политики как «достижение нулевого миграционного прироста», которая позже интерпретировалась как «достижение нулевой нелегальной иммиграции». В принятом так называемом законе Паскуа запрещалось работать иностранным студентам, обжаловать отказы о предоставлении убежища, до двух лет был увеличен период рассмотрения дел о воссоединении семей, расширены права полиции для депортации нелегальных мигрантов. В результате проведения ограничительной иммиграционной политики приток иммигрантов в страну заметно сократился.

В 1997 г., после прихода к власти левых сил, начался пересмотр прежней иммиграционной политики. Шарля Паскуа обвинили в том, что он содействовал уменьшению человеческого потенциала Франции, ограничив возможности иностранцев (студентов и специалистов) в получении работы в стране. В результате дискуссии иммиграционное законодательство было пересмотрено и 11 мая 1998 г. был принят новый закон (так называемый Закон Ж.-П. Шевенмана), который облегчал доступ в страну для высококвалифицированных специалистов и студентов. В рамках борьбы с нелегальной иммиграцией стала амнистия 87 тыс. нелегальных иммигрантов. Поправки к Закону о гражданстве, принятые в 1998 г., восстанавливали возможность предоставления гражданства на основе «принципа почвы» (речь идет о тех, кто родился во Франции), который был модифицирован в Законе Паскуа.

С 1998 г. дети, рожденные во Франции иностранными родителями, автоматически, без дополнительных процедур получали французское гражданство.

Стремление правоцентристского правительства премьер-министра Э. Балладюра (1993–1995) урегулировать и ограничить приток иммигрантов в страну не сталкивалось с серьезным сопротивлением ни общества, ни политических оппонентов. Этому содействовал всплеск антииммигрантских настроений, вызванный экономическим кризисом, и выработанный консенсус между правыми и левыми политическими силами. Так, известный деятель Французской социалистической партии, бывший премьер-министр, М. Рокар в свое время отмечал, что «Франция не может стать прибежищем для всех нищих мира».

Иммигранты, которые попытались вернуться на родину, оказались в сложном положении. Некоторые отмечали, что на родине их воспринимали как иностранцев. Их поведение вызывало нарекания, особенно это касалось женщин, которые не привыкли закрывать лицо и смотрели в глаза собеседникам вопреки арабским традициям. Несмотря на то что во Франции иммигранты относились к самым низкооплачиваемым категориям, вернувшись на родину, они обнаружили, что большинство соотечественников живет крайне бедно. Кроме того, они утратили привязанность к своим обычаям, что в глазах окружающих было почти преступлением.

Информация о трудностях адаптации на родине была с беспокойством встречена теми иммигрантами, которые еще лелеяли надежду вернуться на родину. Эта ситуация поставила их перед дилеммой: либо оставаться «иностранцем» во Франции, либо становиться «иностранцем» на родине. И тот, и другой статус оказался связан с трудностями. В любом случае происходит психологическая ломка, для преодоления которой не хватает жизни одного поколения. На самом деле иммигрантское сообщество во Франции представляет собой особый мир, состоящий не только из разных слоев общества, но и разных по своей ментальности сообществ. При этом надо иметь в виду, что, например, алжирское иммигрантское сообщество является наиболее уязвимым. Отношения между французами и алжирцами отягощены не только колониальным прошлым, но и кровопролитной войной 1954–1962 гг., когда погибло более 100 тыс. человек. Президент Франции Жак Ширак, посетивший Алжир в марте 2003 г., назвал франко-алжирскую войну 40-летней давности «невыразимой трагедией».

В отличие от алжирцев тунисцы и марокканцы относятся к группе «менее неблагонадежных» иммигрантов, что можно объяснить иным характером французского присутствия в этих странах, а также особенностями национального характера этих народов. В ноябре 2005 г. во Франции произошли события, которые вновь вынесли на поверхность проблему иммигрантов. Непосредственной причиной событий стала трагедия двух подростков, выходцев из иммигрантской среды, которые, убегая от преследования полицейских, спрятались в трансформаторной будке и погибли от разряда электричества. По мнению ряда наблюдателей, разрастания конфликта можно было бы избежать, если бы не опрометчиво брошенные слова министра внутренних дел Н. Саркози о том, что он «очистит» пригороды Парижа от «этого сброда». Слова, произнесенные Саркози в эмоциональном состоянии, стали своеобразным «объявлением войны» иммигрантской молодежи, проживающей в неблагополучных кварталах парижских окраин. Кстати, именно по этой причине Николя Саркази потерял много голосов во время президентских выборов. В ходе обсуждения причин происшедших событий высказывалась точка зрения относительно «агрессивности носителей ислама», однако Катрин Витоль де Венден, директор исследовательских программ Центра исследований международных отношений, представитель Института политических наук Парижа, по поводу беспорядков в Иль-де-Франс заявила, что «ислам особой роли в этих событиях не играл. Главное, что имело значение, – это бедность и недостаточно серьезное отношение к проблеме иммигрантов со стороны политиков». По ее мнению, «выступления иммигрантов во Франции были обусловлены непродуманной политикой властей по отношению к ним, а также дискриминацией со стороны полиции и работодателей».

Следует отметить, что, если старшее поколение иммигрантов тешило себя надеждой разбогатеть и вернуться домой, то нынешняя иммигрантская молодежь воспринимает ситуацию без иллюзий. Они изначально ощущают себя не совсем полноценными французами, что затрагивает самолюбие и подталкивает к протестному поведению. Примерно треть иммигрантской молодежи после не слишком успешного обучения в школе остается без аттестата. Уровень безработицы в иммигрантских слоях в среднем в два раза выше, чем среди коренных французов, независимо от уровня их образования, а молодежная безработица в «неблагополучных кварталах» достигает 40%. Если уровень перенаселенности жилищ в стране в среднем находится на уровне 18%, то у вы-

ходцев из стран Магриба и тропической Африки он превышает 40%. Наконец, более 2/3 заключенных в стране составляют представители иммигрантских общин. Даже успешные выпускники учебных заведений из числа выходцев из Северной Африки после рассылки своего резюме имеют в пять раз меньше шансов получить приглашение от работодателя на собеседование, нежели коренной француз, имеющий тот же уровень образования.

Значительная часть французов считает, что иммигранты, которых приютили в процветающей европейской стране, снабдили паспортами и социальными льготами, должны испытывать благодарность к Франции. Эта точка зрения периодически подкрепляется действиями правительства. Так, 23 февраля 2005 г. Национальное собрание Франции приняло Закон о репатриантах, в котором, в частности, содержалось требование, чтобы во французские школьные программы была включена положительная оценка французского присутствия на заморских территориях, прежде всего в странах Северной Африки. Однако через два месяца, сначала во Франции, а затем в Алжире, разразился скандал. Кроме того, в заморских департаментах Франции, где до сих пор проживает немало потомков бывших рабов, состоялись массовые манифестации. Представители иммигрантских организаций резко осудили попытку представить колониальный период в истории их стран в позитивном свете. Против подобной трактовки истории выступили и французские историки. Их возражения получили широкую огласку, хотя печать и телевидение на протесты иммигрантов старались не обращать внимания. 25 марта 2006 г. группа известных историков выступила за отмену требования пересмотреть в школьных программах политику Франции в колониях. Президент Франции Жак Ширак поручил спикеру Национального собрания Жану-Луи Дебре провести анализ ситуации, дать оценку закону и представить свои предложения. В это время другая группа историков выступила против так называемого «Закона Тобиры». Позиция историков сводится к тому, что ученые не должны подчиняться запретам или табу, исходящим из политических соображений. Они заявили, что ученые должны руководствоваться научным беспристрастием и интеллектуальной свободой. Известный историк Пьер Нора сказал, что определять отношение к прошлому с помощью закона – «чисто французская тенденция... Думаю, что это вызвано традиционно интенсивной связью, которую Франция поддерживает со своей историей, – считает он. – В других странах нацию

сформировали язык, экономика, народная культура, а во Франции – история.

Дискуссия затронула важную тему, связанную с разным восприятием франко-алжирской войны. Потомки иммигрантов были возмущены тем, что сегодня их детям в школе внушают, что «их предки являлись галлами». Историк П. Бланшар заявил, что замалчивание факта колониализма непременно даст свои негативные плоды. «Французы боялись, что историческая правда дезинтегрирует французское общество, однако зло уже совершилось. На городских окраинах рождается культура этнически окрашенных территорий, где живут внуки колониального разлома... Вот уже в течение трех-четырёх лет Франция ведет двусмысленную политику памяти. С одной стороны, создаются мемориальные комплексы, посвященные историческим событиям, а с другой – с помощью официальных заявлений и текстов законов утверждается нормативное и позитивное видение колониальной эпохи. Между тем сводя колониальный период к “старым добрым временам”, замалчивая насилие и преступления, французам попросту предлагают ложное представление об истории», – утверждает французский историк.

Дискуссия о новом законе привлекла внимание алжирцев, проживающих во Франции, а также в самом Алжире. Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика, выступая в Сетифе 25 августа 2006 г., заявил, что «Франция должна признать свои деяния во время колонизации в Алжире в 1830–1962 гг. Он напомнил об избиениях 8 мая 1945 г. в Сетифе, в результате которых погибли 45 тыс. человек, по алжирским источникам (по французским источниками – 15–20 тыс.). Бутефлика заявил, что «колонизаторы, таким образом, пытались уничтожить алжирскую самобытность, утверждая, что мы ни берберы, ни арабы, ни мусульмане, что у нас нет ни культуры, ни языка, ни истории».

Другое событие, которое периодически болезненно напоминает о себе, – расстрел мирной демонстрации алжирцев в Париже 17 октября 1961 г. Это был разгар войны в Алжире, когда 30 тыс. алжирцев по призыву подпольного Фронта национального освобождения пришли с окраин в центр столицы, чтобы выразить протест против комендантского часа, введенного префектом полиции М. Папоном. В результате расстрела мирных демонстрантов, по разным оценкам, погибли от 50 до 200 человек, трупы которых были сброшены в Сену. Историк Второй мировой войны А. Тасма назвал это событие «постыдным семейным секретом». Таким об-

разом, многолетние попытки подавить и заглушить неприятные воспоминания о колониализме при помощи административно-силовых методов или лицемерного молчания не приносят желаемых результатов. Среди французов нет единого мнения относительно того, как относиться к колониальному прошлому. Историк Оливье Лекур-Гранмезон считает, что «ревизия колониального прошлого подвергает сомнению образ республики как оплота прав человека». Эта дискуссия показала, что провал иммиграционной и интеграционной политики Франции во многом был предопределен нежеланием властей признать свою вину за колониальный период. Любопытно, что в эту дискуссию включились французские кинематографисты, выпустившие на экраны страны несколько фильмов о войне в Алжире, в том числе документальный фильм «Кровавые годы Алжира» (производство Франция–Великобритания, 2003 г.), а также художественный фильм «Близкие враги» (2007), которые заставили общественность Франции вновь обратиться к анализу происшедшего.

Можно констатировать, что во Франции существует латентный конфликт между сторонниками образа Франции как оплота братства, равенства и справедливости и теми, кто требует признать исторические ошибки, покаяться и принести извинения тем народам, которые пострадали в колониальный период. Разное отношение к событиям колониального времени (также как и у коренных французов, чьи предки воевали в Северной Африке) существует у репатриантов (французов, вынужденных уехать из получивших независимость колоний) и иммигрантов, жителей бывших колоний.

По мнению многих представителей политических сил Франции, единственно возможным вариантом урегулирования отношений, который может способствовать разрешению ситуации, может быть «общественный договор». Попытки урегулировать ситуацию делаются уже несколько лет. В 2003 г. по инициативе Н. Саркози, бывшего в тот период министром внутренних дел, во Франции был создан Совет представителей французских мусульман, который должен решать все вопросы взаимоотношений государства с мусульманами. Идея Саркози, поддержанная президентом Шираком, заключалась в создании так называемого толерантного ислама. Согласно модели Саркози, все мусульмане должны говорить по-французски, мусульманки не должны носить хиджаб в общественных местах, а проповеди в мечетях должны читать имамы, которые получили религиозное образование во Франции и не ис-

пользуют их для обсуждения политических вопросов. Главное же – они должны чувствовать себя сначала французами, а потом мусульманами. «За республиканским столом нет места фундаментализму», – объявил Саркози.

Анализируя предложения министра, следует обратить внимание на то, что, согласно предлагаемым мерам, толерантность должны были продемонстрировать исключительно иммигранты. Как ни странно, предложенная программа отнюдь не рассматривала различия в ментальности иммигрантов, психологические комплексы, которыми традиционно обладают иммигранты, воспитанные на базе коллективистской цивилизации и попавшие в страну, где доминирует индивидуалистская культура. В результате на выборах в Совет в мае 2003 г. 40% мест получили исламские радикалы, открыто заявляющие: «Наша Конституция – Коран». Муфтий парижской мечети Далиль Бубакер, автор книги «Ислам – это не политика», сторонник умеренного ислама, которого Саркози хотел видеть на посту председателя Совета, хотя и прошел в состав Совета, получил крайне мало голосов. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что наиболее активными были как раз те, кто хотел сохранить свою идентичность, не отказываясь от веры отцов.

В ноябре 2005 г., в самый разгар беспорядков в Иль-де-Франс, премьер-министр Доминик де Вильпен заявил о необходимости принятия срочных мер, направленных на то, чтобы «сделать из неблагополучных районов обычные территории Республики». Премьер представил программу, которая включала срочные меры по улучшению положения иммигрантов. Так, в области занятости предполагалось стимулирование поиска работы для получателей социальных пособий путем единовременной выплаты 1000 евро в случае трудоустройства и ежемесячной надбавки в 150 евро к зарплате в течение года. Правительство сочло возможным создать 20 тыс. рабочих мест в коммунальном хозяйстве «кварталов» и общественных организациях. Предусматривалось также сформировать 15 дополнительных «свободных городских зон» для открытия новых предприятий. Премьер также объявил о необходимости увеличить объемы строительства и реконструкции жилья с целью создания жилья, «достойного человека». Предполагалось увеличить на четверть бюджет Агентства по городской реконструкции. С целью оказания помощи неблагополучным школьникам рассматривалось предложение ввести в 1200 школах «неблагополучных кварталов» должности педагогов-ассистентов, а также

организовать профессиональные учебные заведения для детей иммигрантов (с 14 лет). Одновременно было решено открыть десять дополнительных школ-интернатов для наиболее одаренных и целеустремленных детей. Начиная с 2006 г. должно было увеличить количество именных стипендий (с 30 до 100 тыс.).

Особую озабоченность правительство выразило по поводу роста преступности в иммигрантской среде. Рассматривался также вопрос о повышении ответственности родителей, чьи дети являются правонарушителями. Речь шла о заключении «контракта ответственности родителей», позволяющего приостанавливать выплаты семейных пособий родителям, не исполняющим свои обязанности в отношении детей. Предполагалось также провести набор по линии МВД дополнительно 2000 сотрудников для работы в «трудных кварталах».

Тогда же премьер-министр предложил создать Агентство по социальному сплочению и равенству шансов. Это Агентство в кооперации с местными властями и депутатами должно отслеживать реальное положение дел и предлагать соответствующие меры. Перечисленные выше решения легли в основу Закона «О равенстве шансов», принятого в феврале 2006 г.

В июле 2006 г. было объявлено о принятии нового Закона об иммиграции. Вслед за другими странами (Германия, Великобритания и др.) Франция заявила о переходе к политике «выборочной иммиграции». Нынешний закон ужесточает правила воссоединения семей и заключения браков с иностранцами. Желающим обосноваться во Франции придется также продемонстрировать знание французского языка и культуры страны. Таким образом, нелегальной иммиграции объявлена война. Президент Саркози призвал также продолжить усилия по реконструкции проблемных пригородов, что предусматривает выделение крупных средств на решение вопроса занятости и улучшения образования.

Общественные организации Франции откликнулись на инициативу президента. Так, Союз за народное движение в своей программе на 2007–2012 гг. среди десяти приоритетных направлений политики назвал задачу создания «общества уважения и равенства шансов». Программа констатировала, что во Франции долгое время игнорировались многие важные проблемы, такие как положение молодых женщин в иммигрантских семьях, бесконтрольность детей в некоторых семьях, последствия неконтролируемой иммиграции, реальная дискриминация.

В начале своего президентства Саркози, пытаясь наладить отношения с иммигрантами, обиженными его заявлениями в бытность министром внутренних дел, назначил на должность министра юстиции Рашиду Датти, молодую адвокатессу магрибинского происхождения. В качестве первоочередных мер Саркози предложил меры по соблюдению всеми гражданами республиканских принципов в жизни французского общества, в частности светского характера государства, равенства мужчин и женщин, запрета на полигамию. Декларируя необходимость обеспечить достоинство всех людей, проживающих в стране, Саркози и его сторонники отводят особое место решению проблем «неблагополучных кварталов», признавая, что это потребует не только больших средств, но и новых методов работы. Реабилитация «проблемных кварталов» называется «одним из самых трудных вопросов, который встанет перед властями в предстоящую легислатуру».

Очевидно, что правительство и в дальнейшем будет вносить определенные коррективы в иммиграционное законодательство. Однако Франции, как и всей Европе, не избежать социокультурной трансформации, которая является результатом включения в западную цивилизацию столь мощного отряда (около 5 млн. человек) представителей других этносов.

«Вызовы XXI века», М., 2010 г., с. 228–247.

В. Петрищев,
политолог
ТЕРРОРИЗМ СМЕРТНИКОВ

Терроризм как весьма эффективный инструмент нелегитимного насильственного достижения политических целей получил широкое распространение в мире. При этом организаторы террористической деятельности стремятся извлекать максимальную выгоду из процессов глобализации, ставя себе на службу новейшие информационные технологии, транснационализируя, усложняя и делая все менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры, создавая мощную финансовую базу для преступной деятельности.

Терроризм быстро изменяется, мутирует, осваивает все более опасные, бесчеловечные и разрушительные методы. Субъекты террористической деятельности уже преодолели те нравственные рамки, которые ранее сдерживали масштабы и размах терроризма.

Сегодня для рекламирования своих целей и демонстрации своей готовности совершать самые решительные и радикальные действия для достижения декларируемых целей террористы готовы уничтожать сотни и тысячи простых обывателей.

Разгул терроризма в мире, его срастание с организованной преступностью, его коммерциализация приводят к тому, что люди, занимающиеся организацией террористической деятельности, по существу, превращаются в бизнесменов-прагматиков. На этом фоне возрастания рационализма и трезвого материального расчета уникальным исключением выглядит феномен террористов-смертников – особой категории людей, осмысленно совершающих террористические акции, сопряженные с обязательной самоликвидацией исполнителей. Это обстоятельство позволило возникнуть романтизированному мифу о существовании некой «чистой», лишенной криминальных примесей, разновидности терроризма – терроризма «жертвенного». Попытаемся проанализировать, насколько объективен этот миф, насколько бескорыстны люди, вовлекаемые в терроризм смертников, и что собой представляет терроризм смертников в современных условиях.

Если говорить о понятии терроризма смертников, то существуют различные определения рассматриваемого вида терроризма и исполнителей такого рода акций. Как уже отмечалось, иногда терроризм смертников называют жертвенным терроризмом, что, как представляется, некорректно. В этой ситуации личность преступника, несущего смерть людям, романтизируется, окружается ореолом жертвенности. На самом же деле истинными, зачастую ни в чем не повинными и даже совершенно случайными жертвами террористов являются простые граждане, оказавшиеся на месте совершения террористической акции.

В последнее время в связи с многочисленными актами терроризма смертников, совершаемых представителями крайних течений ислама, широкое распространение получил термин «джихад», трактуемый как война мусульман против неверных. При этом исламских фанатиков, совершающих акции терроризма, часто называют шахидами, что также абсолютно неверно. На самом деле понятие «джихад» (от арабского – усердие, рвение, старание) означает предписанное Кораном усилие мусульманина в стремлении к Богу. Джихад включает много аспектов – социальный, культурный, духовный, морально-нравственный, правовой. Лишь одна из разновидностей джихада – «джихад меча» – трактуется как вооруженная борьба с неверными. Причем Коран допускает при-

менение насилия только в качестве ответной меры на внешнюю угрозу. Террористические акции против мирного населения не вписываются в содержание джихада, а в изречениях Пророка Мухаммеда даже есть положения, прямо их осуждающие. Действительно, Пророк заявлял, что если даже самозащита оправданна, она не должна принимать экстремальные формы. Кроме того, если противник готов прекратить свои враждебные действия и ищет мира, святой долг мусульманина – принять мирное предложение. Самое же главное в понятии «джихад» – это внутренний духовный подвиг человека, очищение самого себя.

Экстремистами от ислама осуществляется подмена и понятия «шахид». Не только исламские авторитеты-богословы, но и простые мусульмане, хотя бы немного знающие Коран, объясняют, что термин «шахид» (с арабского – жертвователь) означает мученика, павшего за веру и приобщенного к сонму святых именно благодаря этой мученической смерти. Именно так трактуется этот термин в Исламском энциклопедическом словаре. Однако смерть за веру от чужой руки и уничтожение мирных обывателей – две абсолютно разные и несовместимые вещи. В соответствии с догмами Корана каждый человек, который родился и вышел на свет божий, бесценен. Об этом говорится во многих суннах священной книги мусульман, это утверждают и суфийские мыслители. Ислам, так же как и христианство, провозглашает бесценность человеческой личности. Поэтому стремление организаторов террористических акций, исполнителями которых становятся фанатично верующие люди, освятить убийства мирных граждан исламскими лозунгами – всего лишь подлая спекуляция на религиозности и доверчивости зависимых от них людей.

Западные политологи для определения терроризма смертников часто используют понятие «суицидный терроризм». Однако и оно представляется недостаточно объективным. Действительно, само понятие «суицид» (от латинского – убивать себя) означает самоубийство. Склонность к суициду испытывают лица, обладающие девиантной психикой. Однако лишение самого себя жизни не является основной целью террориста. Преступник стремится к нанесению максимально возможного ущерба другим людям. При этом собственная смерть – лишь условие выполнения поставленной задачи. Кроме того, чаще всего жизнью смертника распоряжается не сам он, как это происходит при суициде, а его руководители.

Таким образом, вероятно, более правильно было бы определить рассматриваемый вид терроризма как терроризм смертников.

Е. Швейцгер, один из руководителей израильского Института мировой политики в области борьбы с терроризмом, трактует его так: «Терроризм смертников – это политически мотивированное применение силы, осуществляемое индивидуумом (индивидуумами), который активно и целенаправленно уничтожает себя вместе с выбранным объектом. Неизбежная смерть исполнителя такой акции служит залогом успеха террористической операции».

История возникновения терроризма смертников уходит своими корнями в далекое прошлое. Яркими представителями террористов-смертников древности можно считать членов иудейской политической секты сикариев в Древнем Риме в I в. н.э. Сикарии, боровшиеся с оккупировавшими Иудею римлянами, в качестве объекта жертвенного терроризма всегда намечали конкретную фигуру, как правило, из числа видных общественных или политических деятелей. Это могли быть либо римляне, либо сотрудничавшие с ними отступники-иудеи. Причем объект покушения изначально рассматривался в качестве культовой, ритуальной жертвы, которая должна была поражаться холодным оружием публично, демонстративно, при большом скоплении народа. При этом террорист-сикарий, планируя совершение такого преступления, прекрасно осознавал, что и сам он практически мгновенно будет лишен жизни. Таким образом, акт терроризма смертника в древние времена укладывался в простую формулу: одна жертва – один террорист.

Широкую известность получила деятельность уникальной секты террористов-смертников в XI в. в Персии (ныне территория Ирана), которую активно использовал для укрепления своего авторитета среди мусульман весьма влиятельный политический деятель того времени Гасан ибн-Саббах. Именно его считают основателем особого террористического ордена ассасинов (по-арабски – «хашашиды»), т.е. убийц. Укрепившись в неприступной горной крепости Аламут на севере Персии, «шейх горы», как стали называть в народе Гасана ибн-Саббаха, нагонял ужас на противников своей воли актами террора, совершавшимися его рядовыми последователями – федави. Они представляли собой мусульман-фанатиков, подбирившихся среди бедноты из числа физически крепких молодых юношей. Федави воспитывались в абсолютном повиновении «шейху горы», воспринимали его как посланника Аллаха и готовы были, жертвуя собой, выполнить любой его приказ. А для того чтобы акт самопожертвования не был лишь формальным актом исполнения религиозного долга, а превращался в страстно же-

лаемую цель, федави подвергались еще и специальной медико-психологической обработке, включавшей применение гипноза и наркотиков. С их помощью фанатикам-федави внушалось, что смерть по воле Гасана ибн-Саббаха – это высший подвиг на земле, после совершения которого для мусульманина сразу же наступает райская жизнь в чудесных садах в окружении прекрасных гурий.

Известный путешественник Марко Поло и ряд других авторов Средневековья так описывают процесс обработки будущего смертника: «Одурманенного юношу, пока он находился в бессознательном состоянии, переносили в потайной сад, окруженный высокими стенами и оборудованный в соответствии с мусульманским представлением о рае. Здесь подготовляемый к подвигу федави, очнувшись, блаженствовал короткое время в объятиях прекрасных “гурий” и наслаждался всевозможными удовольствиями. Затем его усыпляли снова, переносили в обычную обстановку и на следующий день уверяли, что молитвами шейха душа его только что побывала в раю и что испытанное там блаженство будет его вечным уделом, если он сложит голову, выполняя поручения вождя. После этого федави бесстрашно шли на смерть, становясь слепыми орудиями Гасана... Убийство, как правило, совершалось открыто, на людном месте, причем убийца и не пытался бежать: он с восторгом принимал смерть, уверенный в том, что купил себе вечное блаженство, уже испытанное им однажды».

Терроризм с момента своего возникновения претерпел серьезные изменения, в настоящее время старинная формула «одна жертва – один террорист» уже не работает. Развитие средств и технологий уничтожения, ориентация субъектов терроризма на максимальный общественный резонанс каждого акта терроризма, возрастание роли средств массовой информации в части воздействия на общественное сознание привели к тому, что терроризм смертников перестал быть прицельным и избирательным. Жертвы таких террористических актов, как правило, случайны, а организаторы террористических атак при их планировании стремятся к максимальному увеличению количества жертв. Между тем методика идейно-психологической обработки фанатично верующих мусульман в целях превращения их в послушных террористов-самоубийц, вырабатывавшаяся в течение столетий, практически не претерпела изменений до настоящего времени.

Будущие «камикадзе» рекрутируются, как и сотни лет назад, в среде бедной и малограмотной мусульманской молодежи. Их наставники, использующие несчастных фанатиков в качестве

средства достижения политических целей, проводят широкую пропаганду исламских догм, оказывают материальную помощь нуждающимся, организуют молодежные лагеря, в которых и воспитываются будущие «святые мученики». Именно такой тактики придерживаются лидер ХАМАС Исмаил Абу Шанаб и его соратники, а также лидеры экстремистских исламских течений на постсоветском пространстве. Бедные родители отдают своих детей на бесплатную учебу «святым» людям, тем более что они при этом еще берут на себя заботу о содержании учеников и их «трудоустройстве». Таким образом, несформировавшиеся юные души попадают в руки опытных психологов-исламистов. Неофитам «единственно правильной веры» настойчиво внушается мысль о том, что главный смысл существования мусульманина – в служении Аллаху, а принесение своей жизни на алтарь его славы – величайшее счастье. При этом человеку уготованы вечные радости в райских кушах.

Для бедняков сектора Газа каждый член ХАМАС – благодетель, так как именно эта организация оказывает материальную помощь тысячам родственников политзаключенных и «святых мучеников». Им выдаются немалые денежные вознаграждения за погибшего «шахида», младшим членам семьи смертника назначаются стипендии. По данным специалистов, до недавнего времени на содержание семей смертников из бюджета «Хезболла» ежегодно выделялось до 70 млн. долл. При этом примерно половина этой суммы поступала из государств Персидского залива (Саудовская Аравия, Иран, Египет и другие страны), 35% – из Европы (в основном из Великобритании), 15% – из США.

Кроме того, в соответствии с исламистской хамасовской пропагандой каждый «шахид», отдавший свою жизнь за Аллаха, обретает вечную жизнь в раю и имеет право зарезервировать 70 мест на небесах для родственников. Естественно, что после подобной интенсивной религиозно-психологической обработки исламский фанатик начинает воспринимать окружающую его действительность как временную и тягостную необходимость земного существования в ожидании счастливого случая перейти в сады Эдема. А обеспечить это перемещение своих учеников к лучшей и вечной жизни могут лишь духовные наставники, отдающие приказы совершить самоубийство во имя веры. При этом грех самоубийства трактуется как угодный Всевышнему акт самопожертвования, во время которого лицо, его совершающее, мгновенно приобретает статус святого мученика и переносится в рай.

Помимо религиозной обработки и обещаний щедрого вознаграждения для родственников смертника используются и совершенствуются иные приемы и способы вовлечения в терроризм будущих исполнителей террористических акций. Так, весьма эффективной оказалась комбинация мотиваций религиозного и национально-освободительного характера, широко применяемая, например, при проведении террористических атак против Израиля. Смертники стали грозным оружием в руках панисламистов, стремящихся к созданию всемирного Халифата. Одновременно к этому методу стал прибегать и ряд организаций с националистической, этнической или сепаратистской мотивацией своей деятельности, ставящих во главу угла при использовании смертников не религиозный характер их поступков, а героико-патриотический.

Субъекты и география современного терроризма смертников

Всплеск терроризма смертников в новейшей истории пришелся на 80–90-е годы XX в., когда ряд возникших шиитских террористических организаций, сопротивлявшихся израильской агрессии на Ближнем Востоке, взял «шахидизм» на вооружение как весьма эффективный инструмент политической борьбы. Следует отметить, что распространению терроризма смертников среди шиитов способствовала традиция особого почитания некогда погибшего за веру внука Пророка Мухаммеда, имама аль-Хусейна – «шаха шахидов».

В 1968 г. бывший капитан сирийской армии Ахмад Джибрил организовал оппозиционную Ясиру Арафату организацию «Народный фронт освобождения Палестины». Именно он при разработке программы борьбы с израильским режимом особо настаивал на операциях с применением смертников. В начале 1980-х годов возникла ливанская террористическая организация «Хезболла» («Партия Бога»). Основателем и идеологом партии был шейх Сейид Мухаммад Хусейн Фадлалла, сплотивший группу шиитского духовенства и взявший на вооружение опыт Исламской революции в Иране. Современные черты военизированной боевой организации «Хезболла» приобрела в 1982 г., когда в Баальбек прибыли из Ирана несколько сотен «стражей Исламской революции» для борьбы с израильской интервенцией. «Хезболла» выдвинула из своих рядов больше «шахидов», нежели все другие исламские террористические организации, вместе взятые. Именно члены

организации «Хезболла» провели первые масштабные акты террористов-смертников в новейшей истории, продемонстрировавшие эффективность этого вида политического насилия. В декабре 1981 г. террорист-смертник привел в действие взрывное устройство в посольстве Ирака в Ливане, что привело к гибели 27 человек и ранениям нескольких сотен. 23 октября 1983 г. начиненный огромным тротиловым зарядом грузовик с водителем-смертником ворвался на территорию казармы морских пехотинцев США в Бейруте и протаранил здание. При взрыве погибли 240 человек, огромное количество солдат были ранены. Месяцем позже подобная же операция была совершена против французской казармы, в результате чего погибли около 60 солдат, и опять за рулем грузовика-бомбы был смертник.

Помимо «Хезболла» активно используют терроризм смертников на оккупированных израильянами территориях члены ХАМАС, «Исламского джихада», «Бригад мучеников Аль-Акса». Активная роль в организации этой деятельности принадлежит ваххабитам, членам сектантского направления в исламе, в основе политической практики которого лежит доктрина вооруженного джихада против неверных, включая и мусульман, не разделяющих мировоззрения ваххабитов. Автор книги «Стратегия выигрыша войны против терроризма» Ирвин Бросс считает, что около 90% всех совершаемых исламистами в мире террористических актов организуется или поддерживается ваххабитами, а на создание террористической инфраструктуры в Палестине ими ежегодно тратится около 200 млн. долл.

Сначала осуществляется подбор потенциальных исполнителей террористических акций. Ответственные за духовную подготовку будущего террориста должны быть талантливы и харизматичны, разбираться в законах и истории ислама. Ведь им предстоит снять все сомнения и колебания, которые могут возникнуть у подобранных добровольцев и привести их к состоянию готовности умереть смертью мученика. В этих целях доброволец исполняет серию ритуалов, символизирующих уход из земной и вхождение в «святую» сферу, из которой он уже не выйдет до момента исполнения своей «высокой миссии». Террористу активно внушают религиозные, идеологические, политические и военные установки. Будничные проблемы отодвигаются на задний план, как и значимость самой собственной жизни на Земле. Добровольцу и его потомкам от имени Аллаха обещается высокий социально-религиозный статус, которого он никогда не сможет приобрести

другим путем. Ему обещают вечную жизнь и всевозможные удовольствия в садах Эдема. Смертника убеждают в том, что его смерть, похороны и отстранение от любимых и близких будут безболезненны, кроме того, его жертва пойдет на пользу его близким, которым гарантируется значительная помощь со стороны мусульманского общества. Добровольцу внушается, что он решает важную общественно-политическую задачу – поддерживает «Священную войну» – «Исламский джихад».

Потенциальному террористу-самоубийце предлагается присоединиться к числу «почетных героев ислама». Доброволец узнает, что он не первый и что именно таким путем в Эдем за период исламской истории попали очень важные фигуры, начиная с друзей и помощников самого Мухаммеда. История ислама показывает, как важна «смерть мучеников» и как важны ее последствия. Наставники используют религиозные источники, рассказывающие о героизме и славе «шахидов» («мучеников»), и представляют различные «доказательства» их благополучной судьбы после жизни в этом мире.

Добровольцу внушается, что теракты в условиях существующей военной, политической и социально-культурной обстановки не только необходимы, но и оправдываются религиозными законами. Анализируя современную ситуацию и проводя аналогию с ситуациями в прошлом, наставники убеждают смертника в особой значимости его участия в спасении ислама и всех мусульман, особенно проживающих в Палестине.

Весьма изощренны наставники смертников в вопросах разъяснения возможности совершения самоубийства и убийства других людей, ведь по нормам ислама такие действия считаются самым тяжким грехом. Применяется следующая логическая цепочка. Ислам освящает человеческую жизнь, так как человек создан и живет, чтобы служить Богу. Таким образом, жизнь – это лишь средство служения Богу. Джихад («Священная война») – это, конечно же, самоотверженное служение Богу, поэтому и смерть в результате джихада есть апогей такого служения. Ведь для мусульманина не существует цели выше, чем жизнь во имя Аллаха и принятие смерти за него. Таким образом, умереть за Аллаха – это доблесть, в отличие от первичного греха – совершения самоубийства по личным причинам. Если человек просто лишает себя жизни, то он попадает в ад, а «мученику» уготована вечная жизнь в садах Эдема.

Теракт «Исламского джихада» трактуется как исполнение общественного долга. Ведь когда мусульмане оказываются под чужеземной оккупацией, каждый из них обязан бороться против врага любым доступным способом. Таким образом, совершая акт терроризма, смертник участвует в священной войне против врагов. При этом добровольцам приводятся следующие аргументы, разъясняющие необходимость применения террористов-смертников. Да, террористическая акция, возможно, не единственный или лучший универсальный метод борьбы всех времен. Однако для победы «Исламского джихада» следует учитывать существующий баланс сил и конкретные условия противоборства. Акты самопожертвования необходимы сегодня, так как «мир ислама» слабее более сильного противостоящего врага, особенно в Палестине. В такой обстановке вести джихад можно только с использованием неконвенциональных средств. Действительно, враг обладает лучшим оружием, его разведка и превентивные меры стали более эффективны. Весьма трудно проникать в здания, переходить границу с Израилем в целях перемещения оружия, взрывчатки, других средств борьбы. Поэтому для того чтобы нанести врагу максимум потерь и посеять страх в его сердцах, следует прибегать к атакам «шахидов». Он должен проникать в центры скопления людей на машине или неся взрывчатку на своем теле, с тем чтобы привести в действие взрывное устройство в подходящий момент. Конечно же, ведение борьбы другими методами (совершение взрывов или нападение с оружием небольших размеров) также должно продолжаться. Однако следует иметь в виду, что враг повысил свою боевую готовность и качество методов противодействия таким атакам. Перед выполнением своей миссии террорист-самоубийца совершает некоторые обряды, имеющие внешние проявления, например сбривает бороду или отдает долги. Различные акты очищения или духовного возрождения совершают также члены его семьи и друзья. В силу того, что такие действия выходят за рамки обычного поведения, они могут рассматриваться и как признаки подготовки теракта.

Люди-бомбы из числа религиозных фанатиков, сепаратистов и националистов стали активно использоваться с 1980-х годов и в других регионах мира. К числу сторонников таких методов борьбы можно отнести «Рабочую партию Курдистана», Ливанскую коммунистическую партию, Сирийскую националистскую партию. В сепаратистской организации «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке было даже создано специальное отделение

смертников «Черные тигры», включающее подразделение «Морские черные тигры», специализирующееся на организации взрывов на море, группу «Черные тигры-чемпионы» и женское формирование с романтическим названием «Птицы свободы». 21 мая 1991 г. в индийском штате Тамилнад был убит лидер правящей партии Раджив Ганди. Роль бомбы сыграла смертница из организации «Тигры освобождения Тамил Илама». Она пробилась к своей жертве с огромным букетом цветов (при этом охрана поджентльменски расступилась) и замкнула контакт детонатора. На куски разорвало не только Р. Ганди и «тигрицу», но и еще 20 человек. Спустя два года, 1 мая 1993 г. в Шри-Ланке смертник, обвешанный тротилом, во время посещения выставки президентом этой страны Ранасингхом Премадасой подошел к нему якобы за автографом и привел в действие взрывное устройство. В 1996 г. «тигры» взорвали Центральный банк Шри-Ланки, при этом погиб 81 человек, получили ранения около 1400. В 1997 г. возле гостиницы «Хилтон» был взорван начиненный взрывчаткой грузовик. В июне 2001 г. группа смертников в количестве 14 человек с использованием реактивных снарядов атаковала в столице страны Коломбо аэропорт и военную базу, в результате чего были уничтожены свыше десяти пассажирских и военных воздушных судов. Обращает на себя внимание тот факт, что «Тигры освобождения Тамил Илама» – одна из немногих террористических организаций, где в качестве смертников используются и женщины, на долю которых приходится до 70% от общего количества атак «тигров». Заметим, что в исламистских террористических структурах совершение актов терроризма, сопряженных со смертью исполнителя, – привилегия мужчин. Может показаться, что исключение составляет практика чеченских боевиков, но это не так, ибо в основе их действий – не религиозный фанатизм, о чем ниже еще будет идти речь.

В современных условиях терроризм смертников превратился в террористическую индустрию, для поддержания которой затрачиваются большие деньги. Так, например, по оценкам специалистов, состояние одного из руководителей террористической сети «Аль-Каида» Усамы бен Ладена, обвиняемого в причастности к совершению масштабных актов терроризма с использованием смертников в отношении американских представительств в Кении и Танзании в 1998 г. и в Вашингтоне и Нью-Йорке в 2001 г., составляет около 300 млн. долл., а подконтрольные ему компании и фирмы до недавнего времени осуществляли свою деятельность в

35 странах мира. Кроме того, значительные доходы «Аль-Каида» имеет от сбора пожертвований, которые поступают от различных исламистских благотворительных организаций, причем не только из традиционно мусульманских стран, но и из Германии, Великобритании, Италии, Канады.

По подсчетам специалистов из американского исследовательского центра *Rand*, только за период с 1982 по 2002 г. террористами-смертниками в мире было совершено около 300 акций, в результате которых погибли более 3000 человек (без учета жертв террористических атак в США 11 сентября 2001 г.). Совершаемые смертниками атаки становятся все более варварскими, количество их жертв постоянно растет. Так, взрыв, осуществленный смертником в вагоне московского метрополитена 6 февраля 2004 г., унес жизни 40 человек, более 100 были ранены. 2 марта 2004 г. в иракских городах Багдаде и Карбале во время массовых ритуальных мероприятий мусульман было осуществлено около десяти мощных взрывов, в том числе и с участием террористов-смертников, в результате которых погибли свыше 200 человек и многие сотни граждан получили ранения. Десятки детей и женщин погибли в Беслане в сентябре 2004 г. В результате взрывов, произведенных террористками-смертницами на станциях метро «Парк культуры» и «Лубянка» 29 марта 2010 г., погибли 40 пассажиров, более 90 получили различные травмы.

С сожалением приходится констатировать, что в ближайшие годы невозможно ожидать снижения уровня опасности, исходящей от терроризма смертников. Человечество накопило слишком много острых противоречий социально-политического характера, для быстрого разрешения которых организаторы террористической деятельности снова и снова будут пытаться использовать этот эффективный и проверенный инструмент. Существуют даже целые регионы, где терроризм смертников стал уже традицией, имеющей поддержку среди достаточно широких слоев населения.

Кроме того, в индустрию терроризма смертников до сих пор поступают значительные финансовые средства, а надежных алгоритмов перекрытия каналов финансирования терроризма пока не разработано. Аналитик американского Исследовательского центра по вопросам финансовых преступлений Н. Родригес по этому поводу заявил, что полиции и спецслужбам нужно вести расследования, опираясь на показания выявленных и арестованных террористов, которые могут назвать конкретных лиц и организации, снабжавшие их деньгами. Вместо этого, по словам специалиста,

«забрасывается широкая сеть», в которую попадает только случайная мелкая рыбешка. Подтверждением мнения Н. Родригеса может послужить и заявление Усамы бен Ладена о том, что финансовые средства созданной им сети «Аль-Каида» рассредоточены в 50 государствах мира и обеспечены хорошей системой конспирации.

Следует отметить, что рассчитывать в ближайшее время на снижение террористической активности, в том числе с использованием террористов-смертников, не приходится. Необходимо, в частности, принимать во внимание то обстоятельство, что экстремистские течения ислама получили в последние десятилетия широкое распространение во всем мире, включая и европейские государства. Из числа сторонников этих течений также осуществляется отбор и подготовка террористов-смертников.

Почему такая, казалось бы, экзотическая разновидность терроризма, как терроризм смертников, до сих пор остается привлекательной для организаторов террористической деятельности? Дело в том, что она обладает целым рядом преимуществ перед другими разновидностями терроризма. Действительно, каждая акция терроризма смертников, с точки зрения ее организаторов, имеет следующие достоинства: достаточная простота подготовки и низкая стоимость снаряжения смертника; возможность выбора момента совершения акции в целях достижения максимального поражающего эффекта; минимум вещественных доказательств, так как практически все они уничтожаются взрывом; ликвидация исполнителя акции, который уже не сможет дать показаний в отношении ее организаторов; отсутствие необходимости заботиться о поиске путей отхода террориста с места преступления.

Чаще всего акции терроризма смертников реализуются посредством совершения мощных взрывов. Взрывное устройство, цена которого, по оценкам израильтян, составляет всего 100–150 долл., может быть изготовлено даже в домашних условиях. Так, например, сотрудники Федерального бюро расследований (ФБР) США обезвредили в Бруклине двух сторонников ХАМАС, Абу Майзара и Лафи Халила, которые готовились к осуществлению взрывов в нью-йоркском метро. На квартире, где они проживали, были обнаружены жилеты, в которые были вшиты начиненные взрывчаткой металлические трубы, оснащенные электрическими детонаторами. Взрывное устройство делают и в виде специального пояса, который скрывается под верхней одеждой, собирают в рюкзаке или чемодане, камуфлируют под магнитола

или другие вещи, не вызывающие подозрения со стороны окружающих. Более мощные, разрушительные и обладающие к тому же высокими мобильными возможностями – это начиненные взрывчаткой транспортные средства. Это могут быть мопеды или мотоциклы с колясками и прицепами, легковые и грузовые автомобили, водные катера и иные виды транспорта. К сожалению, в России это известно достаточно хорошо, так как в последние годы произошли десятки актов терроризма, в которых смертники использовали начиненные взрывчаткой автомобили. Однако технологии террористов, в том числе и террористов-смертников, непрерывно совершенствуются и становятся еще более разрушительными.

Западные спецслужбы считают, что руководство «Аль-Каиды» в последнее время делает ставку на акты терроризма, способные нанести «невосполнимый экономический ущерб». При этом ведущая роль в проведении такого рода диверсионно-террористических операций отводится террористам-смертникам, которые должны совершать взрывы атомных реакторов, химических и нефтеперерабатывающих заводов, поездов с радиоактивными материалами. После атак террористов-смертников на Пентагон и Всемирный торговый центр американская разведка объявила, что ею получены данные о проведении Усамой бен Ладеном и его соратниками по «Аль-Каиде» опытов по изготовлению химического, биологического и радиологического оружия, которое «террорист № 1» планирует применять с помощью террористов-смертников на территории США и других западных стран. Впрочем, здесь следует сделать оговорку о необходимости осторожного отношения к данным американской разведки, на основании которых, в частности, была начата военная кампания против Ирака, хотя до сих пор химическое оружие, которым якобы угрожал всему миру свергнутый и плененный президент С. Хусейн, так и не обнаружено. Много вопросов и сомнений породили и официальные разъяснения по поводу террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон. В частности, их ставит эксперт по правам человека при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, французский журналист Т. Мейссан, который, опираясь на документы Белого дома и Министерства обороны США, а также официальные заявления высокопоставленных американских чиновников, провел собственное расследование событий 11 сентября 2001 г.

*«Терроризм в современном мире»,
М., 2011 г., с. 147–164.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 11 (233)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 8/XI-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,25 Уч.-изд. л. 9,7
Тираж 500 экз. Заказ № 188

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
42(02)